

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

**ПСИХОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА
И СОЦИОЛОГИЯ
В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Сборник научных трудов

Основан в 2019 году

ВЫПУСК 2

Минск
Академия МВД
2020

Раздел I ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Представлены научные труды по психологической, педагогической и социологической проблематике деятельности правоохранительных органов.

Издание предназначено для аспирантов, адъюнктов, научных работников, преподавателей учреждений высшего образования, а также для сотрудников правоохранительных органов.

Редакционная коллегия:

д-р пед. наук, канд. психол. наук, проф. *В.Г. Стуканов* (председатель);
канд. ист. наук, доц. *А.А. Урбанович* (зам. председателя);
д-р пед. наук, проф. *Ф.В. Кадол*;
д-р психол. наук, проф. *Т.В. Казак*;
акад. Российской академии образования, д-р психол. наук,
проф. *С.Л. Кандыбович*, Российская Федерация;
д-р психол. наук, проф. *В.М. Крук*, Российская Федерация;
д-р социол. наук, проф. *Е.Е. Кучко*;
д-р социол. наук, проф. *С.В. Лапина*;
д-р психол. наук, проф. *А.Н. Пастушеня*;
д-р пед. наук, проф. *А.В. Торхова*;
д-р психол. наук, проф. *И.А. Фурманов*;
д-р психол. наук, проф. *В.А. Янчук*

<i>Дежурова Е.В., Ярошевич Я.В.</i> Особенности построения психологического контакта с осужденными в процессе индивидуальной беседы	7
<i>Казак Т.В., Шершень Л.Л.</i> Профессиональная ориентация и психосоциальная адаптация молодых сотрудников к условиям деятельности в системе органов внутренних дел	15
<i>Колмаков А.А.</i> Социально-психологические аспекты профилактики суицидального поведения заключенных под стражу и осужденных	22
<i>Метлицкий И.Е.</i> Рефлексивное мышление сотрудника правоохранительных органов при выявлении признаков инсценировки криминального события	38
<i>Мушта А.А.</i> Современные дискурсы управления в секторе обороны и безопасности Украины: концептуальные и правовые основания, практики, психологические барьеры	45
<i>Пастушеня А.Н.</i> Теоретические предпосылки психологического анализа результативности применения уголовного наказания	56
<i>Сагайдак С.С., Королук В.Г.</i> Психологические аспекты подбора кадров, обеспечивающих охрану важнейших государственных объектов	69
<i>Семёнов В.Н.</i> Прецедентный опыт экспертной психологической оценки беспомощного состояния в иных категориях насильственных преступлений	75
<i>Софронова А.Ю.</i> Опыт прошлого как ценность: противоречие традиционализма и неотрадиционализма в профессиональном поведении сотрудника полиции	83
<i>Урбанович А.А.</i> Психологический потенциал руководителя органа внутренних дел и его индивидуальная управленческая концепция: соотношение понятий	88
<i>Фурманов И.А.</i> Агрессивность осужденных за насильственные преступления сексуального характера и ненасильственные преступления как предиктор насильственных агитудов в отношении женщин	98

Раздел II ЮРИДИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА

<i>Главницкая И.Н.</i> Использование интерактивных методов обучения в преподавании юридических дисциплин	111
<i>Лямин Д.П.</i> Некоторые аспекты формирования положительных социальных установок у молодежи	117

<i>Мовчан А.В.</i> Модель профессиональной подготовки специалистов по криминальному анализу для аналитических подразделений Национальной полиции Украины	122
<i>Панова О.Б.</i> Правовая ресоциализация несовершеннолетних осужденных как педагогическая категория	128
<i>Стуканов В.Г.</i> Информационно-педагогическая система правового воспитания личности	134

Раздел III ЮРИДИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

<i>Коновалов В.Т.</i> Проблемы духовной безопасности в условиях информационной войны	143
<i>Кучко Е.Е.</i> Опрос экспертов в системе методов социологического исследования	155
<i>Лихачёва С.Н.</i> Проявления девиантности в молодежной среде как социальная проблема (на материалах социологического исследования в Могилевской области)	162
<i>Масленченко С.В.</i> Потенциал теории конструирования социальной реальности П. Бергера и Т. Лукмана в интерпретации манипуляций	168
<i>Мисун Е.Н.</i> Сотрудники органов внутренних дел как социальная группа: социологический аспект	186
<i>Узгорок М.Ю.</i> Социально-политические риски и угрозы в идеологической сфере органов внутренних дел и основные аспекты их предупреждения	193
<i>Шкурова Е.В.</i> Проблематизация основных категорий социологии права	198

CONTENTS

Section I JURIDICAL PSYCHOLOGY

<i>Dezhurova E.V., Yaroshevich Ya.V.</i> Features of building psychological contact with convicts in the process of individual conversation	7
<i>Kazak T.V., Shershen L.L.</i> Professional orientation and psychosocial adaptation of young employees to the conditions of activity in the system of internal affairs bodies	15
<i>Kolmakov A.A.</i> Socio-psychological aspects of prevention of suicidal behavior of prisoners in custody and convicts	22
<i>Metlickij I.E.</i> Reflective thinking of the employee of law enforcement bodies at revealing of signs of the performance of criminal event	38
<i>Mushta A.A.</i> Management trends in the defense and security sector of modern Ukraine: conceptual and legal bases, practices, psychological barriers	45
<i>Pastushenya A.N.</i> Theoretical background of psychological analysis of the effectiveness of application of criminal punishment	56
<i>Sagajdak S.S., Koroluk V.G.</i> Psychological aspects of the recruitment of staff providing the security of the most important state objects	69
<i>Semenov V.N.</i> Precedent experience of an expert psychological evaluation of helpless condition in other categories of violent crimes	75
<i>Sofronova A.Y.</i> Past experience as a significance: the contradiction of traditionalism and neotraditionalism in the professional behavior of a police officer	83
<i>Urbanovich A.A.</i> Psychological potential of the head of the internal affairs and its individual management concept: ratio of concepts	88
<i>Fourmanov I.A.</i> Trait aggression of convicted offenders with different types of crimes as a predictor of violent attitudes towards women	98

Section II JURIDICAL PEDAGOGICS

<i>Glavnitskaya I.N.</i> Using of interactive training methods in teaching legal disciplines	111
<i>Liamin D.P.</i> Some aspects of the formation of positive social attitudes among young people	117
<i>Movchan A.V.</i> Model of professional training of criminal analysis specialists for analytical units of the National Police of Ukraine	122
<i>Panova O.B.</i> The legal re-socialization of juvenile offenders as a pedagogical category	128
<i>Stukanov V.G.</i> Information and pedagogical system of legal education of a personality	134

Section III JURIDICAL SOCIOLOGY

<i>Konovalov V.T.</i> Spiritual security problems in the conditions of the information war	143
<i>Kuchko E.E.</i> The polling of experts within the system of sociological research methods	155
<i>Likhachova S.N.</i> Signs of deviance in youth environment as a social problem (on the materials of sociological research in Mogilev region)	162
<i>Maslenchenko S.V.</i> The potential of the theory of the social construction of reality P. Berger and T. Luckmann in the interpretation of manipulations	168
<i>Misun E.N.</i> Employees of internal affairs bodies as a social group: sociological aspect	186
<i>Uzgorok M.Y.</i> Socio-political risks and threats in the ideological sphere of the interior agencies and the main aspects of their prevention	193
<i>Shkurova E.V.</i> Problematization of the main categories in the sociology of law	198

Раздел I ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9:34

Е.В. Дежурова, кандидат психологических наук (Академия права и управления федеральной службы исполнения наказаний России);
Я.В. Ярошевич (Академия МВД Республики Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА С ОСУЖДЕННЫМИ В ПРОЦЕССЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ БЕСЕДЫ

Рассматривается специфика проведения индивидуальных бесед с осужденными. Поскольку важнейшим фактором эффективности индивидуальных бесед с осужденными является грамотно выстроенный психологический контакт, предполагается, что формирование в процессе его выстраивания эмоционального фона, коммуникативного согласия и взаимодействия будет способствовать построению более доверительного контакта. Практика показывает, что психологический контакт возникает еще до непосредственного общения людей на основе их восприятия друг другом и подвергается изменениям в процессе общения.

Ключевые слова: индивидуальная беседа, осужденные, психологический контакт, психологическое консультирование, методы установления психологического контакта.

В современной практической психологии разработаны специальные методики установления психологического контакта. Однако при организации взаимодействия необходим индивидуальный подход с обязательным учетом как субкультуры, так и психологических особенностей осужденных. Знание современных субкультурных особенностей осужденных имеет большое значение в выстраивании психологического контакта в процессе совместной психологической беседы. В научных трудах А.Н. Пастушени отмечено, что в исправительных учреждениях существует исторически сложившаяся субкультура, имеющая криминальные ценностные ориентации, которые оказывают влияние на поведение и внутренний мир личности осужденного [1, с. 257]. Эти особенности так или иначе проявляются на эмоциональном и поведенческом уровнях, поскольку когнитивные, эмоциональные и коммуникативные свойства психики в процессе отбывания уголовного наказания изменяются и приобретают специфические (часто негативные) черты [2, с. 12].

Также А.Н. Пастушеня отмечает, что само по себе лишение свободы выступает психотравмирующим фактором, вызывающим переживания, в результате которого изменяются взгляды и отношение к окружающим [3, с. 21]. Психологические особенности личности непосредственно влияют на то, как пройдет период лишения свободы и каким будет взаимодействие с представителями администрации исправительного учреждения.

В связи с этим необходимо обосновать предложения по эффективно-му и качественному построению психологического контакта с осужденными и предложить несколько практических рекомендаций по данному процессу.

Наиболее характерными для осужденных являются состояния страха, неуверенности, растерянности, замкнутости, агрессивности, фрустрированности. В своих исследованиях М.И. Кузнецов обращает внимание на блокирование активности в ситуации стресса, неумение найти выход из сложной ситуации, которые, наряду с застреваемостью на негативных переживаниях и склонностью к импульсивным реакциям, формируют неконструктивный стиль поведения [4, с. 17]. Поэтому содержание психологической работы с осужденными должно определяться психологическими особенностями их восприятия и мышления, своеобразным психологическим строем личности, обусловленными менталитетом, средой воспитания и средой исправительного учреждения.

Термин «психологический контакт» в современной научной литературе имеет порядка двадцати различных определений, поскольку он дискусионен и понимается по-разному. И.Н. Кузнецовым этот термин трактуется как система взаимодействия людей между собой в процессе общения, основанного на доверии, при котором люди могут и желают воспринимать информацию, исходящую друг от друга [5]. Ю.В. Чуфаровский определяет психологический контакт как процесс установления и поддержания взаимной заинтересованности общающихся лиц: если люди проникаются интересом или доверием друг к другу, можно говорить, что между ними установился психологический контакт [6]. В.К. Бабаева понимает психологический контакт как отношение, которое характеризуется желанием и готовностью собеседников участвовать в общении друг с другом. Поэтому установить психологический контакт – значит вызвать у собеседника симпатию по отношению к себе или, по меньшей мере, не вызвать у него антипатии. Следовательно, психологический контакт – предпосылка для развития дальнейших отношений [7]. Ю.М. Забродин определяет психологический контакт целенаправленной, планируемой деятельностью по созданию условий, обеспечивающих развитие общения в нужном направлении и достижение его целей [8]. Е.А. Воробьева

выделяет приспособление, внутренние и внешние ухищрения, которые люди применяют друг к другу при общении [9].

Разнообразие определений термина приводит к различным точкам зрения на техники построения психологического контакта.

Чтобы перейти к практическому изложению, напомним, что структура психологического контакта включает в себя три взаимосвязанных компонента – перцептивный, коммуникативный и интерактивный (согласно социально-психологической модели общения Г.М. Андреевой) [10]. Таким образом, оптимальный психологический контакт предполагает одновременное восприятие и понимание людьми друг друга, обмен информацией, взаимодействие и взаимовлияние.

В свою очередь, Е.Н. Резников и Н.О. Товуу предлагают для активного инициирования психологического контакта в соответствии с целью его установления следующую последовательность осуществления действий:

на первом этапе работа на перцептивном уровне – эмоциональное расположение контактируемого, позитивное восприятие и понимание друг друга (первоначально это восприятие основано на информации об особенностях внешнего вида и поведения контактирующего);

втором этапе работа на коммуникативном уровне – накопление согласия между контактируемыми, взаимный обмен информацией средствами общения вербальными (словесными, речевыми) и невербальными (бессловесными), т. е. жестами, мимикой и т. д.;

третьем этапе интеракция на интерактивном уровне – нахождение общих и совпадающих интересов контактирующих, приемлемых точек соприкосновения, взаимовлияние друг на друга.

Следовательно, независимо от типа психологического контакта основным способом поэтапного его формирования является достижение гармонии между контактирующими на всех трех структурных уровнях [11].

В соответствии с вышеизложенным считаем важным выделить некоторые детерминанты, непосредственно влияющие на формирование благоприятного взаимодействия между сотрудником и осужденным. К ним можно отнести:

опыт пребывания в местах лишения свободы. При отбывании наказания в местах лишения свободы на личность осужденного оказывается влияние не только со стороны исправительного процесса, но и со стороны криминогенной социальной среды, в которой он находится. Чем выше влияние криминогенной социальной среды, тем ниже уровень доверия к сотрудникам исправительного учреждения. Отдельно стоит упомянуть осужденных, ранее отбывавших наказание в колониях для несовершеннолетних, которые уже с раннего возраста подвергались

влиянию криминальной субкультуры, в большей степени преувеличивающей негативные последствия взаимодействия с представителями администрации;

возраст сотрудника и его специальное звание. Восприятие осужденным сотрудника строится на множестве факторов как субъективного, так и объективного характера. Среди них следует обратить особое внимание на специальное звание и возраст. Так, более высокое звание и зрелый возраст сотрудника может субъективно восприниматься осужденным как признак профессионального опыта, что, в свою очередь, также располагает к созданию доверительных отношений;

форма одежды. Взаимодействие, общение с сотрудниками в форме носит чаще всего нормативно-регламентированный характер, не являясь межличностным для осужденных, поскольку опосредовано отношением к сотруднику как человеку, персонифицирующему администрацию исправительного учреждения. В свою очередь, представитель администрации исправительного учреждения – психолог в гражданской форме субъективно воспринимается в качестве независимого, стороннего субъекта в системе взаимоотношений «осужденный – администрация», вызывая больше доверия, что непосредственно влияет на поддержание устойчивого психологического контакта.

По мнению М.Ю. Флоровского и А.А. Синюгина, эффективное выстраивание психологического контакта в процессе индивидуальной беседы с осужденным позволяет психологу создать оптимальный фон, дающий возможность применить широкий арсенал тактических приемов профессионально-психологического воздействия на осужденного. Дальнейшее развитие первоначально установленного психологического контакта осуществляется на основе намерений психолога сформировать определенные взаимоотношения, которые определяются факторами доверия и доброжелательности. Доверительные отношения в конечном счете полностью подавляют все негативные факторы, которые могут сформироваться в психике объекта интереса [12].

Важное значение, с точки зрения В.Г. Зыкина, для формирования эмоционального расположения потенциального собеседника и, соответственно, установления оптимального контакта имеет первое впечатление об инициаторе контакта. Первое впечатление складывается на основе восприятия внешних признаков [13], т. е. внешнего вида человека, его экспрессивных реакций (мимика, жесты, походка), голоса, речи.

Поэтому необходимо: в процессе подготовки к установлению контакта уделить внимание тому, чтобы внешний вид производил максимально благоприятное впечатление (ухаживенность, опрятность и т. п.); при уста-

новлении контакта следить за тем, чтобы мимика, жесты и интонации были искренними и доброжелательными, отражали сочувствие, уважение, интерес и внимание к собеседнику [13, 14].

В ходе индивидуальной беседы собеседники могут занимать по отношению друг к другу разные позиции: 1) готовность к сотрудничеству; 2) безразличие; 3) противодействие собеседнику.

Вторая и третья позиция требуют строить общение так, чтобы заинтересовать партнера, чтобы он повернулся лицом. Для достижения этой цели применяются приемы установления психологического контакта.

Стоит отметить основные причины возникновения трудностей в процессе консультирования осужденных. К таким причинам относятся:

- незнание особенностей субкультуры осужденных;
- неправильно выбранная тактика общения, поведения, интонация голоса, мимика и жестикация при первой встрече;
- назидательный, авторитарный тон;
- грубые высказывания;
- равнодушие и формализм, отсутствие заинтересованности в установлении контакта;
- нежелание вступать в психологический контакт с человеком, совершившим преступление, негативное отношение;
- нежелание устанавливать психологический контакт с осужденным, имеющим языковой барьер или низкий интеллектуальный уровень;
- желание получить быстрый результат;
- перебивание собеседника;
- принижение собеседника;
- негативная оценка слов собеседника;
- волнение, дрожание;
- многословие специалиста;
- заискивающие интонации;
- неправильно выбранная дистанция.

Нами были выделены положения, касающиеся особенностей построения психологического контакта с осужденными.

1. Безоценочное отношение. В процессе общения с осужденным психолог не выдвигает тех или иных условий, подразумевающих изменение ценностной картины мира человека, а пытается понять и принять данного осужденного таким, каков он есть, без каких-либо стандартов, определяющих жизнь в условиях социальной изоляции.

2. Знание и учет в беседе норм и ценностей. Осужденные ценят свою автономию, уникальность и склонны противостоять попыткам расправиться с этими свойствами своей природы. Если сотрудник пенитен-

циарного учреждения начнет осужденному читать мораль, склонять к принятию решений, давить на него, человек замкнется, не сможет быть искренним и открытым. При выстраивании работы с осужденным необходимо учитывать его картину жизненного мира. Поэтому в предлагаемых психологом вариантах жизни в пенитенциарном учреждении осужденный должен видеть возможность опоры на традиционные ценности с целью выстраивания наиболее адаптивной модели поведения в процессе отбывания уголовного наказания.

3. Включенность осужденного в процесс общения (консультирования). Следует создать такие условия, чтобы во время приема осужденный чувствовал себя максимально включенным в беседу. Для этого необходимо проявлять эмпатию, с учетом темы и специфики разговора адекватно переживать все, что обсуждается, выстраивать конгруэнтную модель поведения. Представляется важным, чтобы развитие разговора выглядело для осужденного логичным и понятным, а сама тема была интересной, актуальной, затрагивающей его внутренний мир. Психологи, осуществляющие процесс психологического сопровождения осужденных, предлагают тему первичной беседы, которая способствует повышению заинтересованности и доверия осужденных, – место рождения, жительства (район, село, их место расположения, достопримечательности). Можно выяснить: где родился осужденный, проживал, если такая возможность имеется; сведения о семье и родственниках; национальные традиции и обычаи; знание культуры своего народа; национальные праздники; национальные виды спорта; национальные блюда; любимое занятие (род деятельности); есть ли любовь к природе своего края.

Для установления психологического контакта Н.В. Клюева считает важным использование таких приемов, как:

снятие напряжения за счет непринужденности знакомства, выражение удовлетворения по поводу встречи;

проявление интереса и внимания к партнеру;

накопление согласий. Необходимо найти предмет беседы, по поводу которого совпадают позиции и добиться, чтобы собеседник несколько раз согласился или сказал слово «да». В дальнейшем проявление несогласия затрудняется;

«разговаривание» партнера. Следует добиться, чтобы был диалог, а не монолог;

«зацепка». Необходимо найти повод для беседы (какое-либо событие, сравнение, личное впечатление и т. д.) и от него перейти к изложению проблемы. Чаще всего создается иллюзия импровизации, но в действительности «зацепка» тщательно продумывается заранее;

психологическая пристройка к собеседнику – сближение своего стиля общения, манеры поведения с позицией партнера, чтобы снизить психологический барьер, оказать на него внушающее воздействие;

вовлечение в совместную работу;

сопереживание партнеру как необходимое условие для общения. Не все просьбы партнера можно удовлетворить, но следует отнестись к ним с пониманием, искренним сочувствием [15].

В ходе проведения индивидуальной беседы необходимо помнить о таком методе воздействия, как обозначение своей личной позиции, являющемся методом аргументации. Владение приемами аргументации позволяет одновременно просто и диалогично изложить нужную информацию с учетом потребностей оппонента (собеседника). Доказательства обычно доступны для понимания слушающего: в них он находит отклик своим ценностным ориентациям и интересам. К методам аргументации относятся методы: фактологический (изложение конкретных фактов), противоречия, сравнения, бумеранга и др. Темп аргументации должен совпадать с речевым темпом собеседника.

Изложенные способы и приемы позволяют сформировать базу для развития психологического контакта с осужденным до делового сотрудничества на уровне предварительного согласования целей. Развитие контакта обычно связано с обсуждением вариантов организации совместных действий по достижению этих целей и с определением общей цели и стратегии. При этом часто имеются в виду не только ближайшие цели, но и перспективные.

1. Пастушеня, А.Н. Психолого-педагогические условия повышения эффективности исправительного процесса / А.Н. Пастушеня // Актуальные проблемы современной пенитенциарной психологии : в 2 т. / О.А. Таболевич [и др.] ; под общ. ред. Д.В. Сочивко. – Рязань, 2013. – Т. 1. – С. 245–263.

2. Писарев, О.М. Психология пенитенциарного социума : учеб. пособие / О.М. Писарев. – Томск : ДиВО, 2007. – 88 с.

3. Пастушеня, А.Н. Исправительная психология : учеб. пособие / А.Н. Пастушеня. – Минск : Акад. МВД, 2013. – 174 с.

4. Социальная работа в пенитенциарных учреждениях : учеб. пособие / А.Я. Гришко [и др.] ; под ред. А.Н. Сухова. – М. : Моск. психол.-соц. ин-т, 2007. – 300 с.

5. Кузнецов, И.Н. Технология установления прочных межличностных контактов [Электронный ресурс] / И.Н. Кузнецов. – Режим доступа: <https://hr-portal.ru/article/tehnologiya-ustanovleniya-prochnyh-mezhlichnostnyh-kontaktov>. – Дата доступа: 26.08.2020.

6. Чуфаровский, Ю.В. Психология оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] / Ю.В. Чуфаровский. – М., 2001. – Режим доступа: <http://www.bnti.ru/showart.asp?aid=1009&lvl=05>. – Дата доступа: 29.08.2020.

7. Бабаева, В.К. Налоговая полиция [Электронный ресурс] / В.К. Бабаева. – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/babaev_nalogovaja/. – Дата доступа: 17.07.2020.

8. Забродин, Ю.М. Психология ведения деловой беседы [Электронный ресурс] / Ю.М. Забродин. – Режим доступа: <https://pandia.ru/text/78/276/32424.php>. – Дата доступа: 11.09.2020.

9. Воробьева, Е.А. Профессионально-психологические особенности контактности следователей в условиях допроса [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.03 / Е.А. Воробьева. – Режим доступа: <http://childpsy.ru/dissertations/id/18201.php>. – Дата доступа: 11.09.2020.

10. Андреева, Г.М. Социальная психология [Электронный ресурс] / Г.М. Андреева. – Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Andr/index.php. – Дата доступа: 20.07.2020.

11. Резников, Е.Н. Этнопсихологические характеристики народа тыва: теория и практика / Е.Н. Резников, Н.О. Товуу. – М. : ПЕР СЭ, 2002. – 223 с.

12. Флоровский, М.Ю. Тактика допроса: особенности установления психологического контакта [Электронный ресурс] / М.Ю. Флоровский, А.А. Синюгин. – Режим доступа: <https://psy-diplom.ru/primery-referatov-i-kontrolnyh-psihologicheskoy-kontakt/>. – Дата доступа: 12.08.2020.

13. Зазыкин, В.Г. Психология пронциательности [Электронный ресурс] / В.Г. Зазыкин. – Режим доступа: http://www.syntone-spb.ru/library/books/?item_id=4426. – Дата доступа: 14.09.2020.

14. Ламажа, Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Ч.К. Ламажа. – М., 2011. – 41 с.

15. Ключева, Н.В. Педагогическая психология [Электронный ресурс] / Н.В. Ключева. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/klyueva/index.php. – Дата доступа: 21.09.2020.

Поступила: 22.06.2020

E.V. Dezhurova, Candidate of Psychological Sciences (Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary service of Russia), Ya.V. Yaroshevich (Academy of the MIA of the Republic of Belarus)

FEATURES OF BUILDING PSYCHOLOGICAL CONTACT WITH CONVICTS IN THE PROCESS OF INDIVIDUAL CONVERSATION

The article deals with the specifics of conducting individual interviews with convicts. Since the most important factor in the effectiveness of an individual conversation with prisoners is a well-built psychological contact, we assume that the formation of an emotional background, communicative consent and interactive interaction in the process of building it will contribute to building a more trusting contact. Practice shows that psychological contact occurs even before direct communication of people, based on their perception of each other, and is subject to changes.

Keywords: individual conversation, convicts, psychological contact, psychological counseling, methods of establishing psychological contact.

УДК 159.9:34

Т.В. Казак, доктор психологических наук, профессор (Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники); Л.Л. Шершень (Белорусский государственный медицинский университет)

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ И ПСИХОСОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ МОЛОДЫХ СОТРУДНИКОВ К УСЛОВИЯМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Профессиональная ориентация молодежи является важным звеном работы по обеспечению эффективной адаптации молодых сотрудников к условиям служебно-профессиональной деятельности в ОВД. Современные условия функционирования основных структур требуют модернизации профориентации. Наиболее целесообразными прогрессивными изменениями в этой области мы считаем создание национальной системы профессиональной ориентации для обеспечения непрерывности, устойчивости, стабильности процесса профориентации, а также для экономии финансовых ресурсов; расширение состава институтов ориентации; кардинальное совершенствование методов, способов и приемов деятельности.

Ключевые слова: профессиональная ориентация, система органов внутренних дел, психологическое сопровождение, принципы подготовки, социальная адаптация.

В соответствии с предлагаемым нами подходом одним из значимых элементов психологического сопровождения психосоциальной адаптации молодых сотрудников к условиям деятельности является профессиональная ориентация молодежи, организуемая и осуществляемая с целью оказания помощи в выборе специальностей служебно-профессиональной деятельности, необходимых системе органов внутренних дел (ОВД). С этой точки зрения активная профессиональная ориентация на приобретение соответствующих специальностей должна входить в основное ядро главных направлений развития ОВД. Роль этого элемента еще более возрастает с учетом стремительного сокращения социальной базы для подготовки специалистов системы ОВД. Таким образом, анализ сущности и особенностей феномена профессиональной ориентации, выявление возможностей ее совершенствования не только актуальны, но и входят в число приоритетных проблем, требующих незамедлительного разрешения.

Теоретико-методологической основой изучения профессиональной ориентации молодежи на овладение специальностями, необходимыми

ОВД, по-видимому, следует считать постулаты, сформулированные в процессе исследований профессиональной ориентации вообще.

При этом нельзя сбрасывать со счетов и то, что явление профессиональной ориентации, хотя и получило достаточно фундаментальное научное описание, в последние годы для большинства сфер социально-экономической системы Российской Федерации в некотором роде утратило былую актуальность.

Широко известно, что самый существенный вклад в исследование сущности, видов, особенностей и методов профессиональной ориентации внесли В.М. Львов, С.А. Багрецов, В.А. Бузунов, В.П. Гребняк, К.М. Гуревич, Н.Г. Гусев, Н.Н. Захаров, И.Д. Карцев, Н.П. Калашников, Н.И. Калугин, А.В. Качанов, В.Л. Маришук, А.П. Меньшиков, В.А. Поляков, К.К. Платонов, А.Д. Сазонов и другие признанные специалисты. Если попытаться обобщить, становится понятным, что в целом для современного уровня научных знаний о профессиональной ориентации все более характерным становится их прикладная направленность. Между тем монистический подход к этому явлению явно не обнаруживается.

Например, согласно К.К. Платонову, профессиональная ориентация – форма трудовой экспертизы; система государственных психолого-педагогических, медицинских и экономических мероприятий, предусмотренных конституцией, помогающих человеку, вступающему в жизнь, научно обоснованно и устойчиво выбрать профессию с учетом нужд общества и своих способностей и призвания [1, с. 98; 2]. В процессе активной профориентационной работы, считает ученый, формируется профессиональное самоопределение личности. По мнению А.Д. Сазонова, профессиональная ориентация – целенаправленная деятельность по подготовке молодежи к обоснованному выбору профессии в соответствии с личностными склонностями, интересами, способностями и одновременно с общественными потребностями в кадрах различных профессий и разного уровня квалификации [3]. По словам В.Л. Маришука, профессиональная ориентация – научно обоснованное распределение людей по различным видам общественно полезной деятельности в связи с потребностями общества в различных профессиях и способностями людей к их замещению [4].

Как мы видим, различия в понимании исследуемого явления носят достаточно серьезный характер. К тому же в приведенных представлениях, как мы полагаем, не в полной мере учтены реалии нынешнего дня, когда государство коренным образом изменило подходы к профориентационной работе, отказалось от распределения трудовых ресурсов по отраслям и производствам и дистанцировалось от прямого руководства большинством сегментов отечественного рынка труда.

При всех разногласиях ученых относительно сущности профессиональной ориентации объективной тенденцией исследований становится активное аккумулирование исходных положений, позволяющих не только делать интересные выводы, но, что более весомо, плодотворно применять их на практике. Систематизация трудов ученых и практиков, их углубленный анализ показывает, что среди основных теоретико-методологических положений, обеспечивающих полное согласие авторов и целесообразных для использования в контексте профессиональной ориентации на овладение различными специальностями, выделяются следующие.

Деятельность по профессиональной ориентации – особая сфера приложения усилий государства, общества, заинтересованных субъектов, представляющая собой систему взаимосвязанных целей, задач, принципов, форм и методов их реализации, а также четких критериев эффективности и прочих системообразующих элементов. С этой точки зрения, как мы полагаем, профессиональная ориентация для ОВД РФ должна стать отдельным, приоритетным и организованным в стройную систему направлением деятельности. Правильно организованная работа в данной сфере – залог не только нормального функционирования ОВД, но и их способности к совершенствованию и перестройке в соответствии с изменяющимися условиями и угрозами общественной безопасности, а также к прогнозированию своего дальнейшего развития.

Профессиональная ориентация по сути своей входит в число тех социальных феноменов, которые затрагивают различные проблемы функционирования социального организма. Потoki информации, возникающие в процессе профориентационной работы, прямо и косвенно воздействуют на общественное сознание, изменяя контуры ментального облика общества. Таким образом, профессиональную ориентацию необходимо признать общественной проблемой, которая должна разрешаться соответствующей организацией, а также управлением со стороны государства.

Система профессиональной ориентации – часть общей системы социальной ориентации личности в сложившейся структуре производительных сил и производственных отношений. Профессиональная ориентация граждан является неотъемлемой частью внутренней политики государства (Приказ Министерства труда и социального развития Российской Федерации от 25 июня 2001 г. № 125 «Об утверждении направлений взаимодействия Министерства труда и социального развития Российской Федерации и Министерства обороны Российской Федерации в работе по военно-профессиональной ориентации граждан Российской Федерации, состоящих на воинском учете»). Очевидно, что и профори-

ентация на овладение специальностями в ОВД приобретает известное социально-политическое значение.

В условиях возрастающих внешних и внутренних угроз общественной безопасности РФ государство может и должно дифференцировать активность по профессиональной ориентации в отдельных секторах, концентрируя усилия на действительно важных в данное время для общества направлениях. Иными словами, в настоящих условиях реформирования МВД целесообразен структурный маневр в сфере профессиональной ориентации, создание своего рода «макрогенераций» воздействия на людей, обеспечивающих удовлетворение различных структур МВД в качественных человеческих ресурсах. Для конструктивного решения проблемы профориентации на овладение рядом основополагающих специальностей в ОВД недостаточно усилий лишь самих подразделений ОВД. Для того чтобы система профессиональной ориентации стала эффективной, необходима скоординированная деятельность в масштабах МВД РФ.

Профессиональная ориентация молодежи является подсистемой (элементом) системы психологического сопровождения профессионального становления сотрудника. В соответствии с этим положением профессиональная ориентация молодежи на овладение специальностями в ОВД является одним из звеньев всей процедуры обеспечения психосоциальной адаптации молодых сотрудников ОВД.

На эффективность профессиональной ориентации влияют многообразные, нередко трудно поддающиеся учету объективные и особенно субъективные факторы. Выявленная характерная черта предопределяет целесообразность поиска и наступательного применения инструментов компенсации (амортизации) воздействия на нее – ориентацию субъективных импульсов, так как объективные импульсы – обычно порождаемые в органах МВД явления, носящие непреодолимый характер.

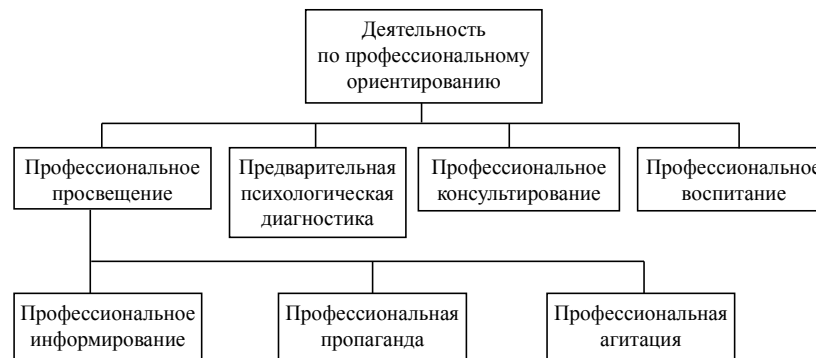
Научная картина, отображенная выше, позволяет нам рассматривать профессиональную ориентацию молодежи как организованную, управляемую, систематическую и целенаправленную деятельность субъектов и государственных институтов, направленную на осознанное самоопределение молодых людей, овладение выбранными специальностями, важными для решения инновационных задач реформирования структур МВД. Очевидно, что исследуемая нами профессиональная ориентация есть комплексный процесс, требующий не только организованной совокупности всех компонентов деятельности, но и согласованных усилий самых разнообразных субъектов – от государственных институтов до отдельных сотрудников структуры МВД.

Несмотря на множественность подходов в разрешении многих вопросов профессиональной ориентации, в современной научной литературе общим местом стала констатация основополагающей цели профори-

ентационной работы, чаще всего трактуемой как подготовка молодежи к обоснованному выбору профессии, удовлетворяющему как личные интересы, так и общественные потребности. При этом эта общая цель своеобразно преломляется в задачах профориентационной работы, зависящих от конкретных потребностей вполне определенных субъектов профотбора (государственные и общественные учреждения, организации, МВД и т. д.).

Итак, фундаментальная цель профориентационной работы в интересах ОВД – подготовка молодежи к обоснованному выбору профессии специалистов, удовлетворяющему личные интересы молодых сотрудников, интересы МВД и общественные потребности в обеспечении внутренней безопасности РФ. Эта цель соотносится с общей целью профессиональной подготовки молодежи и может успешно реализовываться в процессе обучения.

Успех же в реализации целей и задач указанной работы детерминруется эффективностью форм и методов деятельности по достаточно однозначно определяемому перечню ее направлений (см. рисунок).

Направления профессионально ориентационной деятельности

Специалистами основательно описано каждое из направлений деятельности по профессиональному ориентированию. В частности, под профессиональным просвещением подразумевается процедура формирования мотивации к профессиям, в которых общество (государство, экономический субъект) испытывает особую необходимость, сообщение сведений об особенностях различных профессий и требованиях к сотруднику ОВД. Профессиональное просвещение проводится через профессиональное информирование (информацию), пропаганду и агитацию.

Цель профессионального информирования – ознакомление потенциальных сотрудников и претендентов на рабочее место с наиболее акту-

альными для общества профессиями в данный момент и в ближайшие 20–30 лет, а также с потенциальными и преимуществами овладения той или иной профессией.

Профессиональная пропаганда осуществляется в общем русле пропаганды, рассматриваемой в качестве особого рода социальной деятельности, основной функцией которой является распространение знаний, идей, художественных ценностей и иной информации, формирующих определенные взгляды, представления и эмоциональные состояния, а через них воздействующих и на поведение людей – на выбор профессии. Иными словами, истинная цель профессиональной пропаганды – сознательное и целенаправленное преобразование ментальной субстанции общества в целях восприятия привлекательности тех или иных видов профессиональной деятельности. Поэтому основными принципами профессиональной пропаганды являются целенаправленность, дифференцированность, планомерность, массовость, многообразие форм и методов.

Цель профессиональной агитации – активное влияние на выбор членами общества профессий, нужных региону, городу, отдельному хозяйствующему субъекту, институту общества и т. д.

Профессиональная пропаганда, ориентирующая молодежь на выбор служебно-профессиональной деятельности в ОВД, становится плодотворной, если реализуется самый широкий спектр взаимосвязанных форм и методов работы. К ним относятся: использование рассказов о профессиях, организация молодежных клубов, в которых познаются азы специальностей в структуре МВД, проведение анкетирования, тестирования (в частности, для диагностики профессиональных способностей), бесед, написание курсантами рефератов, проведение с ними различных игр и др. При этом особую роль играют применение красочных, разумно оформленных информационно-справочных материалов и использование особых просветительских методов. Уместны будут:

- профессиограммы (краткие описания профессий);
- разнообразная справочная литература (буклеты, брошюры и т. п.);
- информационно-поисковые системы, в особенности компьютеризированные;
- профессиональная реклама и агитация;
- экскурсии в ОВД и учебные заведения;
- встречи с широким кругом специалистов ОВД;
- познавательные лекции о путях решения проблем самоопределения;
- профориентационные уроки со школьниками;
- учебные фильмы и видеофильмы;
- модификации ярмарок профессий, уже на деле продемонстрировавших свою эффективность.

Но одного только профессионального просвещения недостаточно для формирования профессиональной пригодности молодежи для службы в ОВД. Необходимо объединение усилий ряда структур МВД и активного участия в этой деятельности государственных институтов, чтобы снизить издержки экономических агентов.

При неизменной общей, фундаментальной цели конкретные (тактические) цели и задачи профессиональной ориентации полностью зависят от потребностей ОВД в кадрах по тем или иным специальностям, от степени остроты этих потребностей и предложения труда в регионах РФ. Вместе с тем проведение мероприятий по профориентации, нацеленных на перспективу, позволяет успешно обходить выявленные ограничения.

Наибольший эффект профессиональная ориентация приносит в том случае, если в ее рамках реализуются основные принципы подготовки молодежи к выбору профессии, выделенные Е.А. Климовым [5, 6]. К ним относятся:

- культивирование полной психологической структуры труда при информировании клиента о тех или иных вариантах профессиональных выборов;

- воспитание равного уважения к разным видам профессионального труда как социально равноценным;

- интерпретация знаний о мире профессионального труда и соответствующих отношений клиента к профессиям (особенно молодого клиента) как органичного звена формирования мировоззрения (миропонимания и мироотношения);

- опора на формирующий, воспитательный подход к руководству выбором профессии в противовес простому отсеиванию непригодных здесь и сейчас;

- понимание педагогическим руководством выбора профессии не как компенсации беспомощности молодого человека в сложной ситуации, а как искусства активизации его жизненной позиции, процесса его самоопределения;

- последовательная реализация права молодых людей на сознательный и свободный выбор профессии в связи с реалистической оценкой себя и конкретной жизненной ситуации;

- сочетание массовых форм работы по трудовому обучению и профессиональной ориентации с индивидуальными, последовательная реализация требования «доходить до каждого».

1. Платонов, К.К. Личностный подход как принцип психологии / К.К. Платонов // Методические и теоретические проблемы психологии : сб. ст. / под ред. Е.В. Шороховой. – М. : Наука, 1969.

2. Платонов, К.К. Система психологии и теория отражения / К.К. Платонов. – М. : Наука, 1982.
3. Сазонов, А.Д. Профессиональная ориентация учащихся / А.Д. Сазонов. – М. : Просвещение, 1988.
4. Маришук, В.Л. Психологические основы формирования профессионально значимых качеств : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.03 / В.Л. Маришук. – Л., 1982.
5. Климов, Е.А. Идеалы культуры и становление субъекта профессиональной деятельности / Е.А. Климов // Психол. журн. – 2005. – № 3. – С. 94–101.
6. Климов, Е.А. Психология профессионального самоопределения. – Ростов н/Д. : Феникс, 1996.

Поступила 12.07.2020

T.V. Kazak, Doctor of Psychological Sciences, Professor (Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics); **L.L. Shershen** (Belarusian State Medical University).

PROFESSIONAL ORIENTATION AND PSYCHOSOCIAL ADAPTATION OF YOUNG EMPLOYEES TO THE CONDITIONS OF ACTIVITY IN THE SYSTEM OF THE INTERNAL AFFAIRS

Vocational guidance of youth is an important link of all activity on ensuring effective adaptation of young employees to office professional activity conditions in Department of Internal Affairs. Modern operating conditions of the main structures demand career guidance modernization. We consider as the most expedient progressive changes in this area creation of national system of vocational guidance that will provide a continuity, stability, stability of process of this orientation, and also economy of financial resources of the enterprises; expansion of structure of institutes of orientation; cardinal improvement of methods, ways and methods of activity.

Keywords: vocational guidance, system of law-enforcement bodies, psychological maintenance, principles of preparation, social adaptation.

УДК 616.89-008

А.А. Колмаков, кандидат психологических наук, доцент (Белорусский государственный университет)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПОД СТРАЖУ И ОСУЖДЕННЫХ

Рассмотрены проблемы суицидального поведения и его профилактики среди заключенных под стражу и осужденных в спецучреждениях МВД. На основе анализа источников по современной суицидологии предлагается социально-

психологический подход. Социально-психологический аспект суицидального поведения и его профилактики используется при рассмотрении следующих ключевых проблем: личности и биографические особенности, обуславливающие предрасположенность к суицидоопасным психическим реакциям; ситуационные факторы, детерминирующие суицидоопасные состояния у заключенных под стражу; суицидальный риск и динамическая характеристика факторов, его формирующих; суицидогенные конфликты; внутренние и внешние проявления пресуицида; специфика профилактики суицидального поведения спецконтингента в учреждениях уголовно-исполнительной системы; антисуицидальные факторы. Представлена социально-психологическая модель профилактики суицидального поведения заключенных под стражу, включающая в себя принципы, направления, функциональные уровни и методы этой работы.

Ключевые слова: антисуицидальные факторы, вторичная профилактика, дезадаптация, заключенные под стражу, конфликт, кризис, направления профилактики суицидального поведения, общая профилактика, организационные принципы профилактики суицидального поведения, первичная профилактика, пресуицид, профилактика суицидального поведения, социальная изоляция, спецконтингент, суицид, суицидальное поведение, суицидальный риск, суицидальная тенденция, третичная профилактика, учреждения уголовно-исполнительной системы, факторы риска суицидального поведения.

Проблема суицидов является болезненной для любого общества. По данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно в мире уходит из жизни по причине самоубийства более 1 млн человек, а совершают попытки – в 10–100 раз больше. От самоубийств в мире погибает людей больше, чем в результате военных конфликтов. В целом среди всех насильственных смертей доля самоубийств составляет около 50 % у мужчин и более 70 % у женщин.

Многочисленные исследования зарубежных авторов показывают, что уровень суицидов в местах лишения свободы в 2–3 раза выше, чем в стабильно развивающемся обществе. Так, например, во всех экономически развитых государствах уровень суицидов среди осужденных превышает аналогичный показатель среди обычного населения [1].

Проблема суицидального поведения граждан Республики Беларусь в настоящее время продолжает оставаться одной из актуальных. Согласно докладу Всемирной организации здравоохранения, Беларусь в 2019 г. занимала восьмое место в мире по количеству суицидов на 100 тыс. населения. В Беларуси в 2018 г. от самоубийств погибло в 6,8 раза больше людей, чем в результате убийств. Несмотря на некоторое снижение суицидов в последние годы, наше государство относится к числу стран с высоким уровнем суицидальной активности. Только в первом квартале нынешнего года по причине самоубийств ушли из жизни 470 человек.

Долгое время проблема суицидального поведения принадлежала области психиатрии, а суицидальный акт относили исключительно к компетенции психиатров. Необоснованность отнесения самоубийства только к сфере психиатрии доказывали еще на рубеже XIX–XX столетий В.А. Бернацкий, В.М. Бехтерев, С.С. Корсаков, А.Н. Острогорский, И.А. Сикорский и др. Данные исследователи отмечали, что самоубийство – проблема в большей степени психологическая, социальная и нравственная, нежели медицинская. Сама же суицидальная реакция носит ситуативный характер и не является фатально предопределенной. В основе суицидального поведения чаще всего у психически нормального человека (70–80 % суицидентов – психически нормальные люди) лежит определенное психическое состояние, вызванное экстремальной для него жизненной ситуацией. Выводы, полученные в результате многочисленных эмпирических исследований, свидетельствуют о том, что среди многочисленных подходов к объяснению суицидального поведения, а также к его профилактике центральную позицию занимает социально-психологический аспект. Последующие исследования отечественных и зарубежных ученых убедительно подтвердили эту научную позицию [2, 3].

С точки зрения современной отечественной суицидологии, суицид как сознательное лишение себя жизни – феномен человеческого поведения, являющийся следствием социально-психологической дезадаптации личности в условиях неразрешенного микросоциального конфликта и личностного кризиса. Самоубийство – защитная реакция личности в ответ на невозможность конструировать свое поведение в условиях кризиса.

К суицидальному поведению относят завершенные суициды, суицидальные попытки, демонстрации и имитации суицида, а также суицидальные замыслы, высказывания, угрозы. В суицидологии можно встретить и другую типологизацию суицидального поведения: истинное, аффективное и демонстративно-шантажное. Для профилактики все эти формы поведения равнозначно суицидоопасны, так как суицид имеет феноменологическую природу.

Иногда суицидальное поведение осужденных носит демонстративно-шантажный характер или выполняет функцию протеста. Между тем все формы суицидального поведения в условиях заключения необходимо воспринимать так же серьезно, как и в любых других условиях. Чем раньше признаки суицидальной активности осужденного будут обнаружены и компенсированы, тем менее вероятны суицидальное поведение и рецидив суицидоопасных состояний у него в будущем. Успешность профилактики суицидального поведения определяется своевременностью и адекватностью предпринимаемых мер, чтобы не допускать трансформацию и воплощение мыслей о нежелании жить в суицидальное намерение.

Суицидальное поведение, как явление, формируется множеством различных неблагоприятных факторов, имеющих как собственно психологическое, так и социальное содержание. Социально-психологический аспект суицидального поведения, как и его профилактики, важен при рассмотрении значимых для диагностики и коррекции суицидальных тенденций ключевых проблем. К ним относятся:

личностные особенности, обуславливающие предрасположенность к суицидоопасным психическим реакциям;

суицидальный риск и динамическая характеристика факторов, его формирующих;

суицидогенные конфликты;

поведение в кризисной ситуации.

Риск суицидального поведения (суицидальный риск) – комплексная характеристика психического состояния дезадаптированной личности, сформированного индивидуально неповторимым сочетанием психологических особенностей и способами ее взаимодействия с социальной средой в экстремальных для нее жизненных ситуациях (как правило, в условиях конфликта в системе значимых отношений), характеризующегося негативно окрашенными аффективными переживаниями и отражающего степень сформированности суицидальных намерений [4, с. 66].

Суицидальное поведение обусловлено сложноопосредованным взаимодействием трех групп факторов, которые имеют как собственно психологическое, так и социальное содержание. Такими являются факторы:

макросоциальные, связанные с продолжительным стрессогенным воздействием социальных процессов, в которые включен индивид и которые отражают степень его интегрированности в системе социальных отношений (безработица, маргинальность, субкультура и т. д.);

микросоциальные и ситуационные (событийные), характеризующиеся конфликтным взаимодействием личности с непосредственным социальным окружением и играющие роль провоцирующего социально-психологического механизма формирования, развития и реализации суицидальной тенденции (неразрешенные конфликты со значимым социальным окружением, внутриличностные конфликты, утраты);

личностные, опосредующие ограниченность адаптационных возможностей индивида и характерные особенности реагирования в ситуациях, угрожающих его благополучию и внутреннему комфорту (индивидуальные психологические особенности, особенности реагирования в трудных жизненных ситуациях, индивидуальный жизненный опыт, заболевания, психические патологии и расстройства) [5, с. 57–62].

Личностные факторы условно можно разделить на три группы: психологические, биографические и медицинские.

Психологические факторы: низкая толерантность к психоэмоциональным нагрузкам; раздражительность; эмоциональная неустойчивость и выраженная тревожность; высокая конфликтность и агрессивность в отношениях с окружающими; склонность к демонстративному поведению; импульсивность; высокая чувствительность к обидам; робость и застенчивость, болезненное реагирование на грубость и бестактность; ригидность или лабильность эмоциональной сферы; недостаточно развитые коммуникативные способности; интровертированность и отчужденность, закрытость для других людей, стремление к уединению; неразвитая способность к рефлексии, неумение понимать других людей; неадекватная самооценка (завышенная либо заниженная); виктимность; чувство неполноценности и неуверенности в себе; интеллектуальная незрелость, максимализм, категоричность и поверхностность суждений, резкость оценок, преобладание формально-логического типа мышления; снижение или утрата понимания ценности жизни; эмоциональная зависимость от других людей; неразвитость психологических защит и конструктивных стратегий преодоления трудностей (копинг-стратегий); склонность к рискованным формам поведения; преобладание конфликтных моделей поведения; инфантильность и социальная незрелость; высокие статусные притязания; низкий социальный статус; пессимистический взгляд на жизненные перспективы.

Биографические факторы: суицидальные попытки в прошлом (30–60 % совершивших попытку обнаруживают склонность к рецидивам суицидального поведения, а каждый десятый из них погибает от повторного суицида); ранняя алкоголизация, наркомания и токсикомания; развод, конфликт, разрыв и отсутствие связи с родными и близкими; преступление, совершенное с высокой степенью жестокости; преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности; злоупотребление алкоголем и другими психоактивными веществами; конфликтные отношения с членами семьи; высокий уровень агрессии в семье.

Медицинские факторы: заболевания с неутешительным прогнозом (онкологические заболевания, ВИЧ-инфекция и СПИД, сахарный диабет, эпилепсия, рассеянный склероз, боковой амиотрофический склероз и др.); хронические заболевания; алкоголизм и наркомания (психологические аналоги суицидального поведения); патологии и акцентуации характера; перенесенные ранее нервно-психические расстройства и нейринфекции; черепно-мозговые травмы; психические патологии и невротические расстройства с депрессивной симптоматикой (риск суицида у депрессивных больных в 30 раз выше в сравнении с общей популяцией); физические дефекты и слабое физическое развитие; позорные

болезни и связанные с ними переживания; частые и необоснованные обращения за медицинской помощью, симуляция болезней; проблемы с сексуальной идентичностью.

Суицид совершается в особых, кризисных для индивида, ситуациях и предпринимается по разным мотивам и с разными целями. Несмотря на относительную определенность в системе наиболее значимых личностных факторов риска суицидального поведения, они в своей статической совокупности раскрывают только вероятность суицидоопасного развития дезадаптивных процессов в гипотетической ситуации.

Исследования показали, что люди, отбывающие наказание в местах лишения свободы, составляют суицидально опасную группу. Во-первых, личностные особенности и психические состояния, свойственные данной категории осужденных, характеризуются тенденцией к аутоагрессии. И, во-вторых, сам факт лишения свободы и помещения в специфическую социальную среду, социальная депривация оказывают сильное влияние на личность, становясь очень тяжелым стресс-фактором, провоцирующим состояние социально-психологической дезадаптации [1; 5, с. 60–66; 6, с. 53–54; 7].

Микросоциальные факторы (как правило, конфликты) связаны с психотравмирующими событиями в жизни личности с низкими адаптационными возможностями. Решающее значение в возникновении и формировании суицидального намерения имеет конфликт. В суицидологической практике особое внимание уделяется таким типам конфликтов, как межличностный и внутриличностный. В суицидальном поведении отчетливо прослеживается их взаимообуславливающая связь.

Межличностные конфликты имеют место в жизни каждого человека, но суицидоопасными они становятся тогда, когда возникают в системе значимых для человека отношений и приобретают для него неразрешимый характер, в свою очередь провоцируя внутриличностный конфликт, кризисное состояние и социально-психологическую дезадаптацию. На этом фоне любой вторичный конфликт может спровоцировать суицидальную тенденцию. Такого рода конфликты, наряду с ограниченностью возможностей их продуктивного разрешения, в жизни заключенного под стражу обнаруживаются гораздо чаще, чем в обычной жизни.

Социально-психологическая дезадаптация личности возникает под влиянием различного рода личностных и психотравмирующих факторов, как правило, в результате нарушения системы отношений между человеком и его ближайшим социальным окружением, т. е. в результате конфликта. Социально-психологическая дезадаптация как состояние проявляется в большом разнообразии психоэмоциональных сдвигов

(тоска, тревога, страх, отчаяние, острое переживание одиночества, чувство безысходности и пр.). В картине формирования суицидального поведения состояние социально-психологической дезадаптации характеризуется как пусковой и прогрессирующий процесс.

Большое влияние на формирование суицидального намерения оказывают психологические кризисы. С точки зрения психологии, кризис – острое эмоциональное состояние, возникающее при блокировании целенаправленной жизнедеятельности человека.

Кризисное состояние личности возникает в том случае, если человек встречается с переживаниями, которые по силе или продолжительности превосходят его психологические регуляторные возможности, и происходит нарушение его психологических и социально-психологических адаптационных механизмов. Затяжной, хронический кризис приводит к глубокой социально-психологической дезадаптации и суицидальному поведению.

Роль пусковых механизмов социально-психологической дезадаптации и кризиса у правонарушителей могут выполнять ситуационные (событийные) факторы. К ним относят: глубокие переживания в связи с арестом; первый арест и заключение под стражу; неопределенность своего положения; утрата связей с близкими (развод, смерть родного, любимого или другого значимого человека); ожидание суда; неожиданно суровый приговор; режим и тюремная субкультура; опасения относительно физического или сексуального насилия; издевательства и насилие со стороны других осужденных; вынужденная необходимость общаться и жить в ограниченном пространстве с незнакомыми и малоприятными людьми; конфликты с другими заключенными под стражу или с администрацией учреждения; содержание в одиночной камере; отрицательное решение по апелляции о пересмотре судебного приговора; совершение правонарушения в местах отбывания наказания; потеря смысла жизни, социального статуса, репутации; чувство позора; переживание утраты жизненных перспектив, безысходности и безнадежности; пренебрежительное, осуждающее отношение со стороны других заключенных под стражу, администрации, родственников. Выявлено, что риск суицидального поведения в следственных изоляторах намного выше, чем в исправительных учреждениях, где осужденные отбывают наказание после приговора [1, 3, 7].

В случае суицидального риска личностные и ситуативные факторы интегрируются в сложную комбинацию острых переживаний одиночества, обиды на окружающих, разочарования в себе, беспомощности, безнадежности, утраты жизненных целей и ценностей [8, с. 502]. Про-

гнозировать риск суицидального поведения возможно при наличии признаков социально-психологической дезадаптации, личностного кризиса и суицидогенного конфликта в динамике их развития.

Развитие суицидальной тенденции (риска суицидального поведения) имеет свою динамику: конфликт в системе значимых отношений у личности с низкими адаптационными возможностями → социально-психологическая дезадаптация и личностный кризис в условиях конфликта → вторичный конфликт → суицидальное намерение (действие).

В соответствии с этой динамикой риск суицидального поведения по степени выраженности имеет свою градацию и стадийность: признаки состояния социально-психологической дезадаптации у личности с низкими адаптационными возможностями → конфликт в системе значимых отношений у дезадаптированной личности, который оценивается ей как неразрешимый → прямые или косвенные признаки суицидального намерения.

Развитие суицидальной тенденции характеризуется внутренним и внешним проявлениями пресуицида. К внутренним проявлениям пресуицида относятся: мысли, фантазии, представления, переживания, суицидальные замыслы, намерения и планы. Они представляют собой континуум переживаний, которые, достигая уровня решения и плана, приводят к реализации суицидального поведения.

Характерными внешними проявлениями пресуицида (ситуационными факторами, которые являются наиболее информативными в определении высокого суицидального риска) являются:

резкое изменение поведения и настроения на прямо противоположное; свежие шрамы, царапины либо повязки на запястьях, странгуляционная борозда на шее;

суицидальные угрозы и высказывания (прямые либо завуалированные, например фразы: «все надоело», «ненавижу всех и себя», «пора положить всему конец», «когда все это кончится», «так жить невозможно» «я не хочу умирать, я хочу не быть», «очень хочется жить на необитаемом острове», рассуждения о похоронах и т. п.);

прощальные записки, письма;

раздача подарков окружающим (символическое прощание);

опротечивые и безрассудные поступки;

настойчивые просьбы об обследовании и госпитализации без очевидной необходимости;

длительно сохраняющееся состояние подавленности, апатии, уход в себя, замкнутость, стремление к уединению вплоть до полной изоляции;

признаки депрессивного состояния (тяжелые, мучительные переживания тревоги, тоски, отчаяния);

частые и резкие колебания настроения;
разговоры о суициде как о легкой смерти;
повышенный интерес к теме смерти;
пренебрежительное отношение к своему внешнему виду, несоблюдение правил личной гигиены;
утрата интереса к окружающему, резкое снижение активности, безволие;
дезориентация в выборе адекватных форм поведения;
дезорганизация социальных связей на уровне межличностных отношений;
активная предварительная подготовка (изготовление веревки или острых режущих (колющих) предметов, собирание отравляющих веществ и лекарств, рисунки на тему смерти);
рассеянность или растерянность, неспособность сосредоточиться;
появление вегетативных расстройств (потливость, тремор, одышка, бессонница или сонливость);
нарушения дисциплины и режима;
увеличение потребления табака или других психоактивных веществ.

Суицидальный риск многократно усиливается, если в недалеком прошлом у человека имели место попытки суицида.

Профилактика самоубийств может быть достаточно результативной, если для ее осуществления предпринимается ряд мер, связанных с совершенствованием системы оказания психологической помощи и взаимодействия. Лучшим из всех возможных подходов предупреждения суицидов является скоординированная системная работа, проводимая совместно психологами, администрацией и медицинским персоналом пенитенциарных учреждений.

Профилактика суицидального поведения в таких учреждениях должна строиться как система с неукоснительным соблюдением следующих организационных принципов:

выявительного, предусматривающего, в отличие от заявительного, непрерывный мониторинг социально-психологического статуса, актуального психического состояния осужденных, так как прямое обращение за помощью со стороны многих из них в случае возникновения суицидальной тенденции – явление редкое;

ранней превенции, заключающегося в сосредоточении усилий на предотвращении самой возможности появления кризисных состояний, в оперативном реагировании на острое переживание неблагополучия;

системного (комплексного) подхода (в узком смысле), основанного на стремлении к целостному изучению личности осужденных в струк-

туре их отношений с окружающими, к системной организации психологического сопровождения их жизнедеятельности [4, с. 205–206].

Проблема профилактики самоубийств имеет комплексный характер.

Основными направлениями профилактики суицидального поведения являются:

работа по изучению личностных особенностей осужденных;

выявление групп риска и установление доверительных отношений с входящими в них осужденными;

работа по выявлению у осужденных состояния социально-психологической дезадаптации, кризисных и суицидоопасных состояний;

коррекционная работа с осужденными, имеющими признаки суицидоопасного развития социально-психологической дезадаптации и кризисных состояний;

работа по ресоциализации осужденных;

работа с осужденными, нуждающимися в экстренной психологической (психотерапевтической либо психиатрической) помощи;

реадаптация осужденных, совершивших суицидальную попытку;

работа по психологическому просвещению и обучению должностных лиц.

Система работы по профилактике суицидального поведения, кризисных и суицидоопасных состояний имеет четыре функциональных уровня и осуществляется согласно следующей модели.

Первый функциональный уровень – общая профилактика, которая проводится постоянно со всеми и заключается в изучении личностных особенностей осужденных, формировании благоприятного социально-психологического климата, определении жизненных перспектив и установок на нормальную жизнь после освобождения, в поддержании нравственного и психического здоровья, развитии и стимулировании адаптационных возможностей, соблюдении режима труда и отдыха, взаимодействии с общественными, в том числе религиозными, организациями, в наблюдении и сборе оперативной информации о поведении осужденных, организованном проведении досуга.

Общая профилактика предполагает также выявление группы риска. Желательно оценку суицидального риска проводить сразу после помещения в пенитенциарное учреждение, поскольку самоубийство может произойти в первые часы пребывания. Для достижения наибольшей эффективности принимаемых мер с каждым новым поступающим должен проводиться опрос, а затем повторно – беседа. Особое внимание сразу уделяется тем, кто проявляет признаки суицидальных намерений.

Опрос можно проводить в ходе первичного медицинского осмотра, осуществляемого медицинским составом пенитенциарного учрежде-

ния, применяя специальный подготовленный список утверждений и соответствующих им вопросов, указывающих на риск суицидального поведения. При оценке суицидального риска лица, поступающего в ИВС, СИЗО и исправительное учреждение, основанием для включения его в группу риска из-за повышенного риска суицида и необходимости принятия соответствующих мер могут быть одно или несколько из следующих утверждений о том, что лицо:

- находится в состоянии опьянения;
- проявляет необычно высокую степень стыда, вины и волнения по поводу ареста и заключения;
- выражает безнадежность или страх перед будущим, проявляет признаки депрессии, такие как плач, бедность эмоций, или их вербальное выражение;
- признает у себя мысли о самоубийстве в момент поступления;
- получало ранее лечение по поводу расстройств психического здоровья;
- страдает в момент осмотра психическим нарушением или ведет себя необычно или странно (например, не может сосредоточиться, разговаривает с собой, слышит голоса);
- предпринимало одну или более суицидальных попыток в прошлом и (или) признает, что самоубийство и сейчас является приемлемым вариантом решения проблемы;
- признает, что планирует самоубийство.

Опросные листы могут быть отнесены к документам, указывающим, что заключенный под стражу или осужденный был подвергнут оценке суицидального риска при поступлении в пенитенциарное учреждение либо повторно при изменении условий содержания.

На всем протяжении пребывания лица в пенитенциарном учреждении они могут быть использованы для выявления этого риска и определения необходимости дальнейших мер профилактики со стороны сотрудников учреждения. По оценкам российских исследователей, наибольшее количество суицидов приходится на первый месяц пребывания в СИЗО [1]. В целом период пребывания в СИЗО заключенных под стражу является наиболее суицидоопасным.

В качестве общепрофилактических мероприятий следует также рассматривать: соблюдение санитарных норм содержания, обеспечение нормальных бытовых условий, исключение психологического и физического насилия; информирование заключенных под стражу о возможностях получения психологической помощи; обеспечение недоступности опасных медикаментов, холодного оружия, отравляющих веществ и т. п.

Второй функциональный уровень – первичная профилактика, которая проводится систематически, индивидуально с лицами из группы

риска. Она заключается в психологическом сопровождении пребывания в пенитенциарном учреждении лиц из группы риска и в оптимизации у них адаптационных процессов, в более полном и глубоком изучении их психических состояний и личностных особенностей, наблюдении и сборе оперативной информации об отклонениях в поведении осужденных; в проведении профилактических индивидуальных бесед, своевременном разрешении конфликтных ситуаций, выявлении лиц, нуждающихся в психологической помощи и поддержке, в проведении психологической коррекции их состояния.

Для более глубокого изучения личности осужденных из группы риска применяют следующие методы: наблюдение, изучение документов, диагностическую беседу, тестирование (диагностику копинг-стратегий, акцентуаций характера, тревожности, импульсивности, депрессии, суицидального риска и др.).

Психологическое сопровождение и оптимизация адаптационных процессов у лиц из группы риска осуществляются с помощью следующих методов: текущего наблюдения; доверительных бесед; авансированных поощрений; вовлечения в активную деятельность; повышения уровня самооценки; стимулирования конструктивной инициативы; одобрения, похвалы, эмоциональной поддержки и внушения уверенности; постепенного повышения уровня требовательности; привлечения, по возможности, членов семьи и близких, посещающих заключенного, для получения информации и осуществления психологической поддержки.

Третий функциональный уровень – вторичная профилактика, которая проводится индивидуально при обнаружении признаков высокого суицидального риска. Она осуществляется в виде психологической коррекции (интервенции) суицидальных намерений (проводится индивидуальная коррекционная беседа), обеспечения безопасности осужденного, изменения условий жизни и деятельности по возможности, а при необходимости в виде оказания экстренной психотерапевтической (психиатрической) помощи с привлечением специалистов в этой области.

В случае обнаружения у осужденного явных признаков суицидального намерения (следы самоповреждений, опасные для здоровья и жизни, открытые заявления о желании покончить с собой, острые эмоциональные реакции и т. д.) его следует незамедлительно поместить в медицинский стационар и организовать постоянное наблюдение [9, с. 67–70].

Индивидуальная беседа с потенциальным суицидентом имеет свою специфику. В ходе ее необходимо:

демонстрировать уверенность в возможности помочь. Люди в состоянии суицидоопасного кризиса являются особенно чувствительными не только к тому, что говорится, но и как это говорится;

мягко выяснять причины переживаний;
направлять разговор в сторону душевной боли, а не от нее, стимулировать «проговаривание» переживаний;
сохранять спокойствие, проявлять терпение и не осуждать, независимо от того, что говорит потенциальный суицидент;
проявлять мягкость и настойчивость, внимание и желание понять, максимальное сочувствие для достижения положительного результата в беседе, поскольку организатор беседы может столкнуться с тем, что заключенный отвергает его помощь, которую он на самом деле одновременно и желает, и не хочет. Следует ненавязчиво проявлять твердость в собственной жизнеутверждающей позиции;
совместно обсуждать имевшиеся в жизни осужденного сходные жизненные ситуации;
дать возможность осужденному найти свои собственные ответы, даже если организатор беседы считает, что знает очевидное решение или выход;
предлагать только ту помощь, которую реально можно оказать;
найти возможность продолжения этой беседы с другим специалистом-профессионалом, если организатор беседы чувствует, что его слова не нашли отклика у собеседника.

Коррекционная беседа имеет четыре этапа.

Начальный этап беседы решает главную задачу – установление эмоционального контакта, взаимоотношений сопереживающего партнерства и доверительности.

Второй этап беседы определяет последовательность событий, в результате которых сложилась кризисная ситуация, выясняется ее причина. Одна из наиболее существенных задач этого этапа – снятие у осужденного ощущения безвыходности его ситуации. Необходимо убедить его в том, что подобные ситуации возникают и у других людей, что положение дел вполне поправимо и причины таких ситуаций могут быть устранены. При этом уместно применять золотое правило психотерапии: «Если не можешь изменить обстоятельства, измени отношение к ним». Следует помочь вспомнить успехи и достижения собеседника в преодолении жизненных трудностей, всячески повышая его самооценку. В завершение второго этапа беседы целесообразно совместно дать четкую формулировку ситуации, переживаемой потенциальным суицидентом.

Третий этап беседы представляет собой совместное планирование деятельности по преодолению кризисной ситуации. Основываясь на знании личности осужденного, его отношениях с окружающими в настоящей неблагоприятной ситуации, необходимо осторожно предложить

несколько вариантов поведения, возможных способов разрешения ситуации, которые могут привести к выходу из психологического кризиса. Однако при этом следует стимулировать активность собеседника в выработке собственных вариантов. Преодоление психотравмирующей ситуации разбивается на более мелкие, принципиально разрешимые задачи, и для ближайших задач предполагается несколько предварительных решений. Совместный поиск способов решения проблемы должен придать потенциальному суициденту уверенности в собственных силах.

Четвертый (завершающий) этап беседы – этап окончательного формулирования решения, активной психологической поддержки и придания осужденному уверенности в своих силах и возможностях.

В индивидуальной беседе необходимо гибко использовать антисуицидальные факторы либо стимулировать их появление в сознании потенциального суицидента. Как правило, такими факторами являются:

нереализованные жизненные планы, представление о неиспользованных возможностях;
внимание к собственному здоровью;
религиозность, религиозные и социальные табу, связанные с проблемой самоубийства;
боязнь причинить душевную боль родным и близким;
родственные обязанности;
чувство долга, понятие чести;
зависимость от общественного мнения;
эмоциональная привязанность к значимым близким;
боязнь физического страдания и причинения себе физического ущерба (например, вероятность стать инвалидом после попытки самоубийства выше, чем вероятность умереть);
неуверенность в надежности выбранного способа самоубийства.
Об успешности коррекционной работы и активизации адаптационных процессов можно судить при наличии у осужденного ряда устойчивых признаков. К ним относятся:
наличие целей и жизненных перспектив;
уверенность в себе, своих силах, убежденность в способности достижения собственных целей;
преобладание адекватных положительных эмоций;
заинтересованность в последующей трудовой деятельности;
расширение круга общения;
участие в общественной жизни;
ровные отношения с окружающими.

Между тем, даже при видимых положительных результатах коррекционной работы, наблюдение за такими осужденными и систематиче-

ские индивидуальные беседы должны продолжаться еще достаточно продолжительное время. Не следует забывать о высокой вероятности рецидива кризисных и суицидоопасных состояний у таких людей.

Четвертый функциональный уровень – третичная профилактика, которая проводится систематически индивидуально. Она заключается в ре-адаптации и ресоциализации осужденного, совершившего суицидальную попытку, снижении последствий и уменьшении вероятности рецидива.

Тюрьмы представляют собой место, где могут происходить кластерные (серийные) суицидальные действия. Исследования кластерных самоубийств в тюрьмах показали, что повышенный риск последующих самоубийств ограничивается периодом в четыре недели после первоначального самоубийства и снижается с течением времени. Стратегии снижения риска заразительности суицидального поведения включают в себя:

обеспечение должного психиатрического обследования и лечения осужденных с психическими аномалиями;

перемещение из данного учреждения, изоляция или лечение лиц, особо подверженных суицидальному риску;

внимательное отношение к формам преподнесения информации о суициде, совершенном другим осужденным;

осуществление особого контроля (изоляция) за эмоционально неуравновешенными и склонными к подстрекательству лицами.

Таким образом, акцент в профилактике необходимо делать на недопущении суицидоопасного развития дезадаптационных процессов, своевременном выявлении и компенсировании факторов, несущих потенциальную угрозу суицида, изменении условий их порождающих. Значимым исходным моментом в этой работе является установление доверительных отношений, наличие сведений о личностных особенностях осужденного и биографических данных. Необходимым условием успеха суицидальной превенции также является постоянное повышение образовательного уровня лиц, профессионально вовлеченных в этот процесс.

Наверное, и в будущем определенные обстоятельства будут приводить некоторых людей к желанию покончить с собой. Между тем это не означает, что человеку в современном цивилизованном обществе нельзя оказать реальную социальную, психологическую или иную помощь, даже если помогать придется неоднократно.

1. Дебольский, М.Г. Суицидальное поведение осужденных, подозреваемых и обвиняемых в местах лишения свободы [Электронный ресурс] / М.Г. Дебольский, И.А. Матвеева // Психология и право. – 2013. – Т. 3. – № 3. – Режим доступа: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63783.shtml>. – Дата доступа: 07.07.2020.

2. Мамченко, А.М. Социально-психологическая модель профилактики суицидов среди подследственных, содержащихся под стражей в СИЗО [Электронный ресурс] / А.М. Мамченко // Академ. мысль. – 2018. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>. – Дата доступа: 07.07.2020.

3. Суициды среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных: аналитический обзор [Электронный ресурс] / М.П. Чернышкова [и др.] // Суицидология. – 2017. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>. – Дата доступа: 07.07.2020.

4. Профилактика юношеского суицида : пособие для педагогов-психологов и педагогов соц. учреждений общ. сред., проф.-техн., сред. спец. образования, соц.-пед. учреждений / Г.А. Бутрим [и др.]. – Минск : Пачатк. шк., 2013. – 400 с.

5. Колмаков, А.А. Суицидальное поведение как социально-психологическая проблема / А.А. Колмаков // Психология. – 2000. – № 4. – С. 52–66.

6. Пастушениа, А.Н. Юридическая психология : учеб. пособие / А.Н. Пастушениа, А.А. Урбанович ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2015. – 203 с.

7. Зотов, П.Б. Суицидальное поведение заключенных под стражу и осужденных [Электронный ресурс] / П.Б. Зотов // Суицидология. – 2017. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>. – Дата доступа: 07.07.2020.

8. Колмаков, А.А. Переживание одиночества в генезисе суицидального риска у молодых людей / А.А. Колмаков // Философия и социальные науки в современном мире : материалы междунар. науч. конф. к 30-летию фак. философии и соц. наук Беларус. гос. ун-та, Минск, 26–27 сент. 2019 г. / Беларус. гос. ун-т ; редкол.: В.Ф. Гигин (пред.) [и др.]. – Минск, 2019. – С. 500–505.

9. Колмаков, А.А. Профилактика суицидального поведения спецконтингента, отбывающего наказание в местах лишения свободы / А.А. Колмаков // Современные проблемы прикладной юридической психологии : материалы Республ. науч.-практ. конф., Минск, 23 нояб. 2016 г. / Беларус. гос. ун-т ; редкол.: И.А. Фурманов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2016. – С. 55–77.

Поступила: 08.07.2020

A.A. Kolmakov, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor (Belarusian State University)

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF PREVENTION OF SUICIDAL BEHAVIOR OF PRISONERS IN CUSTODY AND CONVICTS

The article deals with the problem of suicidal behavior and its prevention among prisoners in custody in special institutions of the Ministry of internal Affairs. Based on the analysis of sources on modern suicidology, a socio-psychological approach is proposed. The socio-psychological aspect of suicidal behavior and its prevention includes the following key problems: personal and biographical features that determine the predisposition to suicidal mental reactions; situational factors that determine suicidal states in prisoners in custody; suicidal risk and dynamic characteristics of factors that form it; suicidal conflicts; internal and external manifestations of pre-

suicide; specifics of prevention of suicidal behavior of a special agent in institutions of the penal system; anti-suicidal factors. The article presents a socio-psychological model of prevention of suicidal behavior in custody, including the principles, directions, functional levels and methods of this work.

Keywords: anti-suicidal factors, secondary prevention, maladjustment, in detention, conflict, crisis, strategies for preventing suicidal behavior, General prevention, organizational principles of suicide prevention, primary prevention, presize, prevention of suicidal behavior; social isolation, special squads, suicide, suicidal behaviour, suicidal risk, suicidal tendency, tertiary prevention, criminal-Executive system, the risk factors for suicidal behavior.

УДК 159.9:34

И.Е. Метлицкий, кандидат психологических наук, доцент (Республиканский институт высшей школы)

РЕФЛЕКСИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ПРИЗНАКОВ ИНСЦЕНИРОВКИ КРИМИНАЛЬНОГО СОБЫТИЯ

С позиции системного подхода представлен авторский взгляд на понятие, психологические признаки инсценировки криминального события и структуру рефлексивного мышления субъекта раскрытия и расследования преступления.

Ключевые слова: криминальное событие, инсценировка криминального события, признаки инсценировки преступления, рефлексивное мышление субъекта раскрытия и расследования преступления.

Достичь быстрого, полного и всестороннего расследования криминального события, установить всех лиц, причастных к совершению преступления, и своевременно привлечь их к уголовной ответственности не всегда представляется возможным из-за противодействия раскрытию и расследованию противоправного деяния со стороны заинтересованных лиц. Способы такого противодействия по своему содержанию отличаются многогранностью и изощренностью. Центральное место среди них занимает инсценировка криминального события.

Анализ научных подходов к пониманию феномена инсценировки криминального события (криминальной инсценировки) позволяет говорить о влиянии на операционализацию данного понятия взглядов ученых-криминалистов, которые ассоциируют его содержание с негативными обстоятельствами криминального события. По мнению Г.Н. Мудью-

гина [1], Н.И. Порубова [2, с. 53], А.М. Хлуса [3, с. 128], к ним следует отнести не соответствующие друг другу обстоятельства либо фактические данные, противоречащие обычному ходу вещей и субъективному представлению о событии.

Р.С. Белкин [4], А.Р. Рагинов [5, с. 250–254], М.В. Савельева [6] под инсценировкой преступления понимают не просто уничтожение преступником следов или воспрепятствование их появлению, а создание ложной обстановки места происшествия.

Аналогичную позицию занимают И.Н. Якимов [7, с. 44] и Л.П. Расказов [8]: симуляция выражается чаще всего в изменении обстановки места происшествия или приведения ее в порядок.

Г.Н. Мухин феномен инсценировки преступления рассматривает с позиции симуляции преступления (заложенной еще в исследованиях Г. Гросса): «создание видимости одного события вместо другого путем утаивания, уничтожения, маскировки, фальсификации объектов» [9, с. 22].

В свою очередь, Г.А. Зорин приходит к выводу, что инсценировка преступления, во-первых, это область материальной следовой среды, из которой надо убрать все лишнее, чтобы очистить наносное, ложное, но желаемое для преступника, во-вторых, неопределенная информационная дистанция, промежуток, обозначающий пустоту, отсутствие видимых криминальных форм, а также криминальная пауза, вступление в большое произведение, которым является творчество следователя в процессе раскрытия и расследования преступления, в-третьих (с позиции превращения реальности в вымысел), прерывание смысла бывшего действия, а на его месте произрастание другого, искусственного, не обеспеченного реальными связями [10, с. 201].

Достаточно детально вопрос инсценировки преступления представлен в исследованиях В.И. Фадеева. Автор полагает, что инсценировка – создание видимости события, которое якобы имело место в действительности. А поскольку инсценировка – целенаправленная деятельность преступника, то она всегда отражает хотя бы некоторые элементы события, происшедшего на самом деле. В связи с чем инсценировку нужно рассматривать в двух аспектах: как процесс, направленный на сокрытие подготавливаемого или уже совершенного преступления; как результат этой деятельности [11, с. 16].

Таким образом, в рамках представленных научных подходов четкое понимание феномена инсценировки преступления пока не сложилось: одни авторы относят ее к смешанной форме противодействия правоохранительным органам, другие считают ее созданием видимости события, которого в действительности не было.

До настоящего времени и в юридической психологии отсутствует четкий научный подход не только к операционализации понятия инсценировки преступления, но и к типологизации психологических признаков криминальной инсценировки. В связи с изложенным полагаем, что феномен инсценировки преступления целесообразно рассматривать с позиции личностно-деятельностного подхода в области криминальной психологии и психологии предварительного расследования как целенаправленную и преднамеренную деятельность субъекта противоправного деяния, направленную на искажение криминальной реальности в конкретном пространственно-временном периоде путем формирования неопределенных связей, способных деформировать восприятие и оценку реального криминального события со стороны следствия (органа дознания). Отличительная черта криминальной инсценировки – выбор субъектом преступления способа введения в заблуждение сотрудников правоохранительных органов в конкретном пространственно-временном периоде. Цель такого поведения – получить значимую для него реакцию следствия (органа дознания) – ошибочную оценку преступного события, назначение нецелесообразных экспертиз, ошибочные версии и на их основе разработку плана раскрытия и расследования преступления.

Следует согласиться с мнением Г.А. Зорина, что способ криминальной инсценировки во многом раскрывает индивидуально-психологические особенности личности субъекта преступления [10, с. 67].

Исходя из представленной понятийной базы, полагаем целесообразной систематизацию криминальных инсценировок по следующим основаниям:

по объекту – инсценировка криминального события, которого не было, либо некриминального события, когда в действительности имело место преступное деяние;

времени – подготавливаемое по «высокому сценарию» – задолго до совершения преступления, по «низкому сценарию» – во время либо сразу после совершения преступления;

способу – инсценировка преступления в полном объеме (отдельных элементов криминального события);

субъекту – осуществление непосредственно субъектом преступления (участвуют другие лица, например сложное соучастие);

содержанию – инсценировка с использованием материальных следов криминального события (с использованием следов в сочетании с заранее выбранным поведением и сообщением заведомо ложных сведений);

длительности влияния криминальной инсценировки на следствие (орган дознания) – желание субъекта преступления, чтобы подлинное событие вообще не было установлено, либо стремление получить временные преимущества перед следствием.

Механизм криминальной инсценировки может быть представлен системой взаимосвязанных элементов:

анализом и оценкой ситуации, в которой оказался преступник;

принятием решения об инсценировке криминального события;

созданием мысленной модели события, которое предполагается инсценировать с учетом приемлемых вариантов криминального сценария; реализацией этой модели;

подготовкой легенды – ложных объяснений с целью убедить сотрудников правоохранительных органов в реальности инсценированного события и его причин;

разработкой стиля поведения на случай разоблачения инсценировки.

Практика работы автора по раскрытию и расследованию преступлений показывает, что заранее спланированные криминальные инсценировки тяжелее поддаются разоблачению, чем спонтанные (действуя спонтанно, преступник обязательно допускает какие-то ошибки и неточности в действиях, что способствует скорейшему выявлению инсценировки).

Предлагаем следующую типологию психологических признаков криминальной инсценировки:

1) перцептивные – восприятие лишних следовых дорожек (недостаток необходимых следовых образований, обнаружение следов в другом месте);

2) личностные:

неконгруэнтность при описании заинтересованными лицами динамики криминального события, отсутствие отдельных эпизодов криминального события при его полном описании, запечатление отдельных эпизодов события в ложных текстах участников (так называемое нарушение структуры латентных показаний – легенды);

эмоциональная насыщенность при демонстрации искусственной искренности, симуляция болезненного состояния «жертвы» преступления в ситуации готовности опознать преступника и изобличить его на очной ставке;

схематичность поведенческих реакций – формирование психологических защит (необходимая оборона, превышение пределов необходимой обороны), попытка навести сотрудников правоохранительных органов на место преступления, используя различные средства коммуникации;

3) социально-психологические:

неопределенная форма дистанции субъекта преступления при производстве следственных действий;

«высокий сценарий» – проявление элементов творчества при создании криминальной инсценировки, рефлексивное «проигрывание»

интеллектуальных процессов следователя (лица, производящего дознание), «низкий сценарий» – примитивная форма, бедное содержание;

разработка психологических ловушек для следствия (органа дознания).

Наш подход к пониманию феномена инсценировки криминального события основан на идеях В.А. Овечкина, что инсценировка криминального события – стремление преступника «осуществить рефлексивное управление следователем с целью введения его в заблуждение относительно фактически происшедшего события или его отдельных элементов и, таким образом, скрыть преступление и свое участие в его совершении» [12, с. 5]. Полагаем, что преступники не только сознательно искусственно создают обстановку определенного происшествия, но и соответствующим образом ведут себя в этой обстановке в качестве участников предварительного расследования, прибегая к ложному поведению. Расчет преступника в процессе создания криминальной инсценировки направлен на феномен профессионального выгорания следователя (лица, производящего дознание), в результате которого он, используя типовые методики расследования преступлений, порой не учитывает отдельные обстоятельства, противоречащие устоявшимся представлениям. Дополнительная эмоциональная демонстрация отчаяния (слезы, истерики, крики) усиливает психологическое воздействие шаблона, в то время как неординарные действия преступника не исследуются.

Именно по этой причине нами сделана попытка анализа рефлексивного мышления сотрудника правоохранительных органов – сравнительно нового метода в криминалистической психологии. Метод рефлексивного мышления сотрудника правоохранительных органов можно охарактеризовать как метод анализа мыслей субъекта преступления. Несмотря на то что термин «рефлексивное мышление» широко используется в других науках, мы рассматриваем его в контексте криминальной психологии – постановка себя на место преступника. Именно в этом значении понятие «рефлексия» и употребляется в юридической психологии [13, с. 140].

Как отмечает А.В. Дулов, рефлексивное мышление позволяет построить мысленную модель поведения участников уголовного процесса на стадии предварительного расследования; планировать познавательную деятельность следователя; прогнозировать поведение участников процесса в ходе производства предполагаемых процессуальных действий; разработать систему воздействия на отдельных участников, являющихся источниками получения необходимой информации [14, с. 67].

Полагаем, что механизм рефлексивного мышления в деятельности следователя (лица, производящего дознание) с учетом определенной

сложности этого профессионально-психологического действия предполагает овладение тремя основными психотехниками:

1. «Погружение» следователя (лица, производящего дознание) в «психологический сценарий» субъекта преступления: погружение в мыслительную деятельность инсценировщика по различным направлениям (по механизму реально происшедшего события, механизму совершения инсценировки, отношению лица, выполнившего инсценировку, к самому процессу инсценировки, реальному объекту преступления и инсценированному объекту преступления, субъекту преступления и лицу, выполнившему инсценировку).

2. Рефлексивное отображение криминальной ситуации посредством рефлексивных рассуждений с четкой фиксацией позиции преступника. Исходя из того что управление рефлексивным мышлением строится по типу «я думаю, что он думает, что я думаю...» и представляет собой как бы непосредственное воздействие на рефлекслируемый объект, полагаем, что применение этого метода возможно при проведении некоторых следственных действий, таких как допрос, обыск, следственный эксперимент, проверка показаний на месте преступления.

3. Рефлексивное обоснование деятельности, направленной на изоляцию преступника в совершении противоправного деяния. В этом контексте речь идет о том, чтобы побудить преступника отказаться от заранее запланированной композиции поведения и дать согласие на сотрудничество с правоохранительными органами. Как вариант – управление рефлексивным мышлением неизвестного инсценировщика возможно и в ситуации, когда следователь при помощи средств массовой информации распространяет сведения о том, что преступник известен. Этот способ дает неверное представление инсценировщику о реальном ходе расследования, дезориентирует его планы и способствует допущению ошибок в посткриминальном поведении.

Существуют две основные проблемы реализации метода рефлексивного мышления со стороны сотрудников правоохранительных органов:

в мыслительной деятельности противников их рефлексивные рассуждения неизбежно сопровождаются имитацией мыслей и действий друг друга, что отражается в игровой модели, включающей в себя наряду с обстановкой и условиями взаимодействия и самих участников процесса;

средством рефлексивного управления субъектом преступления выступает рефлексивная информация, в которой должны содержаться сигналы-стимулы, воздействующие на различные сферы личности подготавливаемого (обвиняемого), побуждающие его к определенным действиям, иными словами, цель рефлексивного управления субъектом преступления состоит в том, чтобы инсценировщик сам сформировал

у себя неправильное представление о степени осведомленности следователя (лица, производящего дознание) по поводу тех или иных обстоятельств дела, его планах, намерениях или состоянии расследования.

1. Мудьюгин, Г.Н. Расследование убийств, замаскированных инсценировками / Г.Н. Мудьюгин. – М. : Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1973. – (Серия «Библиотека следователя»).
2. Порубов, Н.И. Значение негативных обстоятельств в установлении инсценировки преступлений / Н.И. Порубов. – М. : Юрид. лит., 1965.
3. Хлус, А.М. Криминалистика: курс интенсивной подготовки / А.М. Хлус. – Минск : ТетраСистемс, 2007.
4. Белкин, Р.С. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы) / Р.С. Белкин, А.И. Винберг. – М. : Юрид. лит., 1969.
5. Ратинов, А.Р. Судебная психология для следователей : учеб. пособие / А.Р. Ратинов. – М. : ВШ МООН СССР, 1967.
6. Савельева, М.В. Криминалистика : учебник / М.В. Савельева, А.Б. Смушкин. – М. : ИД «Дашков и К», 2009.
7. Якимов, И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике / И.Н. Якимов. – Новое изд., перепеч. с изд. 1925 г. . – М. : Лекс-Эст, 2003.
8. Рассказов, Л.П. Симуляция преступлений : метод. обзор / Л.П. Рассказов. – М. : Юриздат, 1945.
9. Мухин, Г.Н. Криминалистика : учеб. пособие / Г.Н. Мухин. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2004.
10. Зорин, Г.А. Теоретические основы криминалистики / Г.А. Зорин. – Минск : Амалфея, 2000. – (Серия «Фундаментальная криминалистика XXI века»).
11. Фадеев, В.И. Расследование криминальных инсценировок / В.И. Фадеев. – М. : Норма, 2009.
12. Овечкин, В.А. Общие положения методики расследования преступлений, скрытых инсценировками / В.А. Овечкин. – Харьков : Университетское, 1975.
13. Прикладная юридическая психология : учебник / И.И. Аминов [и др.] ; под. ред. А.М. Столяренко. – М. : ЮНИТИ, 2001.
14. Дулов, А.В. Судебная психология : учеб. пособие / А.В. Дулов. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Выш. шк., 1975.

Поступила: 29.05.2020

I.E. Metlickij, Candidate of Psychology, Associate Professor (National Institute for Higher Education)

REFLECTIVE THINKING OF THE EMPLOYEE OF LAW ENFORCEMENT BODIES AT REVEALING OF SIGNS OF THE PERFORMANCE OF CRIMINAL EVENT

The article from a position of the system approach the author's sight at concept, psychological signs of a performance of criminal event and structure of reflective thinking of the subject of disclosing and investigation of a crime is presented.

Keywords: criminal event, a performance of criminal event, signs of a performance of a crime, reflective thinking of the subject of disclosing and investigation of a crime.

УДК 351/354

А.А. Мушта, кандидат философских наук, доцент (Академия управления при Президенте Республики Беларусь)

СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУРСЫ УПРАВЛЕНИЯ В СЕКТОРЕ ОБОРОНЫ И БЕЗОПАСНОСТИ УКРАИНЫ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ, ПРАКТИКИ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ

Раскрываются факторы востребованности управленческих концептов «стратегические коммуникации» и «национальная стойкость» в политике современной Украины. Показан их многоуровневый характер и разноплановая роль, в том числе в механизме интеграции Украины в НАТО. Нормативная база, концептуальные и правовые основания стратегических коммуникаций и национальной стойкости сопоставляются с практикой их реализации субъектами сектора национальной безопасности и обороны Украины. Выявляются существующие проблемы, при этом акцент делается на психологические аспекты. Показывается, что острый характер носит проблема кадрового обеспечения силового блока компетентными специалистами в анализируемых областях. Делается вывод, что реализуемые в секторе обороны и безопасности Украины управленческие концепции и тесно связанные с ними кадровая политика и морально-психологическое обеспечение представляют научный и практический интерес в плане их изучения в условиях Беларуси.

Ключевые слова: сектор обороны и безопасности, военная доктрина, Вооруженные Силы Украины, Организация Североатлантического договора (НАТО), стратегические коммуникации, национальная стойкость, человеческий фактор, морально-психологическое обеспечение.

Современный мир живет в эпоху многообразных вызовов и угроз, становясь все менее безопасным для жизни людей. Риски и вызовы вносят актуальные обновления в национальные стратегии кризисного реагирования, что в данном случае объясняет научный и практический интерес к управленческим концепциям, востребованным в органах безопасности и обороны Украины.

В теории и практике государственного управления современной Украины концепция стратегических коммуникаций широко используется на

протяжении последних пяти лет. Украинские исследователи (В. Горбулин, О. Горбач, А. Дилай, А. Капштик, Ю. Нестеряк, Г. Почепцов, Т. Сивак, С. Соловьев и др.) его укоренение в публичном дискурсе объясняют рядом причин: необходимостью противодействия рискам и угрозам в условиях длящегося вооруженного конфликта (гибридной войны) на юго-востоке страны и информационного противоборства с Российской Федерацией; потребностями повышения доверия населения к институтам власти и эффективности государственного управления в целом; новым этапом развития национального информационного пространства.

Т. Сивак указывает на социально-психологический аспект востребованности концепции стратегических коммуникаций: «Назрела насущная необходимость перехода от модели информирования к модели взаимодействия в процессе принятия управленческих решений, перехода к влиянию на социально-психологические структуры общества путем информирования и убеждения с целью изменения (корректировки) поведения» [1, с. 41].

Основная причина имплементации стратегических коммуникаций – политика евроатлантической интеграции Украины и необходимость в этой связи выполнения ею требований и стандартов НАТО. Не случайно содержащееся в Военной доктрине Украины определение стратегических коммуникаций как «скоординированное и надлежащее использование коммуникативных возможностей государства – публичной дипломатии, связей с общественностью, военных связей, информационных и психологических операций, мероприятий, направленных на продвижение целей государства» [2] заимствовано из документов Североатлантического альянса [3].

Понятие «стойкость» (англ. *resilience* – стрессоустойчивость, устойчивость, жизнестойкость) на Варшавском саммите НАТО было определено руководящим принципом и критически важным инструментом обеспечения коллективной обороны Североатлантического альянса [4]. Введение этого понятия (укр. – *стійкість*) в управленческий глоссарий Украины обусловлено, за некоторыми оговорками, сходными причинами, характерными для стратегических коммуникаций. Самостоятельным фактором формирования национальной стойкости является имплементация Украиной глобальной программы устойчивого развития ООН (укр. – *сталій розвиток*) и ее целей. При этом, как отмечает О. Резникова, формирование национальной стойкости и обеспечение устойчивого развития государства и общества – тесно связанные между собой, но не тождественные понятия, процессы и состояния. В конечном итоге дости-

жение целей устойчивого развития в Украине возможно лишь при условии формирования национальной стойкости в ключевых сферах жизнедеятельности [5, с. 35].

Взаимосвязь управленческих концепций и их механизмов для многих экспертов очевидна. В первую очередь по предпосылкам формирования концепций. Сходный характер носят условия и многие принципы их реализации (масштабность, непрерывность, согласованность действий, нацеленность на результат, квалифицированное лидерское управление, соответствие ценностям и ментальным представлениям целевых аудиторий, постоянный мониторинг) [1, с. 45–47]. Механизмы реализации стратегических коммуникаций и национальной стойкости в целом совпадают по основным субъектам и объектам воздействий. При этом обе управленческие концепции реализуются на нескольких уровнях – в масштабе государства, на ведомственном (региональном) уровне, в форме индивидуальных управленческих траекторий. В качестве проблемного для обеих управленческих концепций выступает человеческий фактор.

С учетом курса Украины на вступление в Североатлантический альянс процессы имплементации стратегических коммуникаций и национальной стойкости настойчиво поддерживаются и со стороны НАТО. Вместе с тем украинские эксперты констатируют, что рекомендации иностранных советников «часто имеют разнонаправленный и фрагментарный характер» [6, с. 4].

Ученые рекомендуют военно-политическому руководству Украины больше учитывать национальные интересы, не ограничиваясь узким, военным подходом, а рассматривать стратегические коммуникации и национальную стойкость в широком контексте, с учетом особенностей современного развития страны (недостаточный уровень консолидации общества, неэффективность государственного управления, незавершенность реформирования сектора безопасности и обороны и процессов децентрализации, системные изъяны национальной экономики). В этом широком контексте основными компонентами национальной стойкости страны являются кризисный менеджмент, стойкость территориальных общин, экономическая стойкость, стойкость общества. В пользу такого подхода свидетельствуют проблемы, вскрывшиеся в украинском социуме в ходе распространения коронавируса COVID-19. Два дня массовых беспорядков в пос. Новые Санжары (Полтавская обл., население 8 300 чел.) из-за размещения в местном медицинском центре эвакуированных из китайского г. Ухань украинских граждан показали, что на самом деле может произойти, когда население не доверяет органам власти, а вместо этого верит слухам и дезинформации.

На фоне пандемии COVID-19 директор Национального института стратегических исследований Украины А. Литвиненко пишет: «Кризис проявил настоящую цену вещей, окутанных мишурой мифов, пропаганды и верований. Не прошла экзамен пандемией эффективность союзов. Каждый сам за себя не только в ЕС и НАТО, но и в ЕАЭС, ОДКБ, ШОС. Это, конечно, не умаляет значения интеграционных проектов, но не стоит требовать слишком много: все имеет свои ограничения. Такие ограничения и проявил кризис 2020 года. НАТО и ЕС важны, но как инструменты, а не желанный рай» [7].

Каких результатов намерено добиться военно-политическое руководство Украины в процессе реализации рассматриваемых управленческих концепций? Рассмотрим их на примере принятой в ноябре 2017 г. Концепции стратегических коммуникаций Министерства обороны и Вооруженных Сил Украины. В документе указано, что «согласованное и своевременное применение стратегических коммуникаций имеет решающее значение в противостоянии угрозам в информационном пространстве, становится источником активного распространения информации в средствах массовой информации и реагирования на распространение неправдивой информации» [8].

В перечне ожидаемых результатов указаны: создание на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях условий, обеспечивающих интеграцию и поддержку проводимой политики в сфере обороны и безопасности; достижение согласованной деятельности и интегрированного обмена сообщениями между всеми субъектами системы стратегических коммуникаций Министерства обороны и Вооруженных Сил Украины; создание системы мониторинга информационного пространства (включая медиамониторинг и изучение общественного мнения) и обмена аналитическими данными, интегрированной в общегосударственную систему мониторинга и оценки информационного пространства; создание регулярной и системной международной коммуникации в отношении противодействия угрозам в информационной сфере; построение системы действий во время кризисных коммуникаций на основе опыта государств – членов НАТО; формирование позитивного имиджа Украины и Вооруженных Сил Украины [9].

В структуре Министерства обороны и Вооруженных Сил Украины создан отдел координации стратегических коммуникаций и мониторинга. Генеральным штабом Вооруженных Сил Украины принято решение об организации деятельности высокоподвижных групп внутренних коммуникаций в воинских частях, которым предписано эффективно формировать (восстанавливать) и поддерживать здоровое морально-

психологическое состояние, национально-патриотические убеждения и психологическую способность личного состава, подразделений и частей выполнять задачи по предназначению [9]. Преподавателями Национального университета обороны Украины им. Ивана Черняховского подготовлено учебное пособие по основам стратегических коммуникаций в сфере обеспечения национальной безопасности и обороны.

Программы, планы и реализующие их подразделения по стратегическим коммуникациям созданы практически во всех министерствах и ведомствах сектора обороны и безопасности. В частности, в Государственной пограничной службе Украины, первом ведомстве, которое начало внедрять стратегические коммуникации, введена обновленная коммуникационная структура, появились функции стратегирования и планирования, положено начало системе внутренней коммуникации, модернизированы технологии мониторинга и анализа информационного пространства и представления в нем Государственной пограничной службы Украины [10].

Взаимосвязь управленческих концепций стратегических коммуникаций и национальной стойкости и подобие механизмов их реализации объясняет сходство существующих проблем. В 2015 г. по результатам исследования положения дел в области государственных коммуникаций эксперты НАТО в Украине констатировали, что украинская концепция стратегических коммуникаций не отвечает современным вызовам. В числе выявленных слабых сторон указаны: отсутствие общего представления о том, что такое стратегические коммуникации; психологические барьеры в понимании их необходимости; невысокая эффективность деятельности органов государственного и военного управления, ответственных за реализацию концепций и планов; забюрократизованность внутренних процедур согласования и принятия решений по вопросам коммуникаций [11].

И сегодня эксперты продолжают указывать на комплекс нерешенных вопросов: несовершенство нормативных правовых актов; наличие некавалифицированных кадров, привлеченных к выполнению задач в сфере кризисных и стратегических коммуникаций; низкая эффективность межведомственного взаимодействия и его зависимость от межличностных контактов; отсутствие анализа информационного пространства и прогнозных оценок [12, с. 10].

Указанное характерно не только для сектора безопасности и обороны, но и для других органов власти. Н. Орлова выявила следующие проблемные аспекты коммуникационной стратегии Верховной Рады Украины: отсутствуют единая концепция информационной политики и

проактивный подход к осуществлению коммуникаций; не создан единый координационный центр и не предусмотрено финансирование парламентских коммуникаций; не выработаны стандарты работы с гражданами и их обращениями; значительное количество персонала имеет посредственные или низкие навыки владения новейшими средствами коммуникации. Вследствие этого в украинском обществе продолжают сохраняться представления о Верховной Раде как о закрытой системе, не ориентированной на интересы населения [13, с. 37].

На инструментальном уровне эффективная система стратегических коммуникаций – это прежде всего оптимальная модель взаимодействия ведомств, их оперативная координация для продвижения в целевых аудиториях и украинском социуме в целом стратегического нарратива, сформировать который украинским властям не удается вот уже много лет. Начальник управления гражданско-военного сотрудничества Министерства обороны и Вооруженных Сил Украины А. Ноздрачев отмечает: «Надо больше внимания уделять идеологии. Надо думать о военно-патриотическом воспитании молодежи. Если мы не будем воспитывать наших детей, не создадим национальную идею, мы будем проигрывать» [14]. Между тем многие эксперты указывают, что системным препятствием на этом пути является отсутствие четко определенной стратегии развития украинского государства, которую бы поддержало большинство населения.

Военно-политическим руководством Украины декларируется, что в основу принятия управленческих решений по вопросам безопасности и обороны положен человекоцентричный принцип [15]. В Украине в рамках Программы деятельности Кабинета Министров реализуется Концепция государственной политики по достижению цели 15.4 «Военнослужащий имеет возможности профессионального роста и особой социальной защиты». Исходной предпосылкой этой концепции является отсутствие в настоящее время в Украине достаточных условий для профессионального роста и социальной защиты военнослужащих. Это не способствует достижению высокой мотивации граждан к прохождению военной службы и снижает уровень укомплектованности Вооруженных Сил Украины. Проблема признана общенациональной, о чем свидетельствует тот факт, что по результатам проведенных в 2019 г. исследований 64 % военнослужащих военной службы по контракту не изъявили желания заключать следующий контракт, из них более 70 % – военнослужащие, которые проходили военную службу в боевых воинских частях Вооруженных Сил Украины и привлекались к операции объединенных сил. В течение последних четырех лет количество военнослужащих, которые не изъявили желания заключать следующий контракт и уволились после окон-

чания контракта, увеличилось: в 2016 г. около 52 % военнослужащих, в 2017 г. – около 74 %, в 2018 г. – 52,3 %, в 2019 г. – 78,7 % [16].

Эксперты указывают, что в основе такого положения дел лежит комплекс организационных, правовых, финансовых, социально-бытовых и морально-психологических проблем. Отмечается, что существующая система подготовки кадров и управления карьерой недостаточно ориентирована на четкое видение каждым военнослужащим своего карьерного роста и перспектив прохождения военной службы, не в полной мере способствует процессам его самосовершенствования и саморазвития. В числе причин – недостаточность мероприятий по патриотическому воспитанию и военно-профессиональной ориентации граждан, повышению популярности военной службы и ее позитивному восприятию обществом. Указывается и на отсутствие системных внутренних коммуникаций, разъясняющих военнослужащим изменения в Вооруженных Силах Украины и формирующих позитивные ожидания от службы.

В этой связи Кабинет Министров Украины поставил перед Министерством обороны и Вооруженных Сил Украины ряд амбициозных и сложных задач: разработка интегрированной концепции военной кадровой политики в Вооруженных Силах Украины на период до 2025 г.; разработка и внедрение доктрины военного лидерства; разработка дорожной карты по реформе срочной военной службы с целью перехода на комплектование Вооруженных Сил Украины по контрактному принципу; разработка нового военного устава, который должен предусматривать имплементацию принципов и подходов НАТО к взаимоотношениям между военнослужащими для обеспечения результативных изменений в социальных отношениях (командир – подчиненный).

В рамках внедрения коммуникационной стратегии по популяризации военной службы и стратегии внутренних коммуникаций Вооруженных Сил Украины предполагается проведение ежегодных социологических исследований касательно отношения граждан к защите Украины и к Вооруженным Силам Украины, а также отношения военнослужащих к службе, включая измерение уровня удовлетворенности и определение ключевых препятствий (проблем). Проектируется создание центров рекрутинга и территориальных центров комплектования и социальной поддержки. Развитие системы военного образования и подготовки офицерского состава будет направлено на получение обучающимися новых профессиональных компетенций, достижение операционной совместности на основе стандартов, принятых в НАТО.

В образовательной сфере Украины предприняты шаги в направлении профильной специализированной подготовки государственных слу-

жащих в сфере стратегических коммуникаций. Программы подготовки специалиста в области стратегических коммуникаций основываются на синтезе знаний, умений и навыков, полученных в сферах проектно-аналитической, психолого-лингвистической, социологической и маркетинговой деятельности [17].

На протяжении многих лет военно-политическое руководство Украины стремилось относиться к проблеме поддержания высокого морально-психологического состояния военнослужащих и сотрудников силового блока как к одной из приоритетных. Вместе с тем на примере Вооруженных Сил Украины авторы исследований показывают, что история становления и развития систем и механизмов их социально-психологического, морально-психологического обеспечения и воспитательной работы «изобилует достижениями, преобразованиями, просчетами и провалами» [18, с. 98]. Начиная с 1992 г. в украинской армии было предпринято несколько попыток создать структуры, которые занимались бы морально-психологическим состоянием личного состава и его воспитанием. Так, в 2003–2016 гг. в Вооруженных Силах Украины функционировали: органы по гуманитарным вопросам (на протяжении пяти лет), воспитательной и социально-психологической работы (четыре года), органы по работе с личным составом (с 2013 г.), структуры морально-психологического обеспечения (с 2016 г.) [18, с. 99].

При этом оставались относительно неизменными основные направления работы с личным составом, установленные в Концепции воспитательной работы в Вооруженных Силах и других воинских формированиях Украины: морально-психологическое обеспечение боевой и мобилизационной готовности войск (сил), боевого дежурства, боевой службы, оперативной и боевой подготовки, специфической деятельности воинских формирований; морально-психологическое обеспечение воинской дисциплины и профилактика правонарушений; информационно-пропагандистское обеспечение; культурно-воспитательная и просветительская работа; военно-социальная работа.

Процесс трансформации системы морально-психологического обеспечения с учетом опыта боевых действий на юго-востоке Украины и подходов деятельности аналогичных структур армий государств – членов НАТО продолжается и в настоящее время. В главном управлении морально-психологического обеспечения Министерства обороны Украины создан центр морально-психологического обеспечения. Такие центры могут быть созданы в видах войск и оперативного командования. Совершенствуется морально-психологическая вертикаль, в частности вводятся секторы военной дисциплины и группы боевого стресса. При управ-

лении бригад предлагается формировать группы психологов с задачей «работать точно и только по направлению деятельности». Одновременно решаются проблемы повышения показателя укомплектованности психологами в звене «батальон – бригада» (в настоящее время порядка 64 %), высвобождения их от решения несвойственных задач [19].

Часть решаемых военными психологами задач (порядка 17) относится к области так называемых внутренних стратегических коммуникаций. Определенное представление о практико-ориентированной направленности работы военных психологов дает анализ научных публикаций. Вот некоторые из тем: «Особенности психологических механизмов защиты участников боевых действий», «Теоретические основы социальной реабилитации участников боевых действий», «Формирование стрессоустойчивости у военнослужащих ВС», «Военный синдром „АТО“: актуальность и пути решения»; «Разработка методики для организация фотовыставки информационно-психологического воздействия», «Опыт разработки видеопродукции, мотивирующей на поступление в высшие военные учебные заведения», «Разработка и продвижение информационного сайта военно-патриотического направления», «Создание обучающих видеороликов по истории развития информационно-психологических операций», «Методика создания и продвижения тематических групп в социальные сети» [20].

В январе 2020 г. под председательством Президента Украины В. Зеленского состоялось заседание Совета национальной безопасности и обороны Украины, на котором был рассмотрен проект новой Стратегии национальной безопасности Украины «Безопасность человека – безопасность страны». Документ был представлен в декабре 2019 г. в штаб-квартиру НАТО в Брюсселе, где получил положительную оценку. Указанное свидетельствует о намерении нового руководства Украины придерживаться курса на вступление страны в Североатлантический альянс. Свою роль в этом должны сыграть и управленческие концепции стратегических коммуникаций и национальной стойкости. В этом плане они представляют определенный интерес для изучения в органах системы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь.

1. Сивак, Т.В. Принципы стратегических коммуникаций в публичном управлении / Т.В. Сивак // Гос. упр.: теория и практика. – 2019. – № 1. – С. 41–49.

2. Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 2 вересня 2015 року «Про нову редакцію Воєнної доктрини України» [Електронний ресурс] : Указ Президента України, 9 верес. 2015 р., № 555/2015 // Рада національної безпеки і оборони України. – Режим доступу: <https://www.rnbo.gov.ua/ua/Ukazy/410.html>. – Дата доступу: 05.02.2020.

3. NATO Strategic Communications Policy [Electronic resource]. – Mode of access: <https://info.publicintelligence.net/NATO-STRATCOM-Policy.pdf>. – Data of access: 10.03.2020.

4. Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Варшаве [Электронный ресурс] : обнародов. главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлант. совета в Варшаве 8–9 июля 2016 г. // North Atlantic Treaty Organization. – Режим доступа: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=en. – Дата доступа: 05.02.2020.

5. Резникова, О.А. Формирование национальной стойкости в контексте имплементации Украиной целей устойчивого развития / О.А. Резникова // Стратег. приоритеты. – 2019. – № 2. – С. 27–37.

6. Резникова, О. Щодо концепції забезпечення національної стійкості в Україні [Електронний ресурс] / О. Резникова // Аналіт. записка. – Серія «Нац. безпека». – 2020. – № 8. – С. 1–8. – Режим доступу: <https://niss.gov.ua/sites/default/files/2020-01/analit-resnikova-national-security-8-2020-1-1.pdf>. – Дата доступу: 01.02.2020.

7. Час простоти: велика криза настала : Стаття директора НІСД Олександра Литвиненка для «Дзеркала тижня». [Електронний ресурс] // Національний інститут стратегічних досліджень. – Режим доступу: <https://niss.gov.ua/news/statti/chas-prostoti-velika-kriza-nastala-stattya-direktora-nisd-oleksandra-litvinenkadlya>. – Дата доступу: 21.03.2020.

8. Концепція стратегічних комунікацій Міністерства оборони та Збройних Сил України [Електронний ресурс] // Міністерство оборони України. – Режим доступу: http://www.mil.gov.ua/content/mou_orders/612_nm_2017.pdf/. – Дата доступу: 05.02.2020.

9. Про затвердження Інструкції з організації діяльності високомобільних груп внутрішніх комунікацій у Збройних Силах України [Електронний ресурс] : наказ Генер. штабу Збройн. Сил України, 22 жовт. 2018 р., № 345 // Довідник з МПЗ. – Режим доступу: <https://dovidnykmpz.info>. – Дата доступу: 15.03.2020.

10. Впровадження в Держприкордонслужбі стратегічних комунікацій допоможе інформаційно захистити кордони України [Електронний ресурс] // Державна прикордонна служба України. – Режим доступу: <https://dpsu.gov.ua/ua/news/vprovadzhennya-v-Derzhprikordonsluzhbi-strategichnih-komunikacij-dopomozhe-informaciyno-zahistiti-kordoni-Ukraini>. – Дата доступу: 11.02.2020.

11. Система правительственной коммуникации требует полной перестройки, утверждают в Мининформполитики [Электронный ресурс] // Интерфакс-Украина : информ. агентство. – Режим доступа: <https://interfax.com.ua/news/political/320143.html>. – Дата доступа: 15.02.2020.

12. Капштик, О.В. Державні механізми стратегічних комунікацій у секторі безпеки і оборони України [Електронний ресурс] : автореф. дис. ... канд. наук з держ. упр. : 25.00.05 / Хмельн. ун-т упр. та права ; О.В. Капштик. – Хмельницький, 2019. – 22 с. – Режим доступу: http://www.univer.km.ua/doc/Aref_Kapshytyk.pdf. – Дата доступу: 15.02.2020.

13. Орлова, Н.С. Стратегічні комунікації в органах публічної влади в Україні [Електронний ресурс] / Н.С. Орлова // Київський національний торговельно-

економічний університет. – Режим доступу: <https://knute.edu.ua/file/NjY4NQ==/73ae577194018b0956272bd84ef9ae88.pdf2>. – Дата доступу: 17.02.2020.

14. Национальная стойкость: новые подходы в решении старых проблем [Электронный ресурс] // Укринформ : мультимедийн.-платформа иновещания Украины. – Режим доступа: <https://www.ukrinform.ua/rubric-presshall/2833870-nacionalna-stijkist-novi-pidhodi-u-virisenni-starih-problem.html>. – Дата доступа: 15.02.2020.

15. Впроваджується нова військова кадрова політика і система управління військовою кар'єрою [Електронний ресурс] // Міністерство оборони України. – Режим доступу: <http://www.mil.gov.ua/news/2020/02/26/vprovadzhuetsya-novavijskova-kadrova-politika-i-sistema-upravlinnya-vijskovoyu-kareroyu>. – Дата доступу: 26.02.2020.

16. Концепція державної політики по досягненню цілі 15.4 «Військово-службовець має можливість професійного зростання та особливого соціального захисту» Програми діяльності Кабінету Міністрів України [Електронний ресурс] // Міністерство оборони України. – Режим доступу: https://www.mil.gov.ua/content/other/konzeptziya_15_4.pdf. – Дата доступу: 25.02.2020.

17. Сивак, Т.В. Внедрение образовательной программы «Стратегические коммуникации» для профильной специализированной подготовки государственных служащих / Т.В. Сивак // Гос. упр.: теория и практика. – 2017. – № 2. – С. 85–97.

18. Кобзар, А.О. Соціально-психологічне, морально-психологічне забезпечення в системі виховного впливу у Збройних Силах України [Електронний ресурс] / А.О. Кобзар // Відродження Українського війська: сучасність та історична ретроспектива : зб. матеріалів Міжнар. наук. конф. (1–2 груд. 2016 р.) / Нац. ун-т оборони України ; уклад.: С.П. Сегада [та інші]. – Київ, 2016. – С. 98–99. – Режим доступу: <https://nuou.org.ua/assets/documents/zbirnik-ukr-visko-suchasnist.pdf>. – Дата доступу: 25.02.2020.

19. Структури морально-психологічного забезпечення – це потужна складова в системі стратегічних комунікацій [Електронний ресурс] // Армія-інформ : інформ. агентство М-ва оборони України. – Режим доступу: <https://armyinform.com.ua/2019/12/struktury-moralno-psyhologichnogo-zabezpechennya-cze-potuzhna-skladova-v-systemi-strategichnyh-komunikacij/>. – Дата доступу: 15.03.2020.

20. Молодежная военная наука в Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, адъюнктов, слушателей, курсантов и студентов (Київ, 28 апр. 2017 г.) / Воен. ин-т Киев. нац. ун-та им. Тараса Шевченко ; под общ. ред. И.В. Толока. – Киев, 2018. – 366 с.

Поступила: 25.05.2020

A.A. Mushta, Candidate of Philosophy, Associate Professor (Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus)

MANAGEMENT TRENDS IN THE DEFENSE AND SECURITY SECTOR OF MODERN UKRAINE: CONCEPTUAL AND LEGAL BASES, PRACTICES, PSYCHOLOGICAL BARRIERS

The factors of the demand for managerial concepts 'strategic communications' and 'national resilience' in the politics of modern Ukraine are revealed. Their multilevel nature and diverse role, including in the mechanism of Ukraine's integration into NATO, is shown. The regulatory framework and conceptual rationale for strategic communications and national resilience are compared with the practice of their implementation by the subjects of the national security and defense sector of Ukraine. Existing problems are identified, with the emphasis on psychological aspects. It is shown that the problem of staffing the 'power block' of Ukraine with competent specialists in the analyzed areas is acute. It is concluded that the managerial concept implemented in the defense and security sector of Ukraine and the closely related personnel policy and moral and psychological support are of scientific and practical interest in terms of their study in Belarus.

Keywords: defense and security sector, military doctrine, Armed forces of Ukraine, North Atlantic Treaty Organization (NATO), strategic communications, national resilience, human factor, moral and psychological support.

УДК 159.957:343.8

А.Н. Пастушеня, доктор психологических наук, профессор (Академия МВД Республики Беларусь)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Рассматривается научно-практическая проблема психологического анализа результативности применения уголовного наказания, определяется теоретический подход к его осуществлению. Выделены основные атрибуты применения наказания, оказывающие влияние на присущие осужденным психические явления, которые, в свою очередь, воздействуют на трансформацию личностных предпосылок социально-правового поведения. Влияние основных атрибутов применения наказания на присущие осужденным психические явления выступает предметом аналитического психологического исследования. Определяются параметры оценки восприятия осужденными атрибутов применения наказания, их отношения к ним и вызываемых ими мотивационных и иных психических явлений, значимых в трансформации личностных предпосылок социально-правового поведения.

Ключевые слова: психологический анализ применения уголовного наказания, цели применения уголовной ответственности, восприятие атрибутов применения уголовного наказания, присущие осужденным психические явления, личность осужденного, личностные предпосылки социально-правового поведения, исправление осужденных, основные средства исправления осужденных.

Постановка проблемы. Научное изучение любого социального явления, включающее в себя его анализ, должно быть подчинено определенной цели, обуславливающей его необходимость для совершенствования социальной практики. Это предназначение относится и к исследованию результативности применения уголовного наказания как важнейшего средства борьбы с преступностью. Применение мер уголовной ответственности, включающее назначение и исполнение наказания, имеет определенные социальные цели. В соответствии со ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь такими целями выступают: исправление лица, совершившего преступление; предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами; способствование восстановлению социальной справедливости; взыскание имущественного ущерба, дохода, полученного преступным путем, и материального возмещения морального вреда. В ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь в качестве таких целей названы исправление осужденных и предупреждение совершения преступлений как осужденными, так и другими лицами. При этом исправление осужденных законодательно определяется как формирование у них готовности вести правопослушный образ жизни. В указанной статье также определены основные средства достижения целей уголовной ответственности: установленный порядок исполнения и отбывания наказания, воспитательная работа, общественно полезный труд, получение осужденными образования, общественное воздействие.

Степень достижения целей уголовной ответственности выражает результативность применения уголовного наказания, которая в отношении конкретных осужденных может быть не только положительной, но и отрицательной. Она зависит от правильности назначенного судом вида и размера наказания с учетом личности виновного, от качества работы по его исправлению и от реализации предупредительных мер по недопущению совершения им преступлений в период отбывания наказания. Учитывая, что исправление осужденных обеспечивает недопущение совершения ими новых преступлений, оно выступает базовой целью в исполнении наказания. Исходя из этого наиболее значимым показателем результативности применения уголовного наказания выступает степень достижения цели исправления осужденных. Изучение результативности применения различных видов уголовного наказания необходимо не только для оценки степени реализации их социального предназначения, но и для выявления возможностей ее повышения на основе совершенствования правовых основ их конструкции (в чем они заключаются), организации исполнения наказания, средств и технологий работы с осужденными.

Разработка проблемы. Результативность достижения исправительно-предупредительной цели уголовного наказания имеет свой объективный поведенческий показатель, в качестве которого М.Д. Шаргородский предлагал динамику рецидивной преступности [1, с. 61]. При этом необходимо учитывать, что рецидив преступлений имеет две основные причины. Одна заключается в личностных предпосылках – отсутствии у лица, отбывшего наказание, готовности вести правопослушный образ жизни и наличии у него криминальных склонностей. Вторая кроется в социальных условиях и влияниях, способствующих совершению преступлений, что выражается в отсутствии возможностей правомерно, на основе трудовой деятельности, удовлетворять жизненные потребности, а также в криминогенных влияниях социального окружения. Именно личностные предпосылки рецидива преступлений обусловлены недостаточной результативностью достижения исправительной цели применения уголовного наказания.

При применении уголовного наказания на осужденных воздействует ряд явлений, относящихся к уголовному процессу, условиям и порядку отбывания наказания, социальным взаимодействиям, в которые они включены. Эти явления, присущие назначению и отбыванию наказания (как атрибуты его применения), субъективно оцениваются осужденными, перерабатываются в их психическом мире посредством осмысления, эмоционального переживания, психологических защит, адаптации, интеграции впечатлений и приводят в конечном итоге к изменениям в психическом мире личности, которые могут укреплять ее правопослушную позицию либо усугублять криминогенную предрасположенность. Для оценки происходящих изменений в психическом мире осужденных, определяющих результативность применения уголовного наказания, необходим психологический анализ, предполагающий специальное исследование, раскрывающее влияние атрибутов применения уголовного наказания на психический мир осужденных. Это исследование может иметь несколько аспектов.

Первый аспект отражает, какое влияние на осужденных предполагает (несет) определенный атрибут применения уголовного наказания и что он призван породить в их психическом мире. Так, применение мер взыскания к осужденным оказывает негативное стимулирующее воздействие, которое призвано формировать опасение в связи с нарушением режима отбывания наказания; проведение с осужденными индивидуальной воспитательной работы – обсуждение вопросов жизнедеятельности в соотношении с требованиями законов – призвано формировать у них установки на правомерное поведение и ведение правопослушного образа жизни после отбытия наказания.

Второй аспект психологического анализа применения уголовного наказания показывает, как его атрибут, несущий определенное влияние, воспринимается осужденными и какое отношение к этому влиянию вызывает. По логике научно-практического мышления преподносимые человеку взгляды, отношения, правила и примеры поведения, а также рекомендации и требования к поведению будут усваиваться в том случае, если они воспринимаются им одобрительно (или хотя бы толерантно), а еще лучше – с желанием им следовать. В большинстве случаев, как свидетельствует психолого-педагогическая практика, такая закономерность подтверждается. Именно восприятие атрибутов применения уголовного наказания и тех влияний, которые они несут, с возникающим отношением к ним обуславливает их принятие и ассимиляцию либо отвержение, является предметом второго аспекта психологического анализа применения уголовного наказания. Этот аспект аналитического исследования является наиболее приемлемым с учетом его реальной осуществимости и полезности полученных данных.

Третий аспект психологического анализа призван отразить тот результат, который достигается атрибутами применения уголовного наказания применительно к личности осужденного, значимый для детерминации его социально-правового поведения и образа жизни. Этот аспект психологического анализа представляет наибольшую сложность. Для решения такого рода исследовательских задач применяется естественный формирующий эксперимент [2], который является трудоемким и сложно осуществимым в условиях исполнения уголовного наказания. В психологической практике для установления факторов возникновения разного рода психических явлений (чувства, мотивы, личные правила, опасения, психотравмы и др.) также применяется ассоциативный эксперимент, предполагающий выяснение ассоциаций, раскрывающих причины возникновения этих явлений [3, 4]. Такое исследование также чрезмерно трудоемко при его проведении на достаточной выборке осужденных с учетом их типологических различий.

Обобщенные данные о результатах влияния уголовного наказания в совокупности всех атрибутов его применения на личностные предпосылки социально-правового поведения осужденных могут быть получены с помощью персональной диагностики у осужденных этих предпосылок на начальном и завершающем этапах отбывания наказания. Ее осуществление имеет теоретико-методическое обоснование [5] и применяется в исправительных учреждениях в целях индивидуального прогнозирования социально-правового поведения осужденных после отбытия наказания. Такая сравнительная оценка позволит увидеть тен-

денцию результативности исправления осужденных на определенной их выборке, однако не будет отражать влияние атрибутов применения наказания на личностные предпосылки социально-правового поведения, что не отвечает замыслу психологического анализа применения уголовного наказания для совершенствования этих атрибутов.

С учетом вышесказанного можно определить, что *целью психологического анализа применения уголовного наказания* определенного вида является изучение и оценка присущих осужденным психических явлений, порождаемых атрибутами применения наказания (события, условия отбывания, социальные влияния и др.), приводящих к изменениям личностных предпосылок социально-правового поведения. Этими изменениями могут являться повышение готовности к правопослушному образу жизни либо ее снижение и усугубление криминогенного потенциала. Они выражают личностно-психологический результат применения уголовного наказания в достижении исправительно-предупредительной цели.

Для определения конкретных задач психологического анализа применения определенного вида уголовного наказания необходимо обосновать комплекс атрибутов его применения, выступающих факторами воздействия на присущие осужденным психические явления, которые, в свою очередь, обуславливают изменения у них личностных предпосылок социально-правового поведения. Учитывая правовые положения о применении мер уголовной ответственности, порядке и условиях отбывания уголовного наказания, мерах воздействия на осужденных, средствах их исправления, а также принимая во внимание субъектов воздействия на осужденных, выделяют *комплекс атрибутов применения уголовного наказания*.

Рассмотрим влияния атрибутов применения уголовного наказания на присущие осужденным психические явления, значимые для трансформаций личностных предпосылок социально-правового поведения.

1. Влияние на присущие личности психические явления оказывает *уголовный процесс в совокупности его стадий, завершающийся осуждением и назначением наказания*. Он субъективно воспринимается и оценивается обвиняемым с точки зрения законной справедливости предъявленного обвинения, его уголовно-правовой квалификации, доказательств виновности, учета оправдывающих обстоятельств и т. д. Их субъективная оценка формирует последующее отношение к назначенному наказанию с точки зрения его законности и справедливости, степени строгости в соотнесении с ожиданием. Такая оценка влияет на личное отношение к содеянному. Оно может проявляться по-разному: в признании своей вины и справедливости наказания, раскаянии и ре-

шимости не совершать в дальнейшем преступлений либо в оценке наказания как несправедливого, излишне строгого. Такая отрицательная оценка обуславливает формирование чувства несправедливости, обиды и неприязни к правоохранительным органам, приуменьшение значения содеянного, самооправдание и сочувствующее отношение к себе. Отрицательная оценка законной справедливости назначенного наказания также негативно влияет на отношение к средствам исправления, необходимости позитивного самоизменения, поскольку осужденный считает, что он не настолько виноват и не нуждается в исправлении.

С учетом этих посылок психологический анализ уголовного процесса и назначенного наказания должен предусматривать совокупную оценку: индивидуального отношения осужденного к наказанию с точки зрения его справедливости и строгости; отношения к совершенному преступлению и к себе в связи с его совершением; проявляемых позиций в отношении к отбыванию наказания, соблюдению режимных требований. Изучая указанные психические явления, необходимо учитывать, что отдельные осужденные считают приемлемым уклонение от отбывания назначенного наказания с целью быть осужденным за это и получить более строгое наказание по их правовой иерархии, которое субъективно более благоприятно для них.

2. На присущие личности психические явления оказывают влияние *условия отбывания назначенного вида наказания, включая установленные законом ограничения и специальные обязанности (обременения)*. Во-первых, они выражают карательную сущность наказания, призванную оказывать устрашающее воздействие, мотивирующее отказ от противоправного поведения как осужденных, так и других лиц, о чем писал еще основатель русской школы уголовного права Н.С. Таганцев [6, с. 117]. Во-вторых, эти ограничения и обременения уменьшают возможности совершения осужденными преступлений в период отбывания наказания. В-третьих, они необходимы для отрыва осужденных от криминогенного образа жизни и для привлечения к труду, профессиональному и социальному обучению, прохождению наркологического лечения, участию в мероприятиях, необходимых для исправления.

В связи с этими функциями ограничений и обременений психологический анализ применения уголовного наказания должен предусматривать установление: степени общей негативной значимости наказания, выражающей его устрашающее влияние, для предупреждения противоправного поведения; степени негативной значимости отдельных атрибутов применения уголовного наказания, выражающих его карательную сущность; личных позиций осужденного в отношении соблюдения режимных требований.

3. Важным условием отбывания наказания и в то же время средством мотивирующего влияния выступает *применение к осужденным предусмотренных законодательством мер поощрения и взыскания*, включая правовые институты прогрессивного отбывания наказания в виде замены неотбытой части наказания более мягким наказанием и условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, а также в виде повышения строгости наказания. Эти меры стимулирования оказывают мотивирующее влияние на поведение осужденных и их участие в полезной деятельности в рамках исправительного процесса в зависимости от субъективной значимости мер поощрения и взыскания, упорядоченности и интенсивности их применения, воспитательного и информационного сопровождения их применения. Мотивирующее влияние мер поощрения и взыскания в совокупности зависит от баланса в их применении.

Учитывая, что применение мер поощрения и взыскания выступает не только средством стимулирующего влияния на поведение осужденных, но и фактором формирования личностных свойств, детерминирующих социально-правовое поведение после отбытия наказания, психологический анализ применения уголовного наказания должен отражать: наличие позитивной значимости мер поощрения и ожидания их получения, а также значимость и ожидания применения институтов смягчения наказания и условно-досрочного освобождения от отбывания наказания; наличие и степень негативной значимости мер взыскания и привлечения к уголовной ответственности за уклонение от отбывания наказания и ожидания их применения.

4. При исполнении наказания влияние на присущие осужденным психические явления оказывает применение установленных законом основных средств исправления (труд, воспитательная работа, общественное воздействие, обучение).

Неотъемлемым условием отбывания срочных видов наказания является обязанность осужденных осуществлять *трудовую деятельность*. Она необходима для материального обеспечения осужденных, а также получения средств для оплаты расходов на содержание их детей, возмещения причиненного преступлением ущерба, уплаты штрафа при его назначении как дополнительного вида уголовного наказания. Привлечение осужденных к труду имеет важное значение для исправительной цели – оно обеспечивает сохранение или формирование привычки каждодневного осуществления трудовой деятельности с соблюдением трудовой дисциплины. Это возможно на основе позитивной личной значимости трудовой деятельности, признания ее необходимости в жизни. На формирование такой значимости влияет воспитательное сопрово-

ждение привлечения осужденных к труду, применение стимулирующих мер, а также социально-психологические явления в среде осужденных, выражающие доминирующие позиции в отношении к труду.

С учетом указанного значения трудовой деятельности осужденных и ее обязательности для большинства видов наказания психологический анализ применения уголовного наказания должен включать в себя оценку субъективного значения для осужденных трудовой деятельности и проявляемые ими позиции в отношении к ней. Субъективное значение трудовой деятельности может выражаться в видении в ней либо жизненно необходимого, либо обременительного и принуждаемого, либо необходимого, но не удовлетворяющего притязаниям явления. Позиции в отношении к трудовой деятельности могут представлять следующую типологию: старательное осуществление по интенсивности и качеству; удовлетворительное старание без проявления инициативы; минимальное старание для избежания негативных последствий (работает под контролем); поиск и использование возможностей для уклонения от труда [7, с. 51–52].

Наряду с включением осужденных в трудовую деятельность используются иные средства их исправления: воспитательная работа, общественное воздействие, обучение. Их использование существенно зависит от вида уголовного наказания. Наиболее упорядоченно и комплексно они применяются при исполнении наказания в виде лишения свободы, что связано с наличием у осужденных времени для обучения и участия в воспитательных мероприятиях, поскольку не требуется его затрат на обеспечение питанием и бытовые работы.

При исполнении наказания в виде ограничения свободы планомерно осуществляется индивидуальная *воспитательная работа* с осужденными, а в исправительных учреждениях открытого типа периодически с неполным охватом осужденных также проводятся коллективные воспитательные мероприятия.

Изучение влияния на осужденных воспитательной работы представляет одну из задач психологического анализа применения уголовного наказания. Важна оценка восприятия такой работы осужденными, влияния проводимых мероприятий на их сознание и социально-правовую позицию. Оценка восприятия воспитательной работы призвана определить, насколько осужденные считают ее полезной для саморазвития, понимания и планирования своей жизни. Для детализации этой оценки возможно изучение отношения осужденных к используемым формам воспитательной работы и ее тематическим направлениям: индивидуальным беседам сотрудников органов и учреждений, исполняющих наказание, с осужденными, коллективным беседам и дискуссиям, встречам с

представителями государства и общества, применяемым исправительным программам, тренингам.

Наряду с воспитательной работой к основным средствам исправления законодательно отнесено *общественное воздействие* на осужденных. Оно может осуществляться в специально организуемых формах и неформально в результате взаимодействия с осужденными людьми по месту их работы и при других обстоятельствах. Такое воздействие также осуществляется опосредованно, через средства информации, которые доводят до осужденных сведения о жизни людей, их взглядах, стремлениях, отношениях и других социальных явлениях, значимых для формирования социального мировоззрения личности. Необходимо также учитывать, что большое влияние на осужденных, отбывающих наказания, не связанные с изоляцией от общества, оказывает ближайшее социальное окружение по месту жительства. Оно может быть как благоприятным для исправления, так и криминогенным, выражаясь в вовлечении в пьянство, иные формы асоциального поведения, в провоцировании конфликтов.

В связи с общественным воздействием целесообразно подвергнуть психологическому анализу его эффект в сознании осужденных. Важным его проявлением выступает ощущение осужденным своей включенности в общество, противоположностью которой выступает социальная отчужденность. Включенность в общество проявляется как убеждение в возможности быть таким же его членом, как и другие люди, обладая аналогичными социальными возможностями и испытывая аналогичное отношение к себе. Противоположное явление выражается в ощущении осужденным своей несходности с обычными членами общества («я не такой, как они»), в психологическом дистанцировании и дискриминации. Это явление в виде социальной отчужденности отмечено Ю.М. Антоняном как криминогенная черта личности [8, с. 61–103]. Оно обуславливает приспособление к социально отчужденному положению и игнорирование социальных норм и социальных влияний, вплоть до противопоставления себя им. Еще одним результатом общественного воздействия на осужденных, имеющих значение для их социально-правовой позиции, являются складывающиеся у них представления о распространенности в обществе как позитивных, так и негативных поведенческих проявлений и позиций людей. Эти представления влияют на личные позиции в силу склонности человека придерживаться тех поведенческих проявлений и отношений, которые доминируют в обществе.

Следовательно, для психологической оценки результата общественного воздействия на осужденных целесообразно изучить их представления: о социальном отношении к себе как лицу, отбывающему наказание; социальной распространенности правомерных проявлений (системати-

ческий труд, выполнение родительского долга) и противоправных (корыстные и насильственные деяния, пьянство, наркомания).

Еще одним законодательно установленным средством исправления является *образование осужденных*. В уголовно-исполнительной системе приоритет отдается профессиональному образованию, которое организовано при исполнении наказания в виде лишения свободы. Что касается обучения осужденных при исполнении иных видов наказания, то оно осуществляется по их инициативе в учреждениях образования и представляет редкое явление.

Психологическая оценка значения получения образования для исправления осужденных предполагает изучение субъективного значения для них получения образования и потребностей в нем.

5. Существенное влияние на присущие личности психические явления оказывают *обращение с осужденными и воздействие на них сотрудников органов и учреждений, исполняющих наказание*. Они выступают субъектом управления поведением осужденных в рамках режима отбывания наказания и реализации средств исправления. Их влияние выражается в контроле соблюдения режимных требований, применении мер поощрения, взыскания и средств педагогического стимулирования, воспитательном общении, а также в обращении с осужденными, в котором проявляются отношение к ним, преследуемые сотрудниками цели воздействия, позиции по обеспечению прав и законных интересов осужденных. Обращение сотрудников с осужденными, в котором проявляется отношение к ним, формирует ответное отношение осужденных к сотрудникам, которое существенно влияет на восприятие их управляющих, воспитательных и профилактических мер воздействия. При психологически правильном обращении с осужденными у них повышается готовность к подчинению и усвоению воспитательных мер влияния сотрудников, в противном случае возникает предрасположенность к противодействию и их неприятию.

Таким образом, деятельность сотрудников органов и учреждений, исполняющих наказание, и их обращение с осужденными существенно влияют на личностный результат исполнения наказания. Поэтому при психологическом анализе применения уголовного наказания важна психологическая оценка влияния сотрудников на осужденных, которая должна предусматривать выявление их мнений: о целях, которые преследуют сотрудники в работе с ними (они в значительной мере определяют отношение к осужденным); жизненной полезности общения с сотрудниками; значимости управляющего воздействия сотрудников по обеспечению режима отбывания наказания и предупреждению правонарушений.

6. На каждого осужденного, отбывающего наказание в исправительном учреждении, существенное значение имеет влияние *общности*

осужденных и ближайшего круга общения. Такое влияние оказывают доминирующие среди осужденных взгляды, ценности, темы и содержание общения, неформальные правила поведения, санкции и другие феномены группового сознания. Это влияние в разной степени усваивается осужденными и обуславливает трансформацию личных взглядов, ценностей, отношений, позиций и стереотипов поведения, которые значимы в жизни после отбытия наказания. В научной литературе уделено внимание пенитенциарной субкультуре, наиболее значимыми проявлениями которой являются неформальные нормы поведения и статусная стратификация преступников, а также ценности, присущие криминогенному образу жизни, криминогенное общение [8, с. 296–346; 9, с. 63–82]. Эти социально-психологические явления в общностях осужденных существенно изменились в современных условиях и требуют актуализации знаний о них, включая исследование их проявления в исправительных учреждениях открытого типа. Наряду с криминогенным содержанием субкультуры в местах лишения свободы отмечаются факты формирования в отдельных отрядах осужденных благоприятной для исправительного процесса социально-психологической атмосферы.

Исходя из существенного влияния социально-психологических явлений в общностях осужденных на индивидуальное сознание, это влияние должно быть отражено в психологическом анализе исполнения уголовного наказания. Для этого целесообразно выяснить: социально-правовую направленность неформального общения осужденных (доминирование в нем тем, способствующих ориентации на правопослушный либо на криминогенный образ жизни); доминирующее отношение осужденных к нормам криминальной субкультуры и стратификации осужденных; степень влиятельности общности осужденных с ее неформальными лидерами по сравнению с администрацией исправительного учреждения.

7. Части осужденных в соответствии со ст. 107 Уголовного кодекса Республики Беларусь судом назначено *применение принудительного лечения от хронического алкоголизма, наркомании или токсикомании*. Такое лечение необходимо рассматривать как неотъемлемую составляющую наказания, а его результативность определять на основе комплекса научно обоснованных признаков и критериев, базирующихся на методологических подходах наркологии, психиатрии и психологии. При этом психологические критерии призваны отражать отношение осужденного к указанным зависимостям и употреблению психоактивных веществ, включающее ценностно-смысловые и эмоциональные составляющие, а также наличие и степень выраженности мотивационно-волевой установки на воздержание от их употребления.

Выводы. Целью психологического анализа применения уголовного наказания определенного вида является изучение и оценка порождаемых атрибутами применения уголовного наказания присущих осужденным психических явлений, приводящих к изменениям личностных предпосылок социально-правового поведения. К наиболее существенным атрибутам применения уголовного наказания, влияющим на психический мир осужденных, относятся:

уголовный процесс в совокупности его стадий, завершающийся назначением наказания;

условия отбывания назначенного вида наказания, включая установленные законом ограничения и специальные обязанности;

меры стимулирующего воздействия на осужденных в виде поощрений, взысканий и институтов прогрессивного отбывания наказания;

применение основных средств исправления осужденных (труд, воспитательная работа, общественное воздействие, обучение);

обращение с осужденными и воздействие на них сотрудников органов и учреждений, исполняющих наказание;

влияние общности осужденных и ближайшего круга общения в исправительном учреждении;

осуществление назначенного судом принудительного лечения от алкоголизма, наркомании или токсикомании.

Психологический анализ применения уголовного наказания предполагает установление, как каждый атрибут его применения, несущий определенное влияние на осужденных, воспринимается ими, какое вызывает отношение к нему и мотивационную реакцию. Восприятие атрибутов применения уголовного наказания и тех влияний, которые они несут, с эмоционально-оценочным, мотивационным и приспособительным реагированием на них обуславливает усвоение либо неприятие этих влияний и иные психологические явления, значимые для трансформации личности.

При осуществлении психологического анализа применения уголовного наказания изучаются и оцениваются восприятие каждого атрибута его применения осужденными, субъективная оценка его значения и отношение к нему осужденных, вызываемые им умозаключения, мотивационное реагирование на него осужденных, порождаемые приспособительные и иные поведенческие установки. Эти явления оцениваются в плане их значения для личностных изменений осужденных, которые могут способствовать их исправлению либо иметь противоположное влияние, усугубляющее криминогенность личности.

Психологический анализ применения уголовного наказания позволит выявить не только его личностно-психологическую результатив-

ность для достижения исправительно-предупредительной цели, но и возможности совершенствования его правовых конструкций, условий исполнения, технологий исправительного процесса и иных атрибутов его применения. Дальнейшая разработка проблемы психологического анализа результативности применения уголовного наказания предполагает наряду с развитием теоретических положений создание методики такого аналитического исследования.

1. Шаргородский, М.Д. Наказание, его цели и эффективность / М.Д. Шаргородский. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. – 160 с.
2. Дробышева, Т.В. Естественный формирующий эксперимент в социально-психологическом исследовании: достоинства и трудности применения / Т.В. Дробышева // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы : сб. материалов Всерос. науч. конф., Москва, 18–19 нояб. 2010 г. / Ин-т психологии Рос. акад. наук [и др.] ; под ред. В.А. Барабанщикова. – М., 2010. – С. 32–37.
3. Миронова, Н.И. Ассоциативный эксперимент: методы анализа данных и анализ на основе универсальной схемы / Н.И. Миронова // Вопр. психологии. – 2011. – Т. 14, № 2. – С. 108–119.
4. Назаров, А.И. Ассоциация и ассоциативный эксперимент: разные судьбы / А.И. Назаров, Р.В. Соколов // Вопр. психологии. – 2007. – № 4. – С. 125–138.
5. Пастушени, А.Н. Психолого-диагностический подход к оценке степени исправления осужденных / А.Н. Пастушени // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2014. – № 2. – С. 208–214.
6. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Часть общая : в 2 т. / Н.С. Таганцев. – Тула : Автограф, 2001. – Т. 2. – 688 с.
7. Антонян, Ю.М. Психология преступника и расследования преступлений / Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В. Е. Эминов. – М. : Юрист, 1996. – 336 с.
8. Ушатиков, А.И. Пенитенциарная психология : учеб. пособие / А.И. Ушатиков, Б.Б. Казак. – Рязань : Акад. права и упр. Минюста России, 2003. – 758 с.
9. Пастушени, А.Н. Исправительная психология : учеб. пособие / А.Н. Пастушени. – Минск : Акад. МВД, 2016. – 174 с.

Поступила 05.05.2020

A.N. Pastushenya, Doctor of Psychology, Professor (Academy of the MIA of the Republic of Belarus)

THEORETICAL BACKGROUND OF PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF THE EFFECTIVENESS OF APPLICATION OF CRIMINAL PUNISHMENT

The scientific and practical problem of the psychological analysis of the effectiveness of the application of criminal punishments is considered, a theoretical approach to its implementation is determined. The main attributes of the use of punishment, which have an impact on the mental phenomena of convicts, which, in turn, affect the transformation of the personal prerequisites of social and legal behavior, are high-

lighted. The influence of these basic attributes of punishment on the mental phenomena of convicts is the subject of analytical psychological research. The parameters for assessing the perception of the attributes of punishment by convicts, their attitudes towards them and the motivational and other mental phenomena caused by them, which are significant in the transformation of the personal prerequisites of social and legal behavior, are determined.

Keywords: psychological analysis of the application of criminal punishment, the purpose of the application of criminal liability, perception of the attributes of criminal punishment, mental phenomena among convicts, personality of convicts, personal prerequisites for social and legal behavior, correction of convicts, basic means of correcting convicts.

УДК 159.9.072 + 159.9:355

*С.С. Сагайдак, кандидат психологических наук (Республиканский центр проблем человека Белорусского государственного университета);
В.Г. Королюк, кандидат технических наук, доцент (Белорусский институт системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы)*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДБОРА КАДРОВ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ОХРАНУ ВАЖНЕЙШИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ

Разработана базовая психограмма военнослужащих внутренних войск и сотрудников исправительных учреждений Республики Беларусь: руководящего состава, дежурных контрольно-пропускного пункта, часовых и контролеров надзора, караулов по охране специальных грузов и конвоированию осужденных. Базовая психограмма содержит 19 профессионально важных качеств, выявляемых 15 нейропсихологическими, психофизиологическими, когнитивными и социально-личностными тестами. Каждое качество оценивается по пятибалльной шкале. По суммарному баллу и количеству оценок «низкий уровень» также по пятибалльной системе оценивается интегративный уровень развития профессионально важных качеств. Рекомендации по допуску к работе зависят от уровня профессионально важных качеств и выражаются в одной из четырех градаций: рекомендуется в первую очередь, рекомендуется во вторую очередь, рекомендуется с ограничениями, не рекомендуется. Проведена стандартизация оценки профессионально важных качеств на выборке 160 военнослужащих, выполняющих задачи по охране объектов государственного значения.

Ключевые слова: военнослужащие, охрана государственных объектов, психограмма, профессионально важные качества.

Профессиональная деятельность по охране объектов государственного значения предъявляет всё возрастающие требования к психической сфере военнослужащего, его психофизиологическим и социально-психологическим особенностям в связи с увеличением сложности, ответственности и опасности труда. Интенсивное развитие и усложнение содержания профессиональной деятельности подразумевает возрастание степени значимости индивидуально-психологических особенностей рядового и начальствующего состава.

До настоящего времени при подборе кадров, обеспечивающих охрану важнейших государственных объектов, не применяются объективные средства комплексной нейропсихологической и психофизиологической диагностики, способные выявлять природную стрессоустойчивость, прогнозировать безупречность выполнения автоматизированных действий в экстремальных условиях и своевременное принятие решений для предотвращения чрезвычайных ситуаций [1–3].

Профессиональная пригодность военнослужащих по охране объектов государственного значения обуславливается не только их специфическими профессиональными характеристиками, но и особенностями нейропсихологической, психофизиологической, когнитивной, эмоционально-волевой сфер личности. Таким образом, необходимость психологического изучения формирования профессиональной пригодности определяет ориентацию на функциональные резервы индивида, которые являются во многом тем лимитирующим звеном в профессиональной деятельности, которое нужно учитывать в ответственных и потенциально экстремальных условиях труда.

Нами исследованы параметры психофизиологических и психологических профессионально важных качеств разноуровневого состава охраны в исправительных учреждениях Республики Беларусь, при охране особо важных государственных объектов, специальных грузов, при конвоировании и охране осужденных и лиц, содержащихся под стражей. По результатам психолого-аналитического изучения структуры и содержания профессиональных действий разработаны профессиограммы, которые содержат систематизированное описание объективных характеристик конкретных должностных обязанностей, для следующих категорий специалистов:

руководящего состава (командир взвода, начальник караула (в исправительных учреждениях, на объектах государственного значения, по конвоированию осужденных и перевозке специальных грузов), помощник начальника караула (в том числе начальник контрольно-пропускного пункта));

дежурных контрольно-пропускного пункта по пропуску людей и транспортных средств;

часовых (часовой, разводящий, часовой на наблюдательной вышке, часовой-оператор) и контролеров надзора (в жилой зоне и на производственном объекте);

караулов по охране специальных грузов и конвоированию осужденных.

На основе профессиограмм разработана базовая психограмма (перечень 19 профессионально важных качеств) указанных категорий военнослужащих, содержащая нейропсихологические, психофизиологические, когнитивные, социально-личностные характеристики. Профессионально важные качества отобраны методом экспертных оценок и ранжирования степени значимости профессиональных характеристик для охранной деятельности, полученных при участии 45 военнослужащих, представляющих начальствующий и рядовой состав, в том числе заместитель начальника штаба, офицер управления, командир роты, заместители командира роты, командиры взводов, дежурные контрольно-пропускных пунктов, часовые и контролеры надзора.

Базовая психограмма содержит следующие профессионально важные качества:

- тщательное, аккуратное, педантичное выполнение порученной работы;
- эмоциональная устойчивость;
- устойчивость к монотонной деятельности;
- способность к быстрому реагированию в экстремальной ситуации;
- способность к длительному сохранению высокой работоспособности;
- стрессоустойчивость;
- устойчивость мотивации деятельности в условиях помех;
- способность длительное время сохранять устойчивое внимание;
- способность вести наблюдение за многими параметрами объекта или за несколькими объектами одновременно;
- оперативная слуховая память при одновременном восприятии нескольких источников информации;
- способность удерживать в оперативной памяти большое количество информации;
- оперативная зрительная память на лица;
- эффективность логических операций в условиях дефицита времени;
- осторожность, низкая рискованность;
- способность адекватно воспринимать эмоциональное состояние человека;
- лидерство;
- коммуникативная гибкость;

способность действовать в условиях повышенной опасности для жизни, смелость;

устойчивость к негативному влиянию, низкая внушаемость.

Каждое качество оценивается по пятибалльной шкале: 1 балл – низкий уровень; 2 балла – уровень ниже среднего; 3 балла – средний уровень; 4 балла – уровень выше среднего; 5 баллов – высокий уровень. Подсчитывается сумма баллов по всем качествам. По суммарному баллу и количеству оценок «низкий уровень» также по пятибалльной системе оценивается общий (интегративный) уровень развития профессионально важных качеств. Рекомендации по допуску к работе зависят от уровня развития профессионально важных качеств: рекомендуется в первую очередь (уровень развития профессионально важных качеств высокий или выше среднего), рекомендуется во вторую очередь (средний уровень развития профессионально важных качеств), рекомендуется с ограничениями (уровень развития профессионально важных качеств ниже среднего), не рекомендуется (низкий уровень развития профессионально важных качеств).

Профессионально важные качества оценивались по результатам комплексной психологической диагностики с использованием 15 тестов: тест индивидуального профиля функциональной асимметрии мозга, тест выносливости нервной системы и уравновешенности нервных процессов, тест функциональной подвижности, цветовой тест Люшера, тест умственной работоспособности, тест координационных способностей, тест объема и переключаемости внимания, тест оперативной зрительной памяти на числа, тест оперативной памяти на лица, тест словесного мышления, тест руки (компьютеризованная версия теста Вагнера с соавторами), тест ВИНЖ «Выбор изображения несуществующего животного» (компьютеризованная версия теста «Рисунок несуществующего животного» М.З. Дукаревич), тест на эмпатию, тест стратегии поведения в неопределенных условиях (тест «Рулетка»), тест конструктивности мотивации О.П. Елисеева [4].

Исходным принципом при разработке нормативных показателей для тестовых параметров является предположение о том, что измеряемое свойство распределено в генеральной совокупности в соответствии с нормальным законом. В нашем исследовании используется линейная стандартизация: определяются границы интервалов «сырых» оценок, соответствующие стандартным тестовым показателям. Эти границы вычисляются путем прибавления к среднему «сырых» оценок (или вычитания из него) долей стандартных отклонений, соответствующих тестовым

вой шкале. Итогом стандартизации являются тестовые нормы – таблица пересчета первичных показателей в стандартные тестовые шкалы.

Стандартной тестовой шкалой выступает пятибалльная ранговая шкала, согласно которой каждому тестовому значению может быть присвоен один из пяти уровней (низкий, ниже среднего, средний, выше среднего, высокий) сформированности данного показателя. В соответствии с законом нормального распределения используются следующие параметры оценивания выраженности тестовых показателей (указан процент от общей выборки): 0–5 % – низкий уровень; 6–25 % – уровень ниже среднего; 26–75 % – средний уровень; 76–95 % – уровень выше среднего; 96–100 % – высокий уровень.

Выборка стандартизации для оценки указанных выше профессионально важных качеств составила 160 военнослужащих, выполняющих задачу по охране объектов государственного значения. Данная выборка является репрезентативной относительно генеральной совокупности, для которой планируется применять данные нормативные показатели, так как она охватывает широкий диапазон тестируемых по факторам возраста, опыта работы и выполняемых должностных обязанностей. В состав выборки вошли военнослужащие мужского пола со сроком службы по контракту от 6 месяцев до 24 лет 6 воинских частей исправительных учреждений Республики Беларусь. Общее количество – 160 человек. Возраст тестируемых – от 20 до 45 лет. Подбор тестируемых осуществлялся таким образом, чтобы охватить все категории и уровни должностных обязанностей военнослужащих и различные возрастные группы.

В выборке представлены следующие категории военнослужащих сообразно выполняемым должностным обязанностям: руководящий состав (23 чел.); дежурные контрольно-пропускного пункта (9 чел.); часовые (44 чел.); контролеры надзора (35 чел.); часовые-операторы и техники инженерно-технических средств охраны (9 чел.); кинологи (8 чел.); караулы по охране специальных грузов (22 чел.) и конвоированию осужденных (10 чел.).

Разработанная и апробированная диагностическая технология особенно эффективна при кадровой работе в трудно формализуемых видах экстремальной деятельности. Она ориентирована в первую очередь на использование в системе внутренних войск Республики Беларусь:

для профессионального отбора – выявление природной предрасположенности к профессионально важным видам деятельности, социализированных способностей;

сопровождения учебно-тренировочной и служебной деятельности – мониторинг актуального психического и психофизиологического со-

стояния как входной контроль при заступлении на дежурство, прогноз требуемой работоспособности на заданное время;

сопровождения процедуры аттестации – разработка экспертных систем комплексной автоматической оценки профессиональной эффективности для наиболее ответственных служебных должностей и видов деятельности, разработка и формирование интеллектуальной базы кадровых данных.

1. Бовин, Б.Г. Профессиональный психологический отбор в уголовно-исполнительной системе России и его эффективность / Б.Г. Бовин, А.М. Раков // Приклад. юрид. психология. – 2009. – № 2. – С. 104–114.

2. Бовин, Б.Г. Прогнозирование профессиональной успешности сотрудников подразделений специального назначения Федеральной службы исполнения наказаний России / Б.Г. Бовин, А.В. Кокурин, Д.А. Красов // Вопр. психологии экстрем. ситуаций. – 2010. – № 3. – С. 18–47.

3. Красов, Д.А. Социально-психологические предпосылки эффективной деятельности спецподразделений по конвоированию ФСИН России / Д.А. Красов, А.И. Мокрецов // Приклад. юрид. психология. – 2007. – № 1. – С. 63–73.

4. Сагайдак, С.С. Акмеология интегральной индивидуальности / С.С. Сагайдак. – Минск : Изд. центр БГУ, 2010. – 302 с.

Поступила 29.11.2019

S.S. Sagajdak, Candidate of Psychological Sciences (Republican Center of Human Problems); V.G. Koroluk, Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor (The Belarusian Institute of System Analysis and Information Support of Scientific and Technical Sphere)

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE RECRUITMENT OF STAFF PROVIDING THE SECURITY OF THE MOST IMPORTANT STATE OBJECTS

The basic psychogram of the military personnel of correctional institutions of the Republic of Belarus is developed: senior personnel, duty officers at the checkpoint, sentries and controllers, guards for the protection of special cargo and convoys. The basic psychogram contains 19 professionally important qualities identified by 15 neuropsychological, psychophysiological, cognitive and social-personality tests. Each quality is evaluated on a five-point scale. Based on the total score and the number of assessments, the 'low level' also on a five-point system, the integrative level of development of professionally important qualities is evaluated. Recommendations for admission to work depend on the level of professionally important qualities and are expressed in one of 4 grades: recommended in the first turn, recommended in the second turn, recommended with restrictions, not recommended. The standardization of the assessment of professionally important qualities was carried out on a sample of 160 military personnel performing tasks on the protection of objects of national importance.

Keywords: military personnel, protection of state facilities, psychogram, professionally important qualities.

УДК 343.95:343.235.2

В.Н. Семёнов, кандидат психологических наук (Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь)

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ОПЫТ ЭКСПЕРТНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ БЕСПОМОЩНОГО СОСТОЯНИЯ В ИНЫХ КАТЕГОРИЯХ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Анализируется проблема дефиниций юридических категорий в уголовном законодательстве Республики Беларусь на примере общего и квалифицирующего признака – беспомощного состояния. Юридическая категория беспомощного состояния используется в качестве краткого эквивалента для описания структуры стоящих за ним психологических критериев. Выделены уголовно-правовые предпосылки для экспертной психологической оценки юридической категории беспомощного состояния у потерпевших в результате общественно опасного деяния, связанного с истязанием. Дано описание предмета экспертной психологической оценки в экспертизе, проводимой по уголовным делам об истязании. Представлены предварительные результаты нового прецедентного опыта проведения экспертного психологического исследования беспомощного состояния у несовершеннолетних потерпевших, подвергавшихся длительным и систематическим истязаниям в приемной семье. Описаны психологические экспертные критерии обоснования вывода о беспомощном состоянии у потерпевших, подвергавшихся истязаниям.

Ключевые слова: потерпевший, виновный, беспомощное состояние, юридические категории, юридический (психологический) критерий, экспертная психологическая оценка, истязание.

Уголовный кодекс Республики Беларусь на уровне сформулированных в нем правовых норм выступает одним из гарантов защиты прав и свобод граждан и их безопасности от преступных посягательств. Выполнение указанных гарантий базируется на ряде уголовно-правовых принципов. В своих наиболее общих чертах принципы уголовного законодательства направлены, с одной стороны, на защиту прав и интересов граждан от преступных посягательств, с другой – на обеспечение справедливости наказания виновных лиц. Важным аспектом реализации принципов уголовного закона Республики Беларусь является строгое толкование представленных в нем норм и недопустимость их использования по аналогии. Актуальность данных положений всецело выявляется при расследовании тяжких и особо тяжких общественно опасных деяний. При расследовании указанных категорий преступле-

ний выяснению подлежат различные обстоятельства их совершения. В числе таких обстоятельств находятся и условия, отягчающие степень виновной ответственности обвиняемых. В контексте обсуждаемой темы речь пойдет об одном из таких обстоятельств – о беспомощном состоянии. Категория беспомощного состояния в УК Республики Беларусь используется в статьях в качестве квалифицирующего признака некоторых видов общественно опасных деяний. При других преступлениях является лишь одним из общих признаков, отягчающим вину обстоятельством. Однако в уголовном законе Республики Беларусь отсутствуют дефиниция беспомощного состояния как на уровне общего, так и квалифицирующего признака. Разъяснения относительно конкретного содержания категории беспомощного состояния появляются лишь в постановлениях Пленумов Верховного Суда Республики Беларусь в связи с обсуждением практики рассмотрения различных категорий уголовных дел, направленных на устранение имеющихся недостатков и обеспечение правильного и единообразного применения уголовного закона. В этих разъяснениях дается определение структуры юридических (психологических) критериев беспомощного состояния применительно к квалификации конкретных статей УК Республики Беларусь.

В настоящее время в правовом поле уголовного закона Республики Беларусь наблюдается явный дефицит дефиниций не только рассматриваемой, но и иных юридических категорий, который становится заметным при необходимости их практического использования, например в сфере судебной экспертизы. Переход от юридических понятий к экспертным и наоборот возможен лишь при условии однозначного понимания содержания юридических терминов.

Одной из особенностей экспертной деятельности судебных психиатров и психологов является опосредованная оценка юридических категорий через исследование качественного состояния входящих в их структуру юридических (психологических) критериев. Установление (квалификация) юридических категорий находится вне компетенции судебных экспертов. В некоторых случаях при назначении судебных экспертиз перед экспертами ставятся вопросы юридического характера. Например, задаются вопросы, связанные с определением у потерпевшего лица беспомощного состояния в период совершения в отношении его противоправных действий. Еще одной распространенной ошибкой в практике назначения судебных экспертиз является перенос по принципу аналогии, недопустимому в уголовном законодательстве, критериев беспомощного состояния как квалифицирующего признака одних уголовных статей на другие статьи, для которых используется общий

или квалифицирующий признак – беспомощное состояние. С учетом вышеизложенного лишь экспертное исследование юридических (психологических) критериев юридических категорий позволяет экспертам оставаться в рамках своих специальных знаний.

На уровне экспертных знаний юридические (психологические) критерии операционализируются посредством их соотнесения с определенными уголовно-релевантными психическими процессами, свойствами и состояниями, которые в психологическом аспекте оцениваются экспертами-психологами, а в психопатологическом – экспертами-психиатрами. В настоящее время существует ряд юридических категорий, для которых в судебной психологии выработаны не только экспертные понятия, но и критерии их диагностики при проведении судебных экспертиз. Экспертные понятия в судебной психологии рассматриваются как обобщенные и адаптированные к юридическим категориям общепсихологические понятия, описывающие релевантные психические процессы, свойства и состояния, имеющие значение для уголовного дела (Медицинская и судебная психология. Курс лекций : учеб. пособие / Ф.С. Сафуанов [и др.] ; под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Генезис, 2016. – 656 с.). Эти понятия составляют предмет экспертной психологической оценки и позволяют органу уголовного преследования однозначно понимать результаты экспертизы, соотнося их с определенными нормами уголовного закона.

В настоящей статье предметом обсуждения является первый опыт экспертного психологического исследования категории беспомощного состояния у несовершеннолетних, потерпевших в результате противоправных действий, предусмотренных ст. 154 «Истязание» УК Республики Беларусь. Одним из квалифицирующих признаков ч. 2 указанной статьи является беспомощное состояние. Однако, как уже отмечалось выше, в уголовном законе Республики Беларусь отсутствует дефиниция категории беспомощного состояния применительно к рассматриваемой статье. Ясность в этот вопрос вносит постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2006 г. № 1 «О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения». В ходе разъяснения порядка квалификации содеянного судами по ст. 147 УК Республики Беларусь в данном постановлении дается определение категории беспомощного состояния, в соответствии с которым оно представляет собой состояние, обусловленное физическим либо психическим состоянием потерпевшего, вследствие которого он оказывается не способен «правильно воспринимать происходящее» и (или) «оказывать активное сопротивление». Из определения беспомощ-

ного состояния следует, что объектом экспертной оценки для судебных психиатров и психологов является психическое состояние потерпевшего. Исследование физического состояния выходит за пределы их специальных знаний. На уровне предмета исследования экспертной оценке подлежат юридические (психологические) критерии беспомощного состояния: способность правильно воспринимать происходящее (интеллектуальный критерий) и оказывать активное сопротивление (волевой критерий). В результате экспертной оценки интеллектуального и волевого критериев беспомощного состояния у потерпевшего возможны три варианта экспертных выводов: «не способен правильно воспринимать происходящее и оказывать активное сопротивление»; «способен правильно воспринимать происходящее, но не способен оказывать активное сопротивление» и «способен правильно воспринимать происходящее и оказывать активное сопротивление». Однако после выявления у потерпевшего признаков беспомощного состояния экспертными методами для его окончательной юридической квалификации подлежит установлению факт, знал ли виновный о беспомощном состоянии потерпевшего. В случае отсутствия у него знания о беспомощном состоянии этот признак не может быть квалифицирован. Выяснение осведомленности виновного о беспомощном состоянии потерпевшего является прерогативой суда. Представленная дефиниция беспомощного состояния применительно к ст. 147 УК Республики Беларусь может использоваться и для квалификации содеянного по ст. 154 УК Республики Беларусь, поскольку диспозиции обеих статей предполагают контактный способ совершения преступления и истязание потерпевшего. Кроме того, в результате многократных и длительных истязаний создается риск причинения потерпевшему тяжких телесных повреждений.

Рассмотрим предварительные результаты опыта оценки беспомощного состояния у несовершеннолетних, потерпевших в результате преступления, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 154 УК Республики Беларусь, при проведении двух амбулаторных комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз. В целях соблюдения принципа конфиденциальности сведения о личности потерпевших, а также иная информация, связанная с расследованием уголовного дела, будет представлена в самом общем виде и объеме, достаточном для понимания логики экспертного исследования и выводов.

Назначение указанных экспертиз было обусловлено необходимостью определения беспомощного состояния у потерпевших, которые, находясь в приемной семье, на протяжении длительного (продолжительность следствием точно не установлена) периода подвергались

жестокому обращению (истязанию). Перед экспертами был поставлен вопрос о беспомощном состоянии как квалифицирующем признаке преступления против половой неприкосновенности или половой свободы. В связи с чем в данной формулировке он не подлежал решению в рамках назначенных по уголовному делу судебных экспертиз. На завершающем этапе проведения судебных экспертиз выводы экспертов были сформулированы в юридических (психологических) критериях беспомощного состояния, являющегося квалифицирующим признаком ст. 147 и 154 УК Республики Беларусь.

До возбуждения уголовного дела по ч. 2 ст. 154 УК Республики Беларусь в рамках материалов проверки были установлены различные факты, свидетельствовавшие, что в отношении потерпевших в приемной семье применялись различные формы истязания, которые условно можно было разделить на три группы: причиняющие физические страдания (болевые ощущения), причиняющие психические страдания (комплекс негативных, главным образом эмоциональных переживаний) и причиняющие смешанные (физические и психические) страдания. Истязания, применявшиеся к потерпевшим, варьировали от проявлений вербальной до физической форм агрессии. Выполнение потерпевшими несвойственных им домашних дел (приготовление еды для остальных членов семьи, стирка и починка собственных вещей и вещей, принадлежавших другим членам семьи, в ночное время) также было включено в систему истязаний и сопровождалось физическими наказаниями. Одним из изощренных способов истязания старшей по возрасту потерпевшей являлось то, что она принуждалась к поеданию животных экскрементов.

При проведении судебной медицинской экспертизы у потерпевших были выявлены множественные колотые раны, ссадины и кровоподтеки различных участков тела, относящиеся к телесным повреждениям «не повлекшим за собой кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности».

Проводившаяся в рамках материалов проверки амбулаторная комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза не выявила у них психических расстройств, эмоциональных состояний, индивидуально-психологических особенностей и особенностей психического развития, которые могли бы ограничить способность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для материалов проверки, и давать о них пояснения. У исследуемых также не было выявлено повышенной внушаемости и склонности к фантазированию. В результате было начато уголовное расследование по факту совершения истязаний в отношении несовершеннолетнего лица, признанного потерпевшим по уголовному делу.

В процессе уголовного следствия возникла необходимость в экспертной оценке беспомощного состояния потерпевших. При решении данной экспертной задачи эксперты-психологи впервые столкнулись с необходимостью прецедентной оценки юридических (психологических) критериев беспомощного состояния в иной категории насильственного преступления. Фактически им предстояло оценить два параметра беспомощного состояния: способность правильно воспринимать происходящее и способность оказывать активное сопротивление.

Для оценки первого параметра был использован экспертный критерий, условно обозначенный как «понимание направленности противоправных действий». Суть указанного критерия заключается в том, что потерпевший в период совершения в отношении его преступления способен понимать его противоправный характер (в данном случае способен рассматривать их как издевательство, как неправомерные и недопустимые действия и т. п.). При этом для констатации такого понимания от потерпевшего не требуется точная юридическая номинация преступления. В иных случаях можно говорить об «отсутствии у потерпевшего способности правильно воспринимать происходящее». Следствием этого будет также и вторая часть вывода о «неспособности оказывать активное сопротивление».

Экспертная оценка второго параметра беспомощного состояния при констатации интактности «способности правильно воспринимать происходящее» осуществляется на основе изучения характеристик поведения потерпевшего, связанных с осуществлением активных, целенаправленных и адекватных ситуации преступления действий, направленных на ее прекращение либо предотвращение. В зависимости от способности потерпевшего, исходя из своего психического состояния, осуществлять такие действия, может быть сформулирован вывод о его способности либо неспособности «оказывать активное сопротивление». Таким образом, в рамках проводимой экспертизы для оценки беспомощного состояния у несовершеннолетних потерпевших были использованы описанные выше экспертные психологические критерии.

В ходе психологического исследования в отношении одной из несовершеннолетних потерпевших (старшей по возрасту) было выявлено, что она была помещена на воспитание в приемную семью в младшем школьном возрасте. На момент проведения экспертизы она проживала в приемной семье около пяти лет. Результаты проведенного экспериментально-психологического исследования позволили выявить у исследуемой состояние эмоционального дистресса, переживание чувства тревоги и страха агрессии. Ее познавательная сфера характеризовалась высоким уровнем развития психометрического интеллекта. В личностной сфере отмечалась интровертированность.

При оценке беспомощного состояния у несовершеннолетней потерпевшей старшего возраста было установлено, что ее способность правильно воспринимать происходящее сформировалась лишь на завершающем этапе преступления и пришла на смену искаженному и недостаточно критичному восприятию противоправных действий на начальном его этапе как чрезмерных приемов воспитания. Вследствие этого в экспертном психологическом выводе, относящемся к периоду, предшествующему формированию указанной способности, указывалось, что несовершеннолетняя потерпевшая «была не способна правильно воспринимать происходящее (совершенные в отношении ее действия) и не могла оказывать сопротивление». Вторая часть экспертного вывода, связанная с констатацией появления у несовершеннолетней потерпевшей на завершающем этапе развития ситуации преступления «способности правильно воспринимать происходящее», касалась оценки ее способности оказывать активное сопротивление. В результате экспертного психологического исследования было выявлено, что несовершеннолетняя потерпевшая с учетом эмоционального состояния (преобладание в нем чувства страха), нахождения в ситуации зависимых отношений (доминирующая позиция взрослого и подчиненная позиция ребенка) и отсутствия специфического опыта разрешения подобных ситуаций в период совершения в отношении ее противоправных действий «не могла оказывать активное сопротивление».

При психологическом исследовании в отношении второй несовершеннолетней потерпевшей (младшей по возрасту) было выявлено, что она также была помещена на воспитание в приемную семью в младшем школьном возрасте. На момент проведения экспертизы она проживала в приемной семье около трех лет. Результаты проведенного экспериментально-психологического исследования позволили выявить у исследуемой состояние эмоционального дистресса и переживание страха агрессии. Ее познавательная сфера характеризовалась средним уровнем развития психометрического интеллекта. В личностной сфере отмечалась интровертированность, тревожность и ранимость.

В процессе психологической экспертной оценки параметров беспомощного состояния у данной несовершеннолетней потерпевшей было установлено, что в период совершения в отношении ее преступления она «была не способна правильно воспринимать происходящее (совершенные в отношении ее действия) и не могла оказывать сопротивление». Отсутствие способности оказывать активное сопротивление у несовершеннолетней потерпевшей в данной экспертизе являлось следствием того, что она в силу естественной возрастной незрелости, огра-

ниченности жизненного опыта, трудностей анализа всей совокупности данных субъективно сложной ситуации, с учетом уровня ее психического развития, индивидуально-психологических особенностей «не могла правильно воспринимать происходящее».

Таким образом, тезисно и обобщенно представленные предварительные результаты теоретического анализа проблемы оценки беспомощного состояния и прецедентного опыта его экспертной психологической оценки у несовершеннолетних потерпевших от иных категорий насильственных преступлений позволяют прийти к следующим выводам.

1. Предметом экспертной психологической в рассматриваемом виде судебной экспертизы являются интеллектуальный (способность правильно воспринимать происходящее) и волевой (способность оказывать активное сопротивление) юридические (психологические) критерии формулы беспомощного состояния, являющейся квалифицирующим признаком ст. 147 и 154 УК Республики Беларусь.

2. Интеллектуальный и волевой критерии беспомощного состояния подлежат самостоятельной психологической экспертной оценке. Констатация нарушения интеллектуального критерия влечет за собой вывод об отсутствии способности оказывать активное сопротивление. В случае интактности интеллектуального критерия требуется дальнейшее экспертное психологическое исследование волевого критерия для определения его сохранности либо нарушения.

3. Экспертным психологическим критерием оценки способности правильно воспринимать происходящее у потерпевшего является понимание им направленности противоправных действий.

4. Экспертным психологическим критерием оценки способности оказывать активное сопротивление у потерпевшего является его способность к осуществлению активных, целенаправленных и адекватных ситуации преступления действий, направленных на ее прекращение либо предотвращение.

Дальнейшие исследования практики экспертной психологической экспертной оценки беспомощного состояния при иных категориях насильственных преступлений позволит разработать методическое обеспечение для рассматриваемого вида судебных экспертиз.

Поступила 31.05.2020

V.N. Semenov, Candidate of Psychology (State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus)

PRECEDENT EXPERIENCE OF AN EXPERT PSYCHOLOGICAL EVALUATION OF HELPLESS CONDITION IN OTHER CATEGORIES OF VIOLENT CRIMES

The article analyzes the problem of definitions of legal categories in the criminal legislation of the Republic of Belarus on the example of a private and general qualifying sign – helpless state. Criminal legal prerequisites for a forensic psychological assessment of the legal category of a helpless state among the victims as a result of a socially dangerous act related to torture are highlighted. The subject of forensic psychological assessment in the examination conducted in criminal cases of torture is described. The preliminary results of a new case-law experience of conducting a forensic psychological assessment of a helpless state in juvenile victims who were subjected to prolonged and systematic torture in a foster family are presented. Psychological forensic criteria are described for substantiating the conclusion about a helpless state among victims who were tortured.

Keywords: victim, guilty, helpless state, legal categories, legal (psychological) criterion, forensic psychological assessment, torture.

УДК 159.9

А.Ю. Софронова (Санкт-Петербургский университет МВД России)

ОПЫТ ПРОШЛОГО КАК ЦЕННОСТЬ: ПРОТИВОРЕЧИЕ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА И НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ

Постулируются основные положения темпоральной концепции развития профессионального самосознания сотрудника полиции, ведущей идеей которой выступает раскрытие трансформационных процессов внутреннего опыта в контексте прошлого, настоящего и будущего. Делается акцент на обращении субъекта профессиональной деятельности к прошлому.

Ключевые слова: внутренний опыт, прошлое, трансформация опыта, само-реализация.

Сегодня значение времени в профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел уже никем не ставится под сомнение. Напротив, большое количество научных работ посвящено проблемам увеличения темпа и скорости приобретения им профессионально важных качеств (А.К. Болотова, А.А. Волков, Т.А. Нестик, Ю.Ю. Неяскина, В.А. Толочев и др.), возрастным изменениям субъекта деятельности, связанным с развитием и формированием личностных образований (Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, П.Р. Чамата, И.И. Чеснокова и др.), трансформации личностных образований во временном континууме (К.А. Абульханова-Славская, Т.Н. Березина, М.Ш. Магомед-Эминов, В.С. Мухина, Ю.А. Шаранов и др.).

Обращение исследователей к ресурсам временного континуума объясняется попыткой уйти от привычного «линейного» представления процессов развития личности в профессиональной деятельности. Классическое измерение данных процессов не дает полной, целостной картины психических явлений, позиционируя процессы развития качеств личности вне времени, т. е. оторванными от психической истории человека. В этом смысле тема данного исследования отражает общую тенденцию в современных психологических исследованиях, сущность которой заключается в переходе от традиционного детерминизма к неотрадиционализму, к разработке новых, динамических теоретико-методологических подходов.

В неотрадиционализме профессиональное самосознание представляется как самоорганизующаяся система, позволяющая рассматривать личность профессионала через временную структуру жизнедеятельности. В.Е. Ключко предлагает рассматривать личность сотрудника органов внутренних дел как открытую систему, стремящуюся к самореализации и самоактуализации и неразрывно связанную со спецификой пространства профессиональной среды [1]. Тем самым непрерывное развитие жизненного потенциала личности профессионала обуславливается смыслами и ценностями, возникающими во времени и пространстве профессиональной среды, в которой субъект занимается конструктивным самосозиданием. Другими словами, постмодернистское видение становления сотрудника правоохранительных органов как субъекта профессиональной деятельности раскрывает явление в непрерывной, динамической трансформации опыта личности, где каждый процесс выступает в единстве неопределенности и многообразия. Именно в контексте постмодернистской трактовки теории темпоральности по-новому осмысливается проблема становления профессионального поведения сотрудника органов внутренних дел, обусловленного особенностью темпоритмических характеристик внутреннего пространства личности, темпоральной структурой процесса развития профессионального сознания и самосознания, динамикой темпоральных смыслов и «проживанием» внутреннего опыта и личностного.

За основу мы берем субъектно-динамический подход (К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, А.В. Брушлинский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Ю.А. Шаранов), в котором акцентируется внимание на механизмах субъектификации, трансформации внутреннего опыта личности в контексте ее профессионального поведения и жизненного пути.

Реализация субъектом внутреннего потенциала через самоосуществление рассматривалась еще Ш. Бюлер. Она высказала предположение

о том, что ценности и цели, к которым стремится человек осознанно или неосознанно, получают адекватную реализацию в профессиональной среде, что приводит к интеграции личности [цит. по: 2, S. 153–154]. Однако С.Л. Рубинштейн [3, с. 641] придерживался несколько иной трактовки жизненного пути, объясняя его в первую очередь как способность личности быть автором своей психоистории. Это значит, что личность не просто переживает определенный цикл событий в своей жизни, а изменяет ее векторы, трансформируя при этом свои внутренние ориентиры. Это кардинальным образом отличает позицию С.Л. Рубинштейна от позиции Ш. Бюлер.

Говоря о внутренней трансформации, мы в первую очередь подразумеваем изменение структуры внутреннего опыта в темпоральной плоскости прошлого, настоящего и будущего. Но как данная трансформация протекает? Что при этом происходит с личностным развитием, со стремлением субъекта реализовывать внутренний потенциал в профессиональной среде? Для ответа на поставленные вопросы следует прежде всего разобраться со смысловой стороной процесса трансформации прошлого опыта, построения созидательного настоящего и проектирования перспектив будущего.

М.Ш. Магомед-Эминов отмечает важную особенность опыта прошлого, которая ложится в основу процесса трансформации внутреннего опыта: «прошлое не накапливается в личности в виде неподвижных слоев, пластов или психологических осадков событий, не покоится, а живет; оно еще не стало окончательно, не завершилось, его можно изменить» [4, с. 325]. Динамичность структуры опыта позволяет личности трансформировать свою внутреннюю структуру, подстраиваясь под актуальные жизненные ориентиры. Активное начало субъекта позволяет воспроизводить новый личностный опыт для реализации его в профессии.

Главный акцент в данном случае делается не на том, как человек относится к своему опыту, а на том, как он им распоряжается, какова динамика структуры опыта. Ф. Перлз в своей теории парадоксальных изменений выдвинул гипотезу о наличии динамических изменений личности только лишь в момент, когда человек познает свое истинное Я и не пытается казаться тем, кем не является на самом деле [5]. Парадокс заключается именно в том, что изменения наступают не тогда, когда выдвигаются требования со стороны общества, не тогда, когда человека желают видеть тем, кем он не хочет или не может быть. В нашей ситуации повышенные требования и ожидания со стороны социума не отвечают внутренним интенциям самого сотрудника органов внутренних дел, создают условия движения в сторону образования некой иллюзорной,

неподлинной личности, с такими характеристиками, которые желает видеть референтный круг людей. В системе профессиональной подготовки для сотрудников органов внутренних дел наступает ситуация, когда образ «идеального полицейского» проецируется на всех сотрудников без учета их реальной готовности к необходимым изменениям и тем самым формируется «неподлинная» идентичность. Изменения конструктивного характера наступают лишь тогда, когда индивидуально значимые качества личности совпадают со значимыми требованиями выбранной профессии и ожиданиями общественности на определенном культурно-историческом этапе развития социума. При этом профиль времени и пространства личности, профиль экзистенциальных задач, которые личность решает на определенном жизненном этапе, временном отрезке профессиональной карьеры, должны быть тождественны или, в идеале, совпадать друг с другом. Вместе с тем если темпоральные характеристики и цели сотрудника органов внутренних дел не будут вынесены за пределы локального «современного» в некое глобальное пространство будущего, то неизбежно отставание в его профессиональном и личностном развитии. Другими словами, темпоральная структура неизбежно продуцирует системное противоречие между своевременностью (это будущее, уже ставшее настоящим), с одной стороны, между скоростью и темпоритмом решения поставленных задач, устремленных в будущее, – с другой стороны, иначе «несвоевременное» – будущее, ставшее настоящим, – быстро трансформируется в прошлое [6]. Задействовав внутренние ресурсы, личность ежедневно решает поставленные задачи, попутно с этим активизируя опыт прошлого, как единственно устойчивое и понятное явление для самосознания человека. Однако в данном случае необходимо сделать оговорку для правильного понимания изложенного. Прошлое для человека является понятным только лишь по причине его «переживания» ранее, но нельзя понимать его как нечто завершенное или окончательно сформированное. Прошлое в контексте темпоральной трактовки наравне с настоящим и будущим – процесс динамичный, непрерывный в своем формировании. Таким образом, личность, обращаясь к прошлому, не заимствует заранее шаблонный и готовый к использованию опыт, а берет за основу в выстраивании абсолютно нового стиля поведения.

Таким образом, темпоральный характер изменения структуры опыта личности не совпадает полностью с содержанием Я-концепции и динамикой формирования профессионального самосознания субъекта. Так как структура прошлого опыта актуализируется в настоящем благодаря «забеганию» субъекта вперед, т. е. благодаря устремленности в будущее,

отсутствие идеализированного образа будущего ставит под сомнение ценность смыслов настоящего и прошлого. В данном случае ценностно-смысловой компонент будущего выступает институциональным фактором, определяющим внутреннюю согласованность, стабильность личностного функционирования и динамики изменения. Все это полностью согласуется с одной из тенденций исследования феномена темпоральности в психологии, которая определяет личностную организацию времени жизни в контексте ценностных отношений человека с миром.

Очевидно, что в ситуациях потери смыслов и идеалов может происходить остановка процесса превращения опыта прошлого в стимулы профессионального развития личности, устремленные в будущее. Подобного рода ситуации содержат риски «ценностно-смыслового поворота личности» в прошлое, в результате чего субъект подчиняет себя прошлому, несмотря на перспективность и ценность будущего. Время перестает течь от прошлого через настоящее в будущее и перестает восприниматься как ценность в связи с отсутствием интенции развития.

Опыт показывает, что остановка развития – это своеобразный кризис идеалов будущего, их истощение и обесценивание. Кризисными состояниями субъекта являются: потеря жизненных ориентиров; появление возрастных новообразований, способствующих изменению жизненных приоритетов; переживание хронического отставания от динамики профессиональной среды; наличие жизненных проблем в связи с утратой личностью временной перспективы достижения целей самореализации. Одним из негативных сценариев разрешения экзистенциального кризиса может быть суицидальное поведение.

Темпоральная структура изменения внутреннего опыта личности объективно продуцирует вопросы своевременности, точности и скорости достижения целей психологической и социальной зрелости различных групп сотрудников органов внутренних дел; актуализирует вопросы учета неравномерности и неравновесности развития подсистем психики субъектов деятельности; значительно усложняет определение момента оказания психолого-педагогической помощи и поддержки тем, кто в ней особенно нуждается.

Преодолеть кризисную ситуацию позволит процесс полного переосмысления жизненных ориентиров сотрудником органов внутренних дел, поиск новых ценностно-смысловых установок и трансформация прежних в контексте профессиональных требований и возможностей самореализации.

1. Ключко, В.Е. Человек: открытая система в закрытой среде / В.Е. Ключко, Ю.В. Ключко // Сиб. психол. журн. – 2015. – № 57. – С. 6–16.

2. Bühring, G. Charlotte Bühler: Der menschliche Lebenslauf als psychologisches Problem / G. Bühring // *Bedeutende Psychologinnen des 20. Jahrhunderts.* – Wiesbaden, 2011. – S. 153–164.

3. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии: учеб. пособие / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2007. – 713 с.

4. Магомед-Эминов, М.Ш. Трансформация личности / М.Ш. Магомед-Эминов. – М.: Психоаналит. ассоц. РФ, 1998. – 496 с.

5. Perls, F. Gestalt therapy: excitement and growth in human personality / F. Perls, R.F. Hefferline, P. Goodman. – N. Y.: Julian Press, 1951. – 204 p.

6. Шаранов, Ю.А. Темпоральная модель становления профессионального самосознания субъекта правоохранительной деятельности в образовательном дискурсе / Ю.А. Шаранов // *Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России.* – 2019. – № 1. – С. 126–129.

Поступила 07.11.2019

A.Y. Sofronova (Saint Petersburg University of MIA of Russia)

PAST EXPERIENCE AS A SIGNIFICANCE: THE CONTRADICTION OF TRADITIONALISM AND NEOTRADITIONALISM IN THE PROFESSIONAL BEHAVIOR OF A POLICE OFFICER

Analyzes the main provisions of the temporal concept of the development of professional identity of a police officer. The leading idea of this concept is the disclosure of the transformation processes of internal experience to the context of the past, present and future. At the same time, emphasis is placed on the reflection of the phenomenon of "stopping" and "turning" into the past of the subject of professional activity.

Keywords: internal experience, past, transformation of experience, self-realization.

УДК 351.74:65

*А.А. Урбанович, кандидат исторических наук,
доцент (Академия МВД Республики Беларусь)*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУКОВОДИТЕЛЯ ОРГАНА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ЕГО ИНДИВИДУАЛЬНАЯ УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Рассматриваются подходы различных исследователей к понятию «психологический потенциал», анализируются особенности психологического потенциала руководителя органа внутренних дел. Раскрываются содержательные компоненты данного понятия. Проводится соотношение родственных понятий «психологический потенциал», «индивидуальная управленческая концепция».

Ключевые слова: потенциал, психологический потенциал, индивидуальная управленческая концепция, профессионально важные качества.

Эффективность деятельности руководителя органа внутренних дел зависит от имеющегося у него психологического потенциала и определяется качеством сформированной во внутреннем плане индивидуальной управленческой концепции. Вызывает интерес соотношение понятий «психологический потенциал» и «индивидуальная психологическая концепция» и анализ различных подходов к ним.

Руководитель в правоохранительной сфере организует управление соответствующими процессами и явлениями, опираясь на один из важнейших видов ресурсов – человеческий. Это обстоятельство вынуждает его быть не только (и не столько) администратором, сколько психологом. Для деятельности руководителя характерны такие психолого-управленческие особенности, как высокая ответственность за принимаемые решения, прогностический характер, доминирование системы взаимоотношений «человек – человек» (а не системы «человек – документ») и др.

Указанные психолого-управленческие особенности определяются как спецификой управленческой деятельности в правоохранительных органах, так и имеющимся у руководителя психологическим потенциалом, ядром которого служит индивидуальная управленческая концепция. Руководитель должен обладать такими качествами, как контактность, коммуникабельность, поведенческая гибкость и готовность к компромиссам.

Прежде чем перейти к рассмотрению структуры и компонентов психологического потенциала руководителя органа внутренних дел, необходимо уточнить понятие «потенциал». Слово «потенциал» является производным от слова «потенция» (лат. *potentia* – сила, возможность), которое трактуется в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой как возможность, т. е. то, что существует в скрытом виде и может проявиться в соответствующих условиях. Иными словами, потенциал есть некая возможность, сила, включающая в себя источники и средства, которые могут быть использованы для решения какой-либо задачи, достижения определенной цели [1, с. 96]. Понятие потенциала личности широко используется в трудах различных исследователей (В.Н. Мясисев, Б.Д. Парыгин [2], В.И. Слободчиков, В.А. Спивак и др.). Потенциал личности описывается как неактуализированные возможности, потребности, ценностные ориентации, качества личности, склонности, скрытые ресурсы, творческие импульсы, внутренняя энергия, продуктивная сила и др. [2]. Много внимания в своих работах уделяют потенциалу личности такие исследователи, как А.Л. Журавлев, Е.А. Климов, М.А. Красников, В.А. Соснин и др., рассматривающие этот феномен как необходимое условие эффективной деятельности любого специалиста [4–6].

Согласно современным психологическим представлениям человеческая личность обладает огромным, практически неисчерпаемым потенциалом. В научной литературе встречаются различные подходы к ее классификации. Наиболее употребительным является подход, при котором личность характеризуется пятью потенциалами: познавательным, ценностным, творческим, коммуникативным и художественным [7, с. 91–92].

Познавательный (гносеологический) потенциал есть результат познавательной деятельности личности и включает в себя всю информацию, которой эта личность располагает. Ценностный (аксиологический) потенциал личности включает в себя систему ее ценностных ориентаций в различных сферах, приобретенную в процессе социализации. Творческий потенциал личности зависит от полученных ею и самостоятельно выработанных умений и навыков, способностей и меры их реализации в той или иной сфере труда. Коммуникативный потенциал определяется степенью коммуникабельности личности, общительности, характером и прочностью контактов, устанавливаемых человеком с другими людьми. Художественный потенциал отражает уровень, содержание, интенсивность художественных потребностей личности и то, как она их удовлетворяет.

Ряд исследователей уделяют внимание изучению психологического потенциала личности сотрудника органов внутренних дел, под которым понимается «уровень сформированности ее психических свойств и качеств, представляющих в совокупности резерв повышения эффективности деятельности, дальнейшего развития и творческого проявления; это психологические возможности сотрудника как субъекта труда и управления» [8].

Применительно к деятельности руководителя используются понятия «личностно-профессиональный потенциал руководителя» (В.В. Лаврик, А.В. Назаренко) [9], «личностный потенциал управления руководителя» (Л.Н. Захарова) [10], «лидерский потенциал руководителя» (О.В. Евтихов) [1] и др.

Так, по мнению А.В. Назаренко, В.В. Лаврика, личностный потенциал руководителя выступает как «фактор, системно определяющий эффективность деятельности организации» [9]. Данный феномен может рассматриваться как интегральная составляющая мотивов и способностей. Способности человека в предложенной трактовке являются уже реализованным потенциалом, а мотивация личности определяет дальнейшие перспективы его развития (нереализованная часть потенциала). Вот почему понятие личностного потенциала необходимо рассматривать не как разрозненные характеристики, а как системный комплекс

индивидуально-психологических особенностей личности, лежащих в основе эффективной деятельности.

В соответствии с подходом Л.Н. Захаровой «личностный потенциал управления – это совокупность таких мотивационных, индивидуально-психологических и социально-психологических характеристик, особенностей познавательных процессов и психофизиологических свойств человека, которые при определенных условиях позволяют ему проявлять себя в качестве субъекта управления в социальной (и в ее частном случае – организационной) системе» [10].

При характеристике личностного потенциала управления Л.Н. Захарова предлагает следовать следующей схеме:

- управленческая доминанта (функционирование или развитие);
- широта зоны управления (количество объектов, способных находиться в сфере влияния субъекта управления);
- преобладающий тип воздействия (управление или манипуляция);
- многообразие используемых средств (разнообразие технологий);
- ценностная ориентированность управления (эгоистические или групповые интересы, просоциальность или асоциальность направленности управления) [10].

Личностный потенциал управления формируется и проявляется посредством приобретения и развития определенных навыков и умений, без которых руководитель не может состояться. К числу важнейших отнесем умение планировать управленческую деятельность и создавать иерархию целей.

Представляет научный интерес подход О.В. Евтихова к анализу лидерского потенциала [1]. По его мнению, применительно к лидерству потенциал (лидерский потенциал) в обобщенном виде следует рассматривать как возможность и готовность индивида к эффективному лидерскому поведению. Также, по Е.В. Евтихову, «в процессе лидерства участвуют как минимум две стороны: „лидер“ и „последователи“, каждая из которых так или иначе воспринимает ситуацию лидерского взаимодействия и совершает определенные действия и поступки в определенных социально-психологических условиях... В определении лидерского потенциала руководителя как организационного лидера полезно отразить следующие содержательные „маркеры“: лидерские качества (компетенции) лидера (обеспечивают эффективность лидерства); особенности восприятия лидера последователями (обеспечивают принятие последователями руководителя в качестве лидера); условия осуществления лидерства (определяют возможности проявления лидерства)» [1, с. 96].

Исходя из описанных им сущностных характеристик лидерства, в структуре лидерского потенциала организационного лидера О.В. Евтихов выделяет следующие базовые компоненты:

лидер и последователи (лидерство как социально-когнитивный феномен может существовать тогда, когда есть не только лидер, но и готовые идти за ним последователи, т. е. люди, приверженные его целям и решаемым задачам);

когнитивные компоненты лидера и последователей (лидер и последователи так или иначе воспринимают себя и идентифицируют друг друга);

компетентностно-поведенческие компоненты лидера и последователей (лидер и последователи определенным образом взаимодействуют друг с другом);

ситуацию (условия) осуществления лидерского взаимодействия (взаимодействие лидера и последователей осуществляется в определенных условиях, которые могут способствовать или препятствовать проявлению организационного лидерства).

Важным условием формирования и реализации лидерского потенциала руководителя как организационного лидера О.В. Евтихов считает создание в организации соответствующих организационно-управленческих и социально-психологических условий, обеспечивающих возможность проявления руководителем организационного лидерства и запечатления его лидерского образа в восприятии сотрудников. Некоторые исследователи предлагают варианты диагностики лидерского статуса руководителя [12].

Несомненно, что условия и возможности для проявления организационного лидерства различаются у руководителей разных управленческих уровней, а также зависят от специфики решаемых организацией (подразделением) профессиональных задач. Так, Л. Джуэлл прямо указывает, что бывают ситуации, которые препятствуют появлению предпосылок социального лидерства в контексте конкретной организации. «В случае выполнения подразделением постоянных рутинных заданий руководителям нет необходимости брать на себя роль лидеров. Не отличающиеся гибкостью организации, которые ограничивают возможности руководителей влиять на распределение вознаграждений, также не создают предпосылок для лидерского поведения» [13, с. 627].

На наш взгляд, приведенные подходы акцентируют внимание на различных аспектах управленческой деятельности, показывают истоки индивидуализированного варианта управленческой деятельности и не выполняют своеобразной интегрирующей роли, в то время как системным вариантом данного понятия выступает категория «психологический потенциал руководителя». Наиболее плодотворны в этом отношении

были исследования А.М. Столяренко [14, с. 199–201], В.И. Черниловова [15, с. 344–345], А.Ф. Караваева, В.О. Зверева, В.Р. Гилля [8] и др.

Говоря о психологическом потенциале руководителя органа правопорядка, А.М. Столяренко подчеркивает, что данный потенциал структурно образуется из индивидуальной управленческой концепции, управленческой подготовленности, морально-психологических качеств, познавательных и интеллектуальных качеств, управленческих способностей, эмоционально-волевых качеств, коммуникативных качеств [14, с. 199].

А.М. Столяренко подробно раскрывает указанные компоненты психологического потенциала руководителя. Наибольший интерес вызывает видение им такого емкого понятия, как «индивидуальная управленческая концепция». По мнению А.М. Столяренко, данная концепция представляет собой субъективное, личностное видение системы основных управленческих проблем, способов воздействия на подчиненных, трудностей в организации деятельности сотрудников и личного труда. В сформированном виде она раскрывает личностный смысл деятельности руководителя, оказывает влияние на мотивацию управленческого труда, постановку конкретных служебных и жизненных целей.

Анализируя данный подход, следует выделить в индивидуальной управленческой концепции сплав внутреннего и внешнего аспектов управленческой деятельности руководителя с безусловным доминированием внутреннего. Вместе с тем остается невыясненной степень «вхождения» различных аспектов представленных компонентов психологического потенциала в понятие «индивидуальная управленческая концепция». На наш взгляд, эти элементы обуславливают формирование и укрепление данной концепции как цельного и системного феномена во внутреннем мире руководителя правоохранительного органа.

По мнению В.И. Черниловова, психологический потенциал руководителя правоохранительного органа представляет собой совокупность реально проявляемых и остающихся невостребованными психологических качеств руководителя, соотносящихся с системой требований, предъявляемых к нему как главному элементу системы управления правоохранительными органами [15, с. 344].

В концепции психологического потенциала в управлении правоохранительными органами В.И. Чернилововым предлагается выделение двух основных подструктур психологического потенциала руководителя: психотехнологической (инструментальной, производственной) и личностной [15, с. 345]. Психотехнологическая подструктура психологического потенциала руководителя правоохранительного органа есть не что иное, как проекция его целостной психики на плоскость требований, предъявляемых к нему в современных условиях. В личностной

подструктуре психологического потенциала руководителя представлено все то, что делает человека личностью, а не узкомыслящим функционером: масштаб понимания происходящего, масштаб мышления, кругозор, способность воспринимать научные данные, гражданское мужество, осознание ответственности за судьбы людей и др. [15, с. 345].

Проанализировав различные подходы, мы можем изложить свое видение психологического потенциала руководителя органа внутренних дел. Во-первых, данный феномен является составной частью профессионального потенциала руководителя и представляет собой систему индивидуально-психологических особенностей личности, являющихся для руководителя резервом повышения эффективности управленческой деятельности и реально проявляющих себя при появлении соответствующих условий. Психологический потенциал объединяет имеющиеся у субъекта управления возможности и резервы во всех проявлениях.

Во-вторых, данный потенциал не следует рассматривать как статичную систему раз и навсегда сформировавшихся свойств и качеств руководителя. Его реализация есть диалектически разворачивающийся процесс актуализации важнейших управленческих характеристик, заявляющих о себе в зависимости от их востребованности для конкретно складывающихся условий управленческой деятельности.

В-третьих, слагаемые психологического потенциала проявляются на всех направлениях управленческой деятельности руководителя органа внутренних дел и во многом определяют ее эффективность. Большинство из них не являются врожденными и требуют серьезных усилий для их формирования и развития, что осуществляется как в ходе обучения в различных учреждениях образования, так и по мере накопления жизненного и профессионального опыта. Однако ведущим фактором является наличие стойких мотивов к осуществлению эффективной управленческой деятельности, укреплению правопорядка.

Психологический потенциал руководителя органа внутренних дел практически реализуется в следующих направлениях его управленческой деятельности: процесс индивидуальной выработки стиля и методов руководства персоналом, организация систематического управленческого воздействия на все стороны жизни и деятельности, принятие и реализация управленческих решений и др.

Системообразующим элементом психологического потенциала руководителя, своеобразным ядром является его индивидуальная управленческая концепция как субъективное, личностное видение системы основных управленческих проблем и преимущественных способов их решения. Нами данная концепция понимается как система представлений руководителя органа внутренних дел, определяющих содержание

управленческих целей, путей и способов их достижения, оценочных критериев результативности. Эти представления выступают внутренними предпосылками индивидуально-своеобразного содержания управленческой деятельности и охватывают совокупность всех управленческих функций и действий. В целом индивидуальная управленческая концепция руководителя выступает как системное видение руководителем своих управленческих задач и способов, позволяющих эти задачи решить. Основные ее компоненты могут быть представлены как система взаимосвязанных и взаимозависимых феноменов. К основным из них следует отнести определенные мотивы, представления, ориентации, операционные средства, оценочные категории и др.

Основными источниками формирования индивидуальной управленческой концепции выступают: соответствующий уровень общего и специального образования, общей и управленческой культуры руководителя; индивидуальный жизненный и управленческий опыт руководителя, его критическое переосмысление; переосмысленный опыт других руководителей (воспринятый лично либо взятый из разнообразных источников); оперативная информация, получаемая в процессе реального включения руководителя в управленческие процессы, и др. Данная концепция относительно независима и предстает в не полностью завершенном виде еще до начала конкретных управленческих действий руководителя.

При определенном содержательном сходстве понятий «психологический потенциал руководителя» и «индивидуальная управленческая концепция руководителя» между ними имеются различия. Во-первых, понятие «психологический потенциал руководителя» семантически шире и представляет собой психологический ресурс (возможности и резервы) руководителя, понимаемый в самом широком смысле слова и обеспечивающий ему возможность эффективно осуществлять управленческую деятельность, в то время как понятие «индивидуальная управленческая концепция руководителя» конкретизирует его управленческие замыслы и определяет, как он будет осуществлять управленческую деятельность, на какие аспекты обратит свое первоочередное внимание, а что для него потребует максимального приложения сил и затраты времени и др.

Во-вторых, основу психологического потенциала руководителя органа внутренних дел составляют его профессионально важные качества, под которыми понимаются наиболее обобщенные личностные характеристики, обеспечивающие максимальную эффективность и успешность в сфере управленческой деятельности. К числу важнейших качеств следует отнести профессиональную компетентность, управленческую подготов-

ленность и управленческую готовность, высокие морально-нравственные качества и др. Эти и многие другие качества обеспечивают активизацию и эффективность управленческой деятельности при создании соответствующих условий. В какой-то мере индивидуальная управленческая концепция руководителя есть система «выстраданных» представлений руководителя о целях и содержании его управленческой деятельности.

В-третьих, процесс формирования индивидуальной управленческой концепции руководителя предполагает активное задействование в первую очередь мыслительных процессов. «Прежде чем решать задачу, – отмечает А.В. Карпов, – руководитель должен вначале ее сам сформулировать – „увидеть“, а затем вычлнить как проблему из деятельности... Это требует важного мыслительного качества – умения видеть проблему; различать в череде дел и „текучке“ задачи, требующие разрешения» [15, с. 278].

Таким образом, под психологическим потенциалом руководителя органа внутренних дел следует понимать составную часть его профессионального потенциала, представляющую собой систему индивидуально-психологических особенностей личности, являющихся для руководителя резервом повышения эффективности управленческой деятельности и реально проявляющих себя при появлении соответствующих условий. Важнейшей составной частью данного потенциала, его своеобразным ядром выступает индивидуальная управленческая концепция руководителя – системное индивидуализированное когнитивное образование, раскрывающее мотивационно-целевые, содержательные и операционные аспекты управленческой деятельности руководителя органа внутренних дел. При известном сходстве между двумя понятиями имеются различия: семантически понятие «психологический потенциал» «шире» и охватывает прежде всего профессионально важные качества руководителя.

1. Евтихов, О.В. Лидерский потенциал руководителя: специфика, содержание и возможности развития / О.В. Евтихов. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2011. – 288 с.

2. Парыгин, Б.Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории / Б.Д. Парыгин. – СПб. : ИГУП, 1999. – 592 с.

3. Немкович, Ю.А. Психологический потенциал современного менеджера / Ю.А. Немкович // Инженерно-педагогическое образование в XXI веке : материалы VI респ. науч.-практ. конф. молодых ученых и студентов БНТУ, 22–23 апр. 2010 г. : в 3 ч. / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. нац. техн. ун-т ; редкол.: С.А. Иващенко [и др.]. – Минск : БНТУ, 2011. – Ч. 2. – С. 110–112.

4. Журавлев, А.Л. О современном состоянии отечественной психологии управления в контексте ее истории (вместо предисловия) / А.Л. Журавлев // Со-

временные проблемы психологии управления : сб. науч. тр. / Рос. акад. наук, Ин-т психологии, Твер. гос. ун-т ; отв. ред.: Т.П. Емельянова, А.Л. Журавлев, Г.В. Телятников. – М. : Ин-т психологии РАН, 2002. – 416 с.

5. Журавлев, А.Л. Социальная психология : учеб. пособие / А.Л. Журавлев, В.А. Соснин, М.А. Красников. – М. : ФОРУМ : ИНФРА-М, 2006. – 414 с.

6. Психология труда, инженерная психология и эргономика : учебник / М.М. Абдулаева [и др.] ; под ред. Е.А. Климова, О.Г. Носковой, Г.Н. Солнцевой. – М. : Юрайт, 2015. – 618 с.

7. Столяренко, Л.Д. Основы психологии : учеб. пособие / Л.Д. Столяренко. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Ростов н/Д. : Феникс, 1996. – 736 с.

8. Караваев, А.Ф. Формирование психологического потенциала личности сотрудника / А.Ф. Караваев, В.О. Зверев, В.Р. Гилль // Психопедагогика в правоохран. органах. – 2008. – № 4. – С. 44–46.

9. Назаренко, А.В. Личностно-профессиональный потенциал руководителя / А.В. Назаренко, В.В. Лаврик // Вестн. Кур. гос. с.-х. акад. – 2014. – Вып. 1. – С. 23–26.

10. Захарова, Л.Н. Психология управления : учеб. пособие / Л.Н. Захарова. – М. : Логос, 2009. – 376 с.

11. Ромашов, О.В. Социология и психология управления : учеб. пособие / О.В. Ромашов, Л.О. Ромашова. – М. : Экзамен, 2002. – 512 с.

12. Марьин, М.И. Лидерский статус руководителя и методы его диагностики / М.И. Марьин, Л.Е. Киселева // Психопедагогика в правоохран. органах. – 2010. – № 3. – С. 3–6.

13. Джуэлл, Л. Индустриально-организационная психология : учебник / Л. Джуэлл. – СПб. : Питер, 2001. – 720 с.

14. Прикладная юридическая психология : учеб. пособие для вузов / И.И. Аминов [и др.] ; под ред. А.М. Столяренко. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 639 с.

15. Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А.М. Столяренко. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. – 607 с.

16. Карпов, А.В. Психология менеджмента : учеб. пособие / А.В. Карпов. – М. : Гардарики, 1999. – 584 с.

Поступила 25.03.2020

A.A. Urbanovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Academy of the MIA of the Republic of Belarus)

PSYCHOLOGICAL POTENTIAL OF THE HEAD OF THE INTERNAL AFFAIRS AND ITS INDIVIDUAL MANAGEMENT CONCEPT: RATIO OF CONCEPTS

Examines the approaches of various authors to the concept of 'psychological potential', analyzes the characteristics of the psychological potential of the head of the internal affairs body. The content components of the concept are revealed. The relationship of related concepts 'psychological potential' 'individual management concept' is considered.

Keywords: potential, psychological potential, individual management concept, professionally important qualities.

И.А. Фурманов, доктор психологических наук, профессор (Белорусский государственный университет)

АГРЕССИВНОСТЬ ОСУЖДЕННЫХ ЗА НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА И НЕНАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ПРЕДИКТОР НАСИЛЬСТВЕННЫХ АТТИТЮДОВ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН

Делается попытка определения предикторов насильственных аттитюдов в отношении женщин у осужденных за преступления сексуального характера использованием шкалы аттитюдов к насилию в период свидания Е.Л. Прайса и Е.С. Байерса и опросника агрессивности А. Басса и М. Перри. Установлены и описаны корреляционные связи между оценками агрессивности как личностной черты (физическая агрессивность, вербальная агрессивность, гнев и враждебность) и аттитюдами к психологическому, физическому и сексуальному насилию в отношении женщин.

Ключевые слова: физическая агрессивность, вербальная агрессивность, гнев и враждебность, аттитюды к психологическому, физическому и сексуальному насилию.

Насилие в отношении женщин принимает различные формы и остается одной из насущных проблем современных социальных отношений. Оно может включать в себя психологическую, физическую и сексуальную агрессию. Как показывают многочисленные исследования, психологическая и физическая агрессия наиболее часто встречается в супружеских отношениях, а сексуальная агрессия – в романтических отношениях, в период знакомства или свиданий.

Примат проявления сексуальной агрессии в романтических отношениях, в период знакомства или свиданий обуславливается тем, что диадные отношения такого рода предполагают взаимодействие партнеров и продолжают до тех пор, пока хотя бы один из них не предпримет попытку прервать или разорвать эти отношения. Они могут быть как краткосрочными, так и долговременными и, как правило, характеризуются добровольностью, т. е. возникают на основании личного выбора. Еще одной важной характеристикой является аттракция, привлекательность партнера, которая часто может становиться причиной страсти, вызывать сексуальное возбуждение и мотивировать к сексуальной близости.

Исходя из этого романтические отношения, межличностное взаимодействие в период знакомства или свиданий с полным основанием можно причислить к разновидностям сексуального поведения. Сексуальное поведение – это, по сути, сексуальная активность, представляющая собой совокупность переживаний, установок и действий, обеспечивающих проявление человеческой сексуальности и удовлетворение целого ряда сопряженных со спариванием потребностей. В контексте межличностных отношений сексуальное поведение может реализовываться либо по обоюдному согласию, либо по принуждению. Принудительное сексуальное поведение, как правило, возникает в ситуации, воспринимаемой как фрустрация. Невозможность достичь желаемого способна привести к негативным эмоциям и попытке или изменению ситуации в соответствии с поставленной целью, или пересмотреть соответствующие намерения. Например, если мужчина, который ожидает, что женщина удовлетворит его половые потребности, получает отказ, он может попытаться достичь цели силой и проявить сексуальную агрессию [1]. Согласно аффективно-динамической теории агрессии фрустрация актуальных потребностей может приводить к возникновению психологической, физической и сексуальной агрессии в отношении фрустратора (партнера-жертвы).

Совершение преступления сексуального характера фактически представляет собой модель поведения, начинающегося с психологической и (или) физической агрессии и заканчивающегося сексуальной агрессией (изнасилованием, совершением насильственных действий сексуального характера вопреки воле жертвы).

Считается, что изнасилование включает в себя как сексуальные, так и агрессивные мотивы, но в большинстве случаев исследователи основное внимание уделяют одному мотиву при минимизации других. В частности, мотивы власти, контроля и доминирования нередко противопоставляются сексуальному мотиву. Например, активно поддерживается мнение о том, что изнасилование – это использование сексуальности для удовлетворения мотива власти и выражения гнева [2]. Дж.Л. Дарк [3] утверждал, что все сексуальные посягательства совершаются для того, чтобы удовлетворить желание преступника обладать властью и усилить его чувства. В противовес этому Р.А. Прентки и Р.А. Найт [4] настаивали на том, что стремление к власти и сексуальные факторы не отделены один от другого и накладываются друг на друга. В принципе, сексуальные факторы присущи всем преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы, и это, возможно, стало причиной того, что исследователи больше сосредоточивали свое внимание на других факторах, таких как власть и доминирование, чтобы отличить один вид изнасилования от другого [5].

В ряде исследований было обнаружено, что положительное восприятие мужчинами мифов об изнасиловании, враждебность к женщинам, одобрение традиционных гендерных ролей и гипермаскулинности связано с совершением сексуального насилия против женщин.

Большинство мифов об изнасиловании и установок, поддерживающих его, входят в одну из трех категорий: обвинение жертвы, освобождение преступника от ответственности за нападение, оправдание нападения [6–8]. Поддерживающие изнасилование установки – это установки и убеждения, которые оправдывают изнасилование и ситуации, связанные с ним. Они включают в себя враждебное отношение к жертвам изнасилования, ложные убеждения, касающиеся изнасилования, и ошибочное представление о жертве и преступнике, совершившем изнасилование [9].

Несколько эмпирических исследований выявили, что мужчины, обладающие более традиционными мужскими личностными чертами, чаще одобряют поддерживающие изнасилование установки, нежели мужчины, у которых данные черты выражены менее. В частности, исследование Б.Д. Локке и Дж.Р. Мэхэлика [10] установило наличие статистически значимой положительной связи между приверженностью нормам маскулинности и одобрением (совершением) сексуально агрессивных действий. В более позднем лонгитюдном исследовании Х.М. Зинзоу и М. Томпсона [11] было получено подтверждение этих результатов.

Ряд исследований позволил обнаружить связь между высокой враждебностью к женщинам и совершением сексуального насилия [7, 12–16]. Негативные установки к женщинам могут быть связаны с сексуально агрессивным поведением несколькими способами, среди которых убеждение в том, что женщины должны принуждаться к сексу, что мужчины имеют право требовать секса от женщины и что если бы женщины были более защищенными, то они были бы менее уязвимы для изнасилования.

Гипермаскулинность характеризуется частой демонстрацией физического насилия, наличием опасных и грубых сексуальных установок в отношении женщин. Традиционное гипермаскулинное поведение и установки часто рассматриваются как этиологические факторы в проявлении сексуальной агрессии и одобрении изнасилования. Например, отмечается положительная связь между сексуальным насилием и гипермаскулинностью [17]. Исследованием Д.Ж. Пэрро и А. Зейхнера установлено, что повышенные уровни гипермаскулинности у некоторых мужчин приводят к склонности проявлять физическую агрессию и придерживаться более опасных сексуально агрессивных установок (убеждений) [18]. Н.М. Маламут даже вводит понятие враждебной маскулинности, которая определяется как потребность управлять женщинами и доминировать над ними, соединенная с враждебностью и недоверием

к женщинам [19]. Исследования показали, что те мужчины, которые отличаются высоким уровнем враждебной маскулинности, вероятнее всего, совершат сексуальное насилие [20]. Метаанализ исследований, проводимых с целью изучения корреляции между различными измерениями маскулинной идеологии и сексуальной агрессии, показал, что и гипермаскулинность, и враждебная маскулинность умеренно связаны с сексуальной агрессией [21].

В настоящее время большинство исследований сосредоточены на социодемографических и культуральных переменных и призваны объяснить поддерживающие изнасилование установки (т. е. связанные с гендером, возрастом, образованием, религией, идеологией или отношением к гендерным ролям). Совсем немного исследований касаются роли агрессивной личности в объяснении поддерживающих изнасилование установок. Однако даже в них изучение взаимосвязи агрессивных черт личности и поддерживающих изнасилование установок является вторичной целью [9].

Несмотря на выявленную корреляцию между высоким уровнем враждебности к женщинам и совершением сексуального насилия, за рамками исследований осталось понимание психологической природы этой связи, а именно фасилитирующей роли агрессивности как личностной черты и насильственных установок в отношении женщин как предрасположенности к определенному социальному поведению в формировании враждебного отношения к женщинам в целом и готовности к совершению сексуального насилия в частности.

В этой связи нами проводилось исследование с целью определить различия в насильственных установках в отношении женщин между двумя когортами осужденных, а также степень детерминации агрессивности установок к совершению психологического, физического и сексуального насилия в отношении женщин. Было выдвинуто два предположения. Согласно первому из них преступники, совершившие сексуальное преступление, будут отличаться большей склонностью к сексуальному насилию в отношении женщин, а в соответствии со вторым, отталкивающимся от поведенческой структуры изнасилования, предикторами готовности к насилию станут физическая агрессивность и враждебность преступника.

Исследование проводилось среди осужденных мужчин ряда исправительных учреждений Республики Беларусь, которые были разделены на две когорты: лица, совершившие насильственные преступления сексуального характера ($n = 30$), и лица, совершившие ненасильственные преступления ($N = 60$).

В исследовании были использованы: шкала аттитудов к насилию в период свидания, разработанная Е.Л. Прайсом и Е.С. Байерсом, которая включает в себя три подшкалы для измерения аттитудов к психологическому (ПН), физическому (ФН), а также сексуальному насилию (СН) в отношении женщин;

опросник агрессивности А. Басса и М. Перри [12], четыре подшкалы которого оценивали физическую (ФА), вербальную агрессивность (ВА), гнев (Г), враждебность (ВР).

Для получения статистических данных рассчитывались среднее и стандартное отклонения, сравнение выборок осуществлялось с помощью расчета *t*-критерия Стьюдента, корреляционного анализа Пирсона, а также множественного регрессионного анализа с использованием пошагового метода (критерий Фишера (*F*), *t*-критерий Стьюдента, уровень их статистической значимости (*P*), коэффициент множественной корреляции (КМК) и коэффициент множественной детерминации (КМД)).

Сравнительный анализ показал, что осужденные за насильственные преступления сексуального характера и осужденные за ненасильственные преступления не различаются по своей готовности к проявлению психологического и физического насилия в отношении женщин (табл. 1). Вместе с тем было выявлено, что осужденные за ненасильственные преступления имеют более сильные установки к сексуальному насилию, чем осужденные за насильственные преступления сексуального характера.

Таблица 1

Насильственные аттитуды осужденных в отношении женщин

Типы аттитудов	Осужденные				Уровень статистической значимости для двух когорт осужденных
	за насильственные преступления сексуального характера		за ненасильственные преступления		
	Среднее отклонение	Стандартное отклонение	Среднее отклонение	Стандартное отклонение	
Психологическое насилие	2,60	0,50	2,59	0,36	0,889
Физическое насилие	2,16	0,77	2,24	0,58	0,548
Сексуальное насилие	2,05	0,62	2,36	0,49	0,003

С одной стороны, полученные данные согласуются с результатами ранее проведенных исследований, согласно которым осужденные за сексуальное насилие в отношении женщин имеют ту же консервативность в отношении норм женского поведения, те же враждебные установки к женщинам и склонность к физическому и психологическому насилию, что и осужденные за преступления несексуального характера [22–25]. Многие исследователи феминистской направленности вообще утверждают, что нет существенной разницы между насильниками и нормальными мужчинами.

С другой стороны, данные о различиях в выраженности сексуальных насильственных аттитудов обследованных групп осужденных кажутся парадоксальными. Возможным объяснением этого факта является то, что осужденные за преступления сексуального характера действительно могли стать на путь исправления, осознать тяжесть совершенного ими проступка и пересмотреть свое отношение к женщинам. Также это может быть результатом эффекта социальной желательности. Хотя опрос проводился анонимно, опасение того, что правдивость ответов может стать препятствием, например, для смягчения приговора или досрочного освобождения, могло серьезно повлиять на искренность лиц, совершивших сексуальные преступления, и мотивировать их к тому, чтобы представить максимально позитивный образ себя и своих аттитудов в отношении сексуального насилия.

Вполне допустимо также то, что осужденные за сексуальные преступления испытывают раскаяние по отношению к своим жертвам, поэтому большая мягкость сексуальных насильственных аттитудов в отношении женщин может объясняться стремлением избавиться от чувства вины.

Кроме того, исследования показывают, что на снижение интенсивности тех или иных аттитудов может влиять использование психологических защит. Признать ответственность за действия, причиняющие вред женщине, трудно. В этой связи многие насильники отрицают свою причастность к совершенному преступлению [26], а также все аспекты выдвинутых против них обвинений, часто несмотря на неопровержимые доказательства обратного. Даже признавая свою причастность, такие преступники обычно заявляют, что действовали не так грубо и жестоко, как им приписывают. Они могут приуменьшать навязанность полового акта, свою ответственность за него, его принудительность и почти всегда пытаются списать случившееся на употребление алкоголя, семейные проблемы или стресс. Помимо использования механизмов отрицания, минимизации и рационализации насильники часто характеризуют личность жертвы с отрицательной стороны, что помогает им оправдывать

свое собственное поведение и ввалирует отказ от личной ответственности за совершенное преступление, признание которой часто воспринимается преступниками как признание своей слабости, уязвимости или личной вины [1].

Результаты корреляционного анализа позволили выявить различия в структурах взаимосвязей компонентов агрессивности и насильственных аттитюдов. Так, в структуре агрессивности осужденных за насильственные преступления сексуального характера ядерными являются когнитивный и эмоциональный компоненты (враждебность и гнев), а у осужденных за ненасильственные преступления – только эмоциональный (гнев) (табл. 2).

Таблица 2

Корреляция показателей агрессивности и насильственных аттитюдов у осужденных

Показатели		Осужденные за насильственные преступления сексуального характера						
		ФА	ВА	Г	ВР	ПН	ФН	СН
Осужденные за ненасильственные преступления	ФА	–	0,102	0,430	0,271	0,103	0,505	0,276
			0,437	0,001	0,036	0,433	0,000	0,033
	ВА	0,333	–	0,512	0,465	0,140	0,234	0,265
		0,009		0,000	0,000	0,287	0,072	0,041
	Г	0,719	0,482	–	0,305	0,109	0,399	0,452
		0,000	0,000		0,018	0,406	0,002	0,000
	ВР	0,246	0,176	0,496	–	0,473	0,466	0,443
		0,059	0,178	0,000		0,000	0,000	0,000
	ПН	0,016	–0,297	0,098	0,201	–	0,501	0,703
		0,901	0,021	0,458	0,123		0,000	0,000
	ФН	0,378	0,045	0,447	0,290	0,571	–	0,596
		0,003	0,734	0,000	0,025	0,000		0,000
СН	0,360	0,140	0,356	0,333	0,423	0,536	–	
	0,005	0,286	0,005	0,009	0,001	0,000		

Примечание. Первое число отражает корреляцию показателей, второе – уровень статистической значимости.

Полученные данные согласуются с результатами других исследований. В частности, было установлено, что мужчины с высоким уровнем

общей агрессивности отличаются более активным сексуально агрессивным поведением [27]. Кроме того, такие черты личности, как гнев и враждебность, положительно коррелировали с поддерживающими изнасилование установками, насилием в отношении интимного партнера, а враждебность и вербальная агрессия – с поддерживающими изнасилование установками и принятием мифов об изнасиловании [9, 28].

В структуре взаимосвязей насильственных аттитюдов существенных различий не наблюдается. Однако, с учетом силы и уровня значимости корреляций, обращает на себя внимание «связка» аттитюдов к психологическому и сексуальному насилию ($r = 0,703$) у осужденных за насильственные преступления сексуального характера и аттитюдов к психологическому и физическому насилию ($r = 0,571$) у осужденных за ненасильственные преступления.

Существенным является то, что взаимосвязь между аттитюдами к сексуальному насилию и аттитюдами к психологическому и физическому насилию сильнее выражена у осужденных за насильственные преступления сексуального характера, чем у осужденных за ненасильственные преступления. Полученные данные отчасти согласуются с результатами целого ряда других исследований. В частности, существует некоторое эмпирическое подтверждение статистической связи между сексуальной и несексуальной агрессией, прогнозирующей общий риск проявления любого типа агрессии [29]. Также были получены доказательства совместного проявления сексуальной и психологической агрессии: психологическое насилие со стороны интимного партнера значимо коррелировало с одновременной или последующей физической (но не сексуальной) и (или) сексуальной агрессией [30].

В исследованиях Л. Уилсона и его коллег был выявлен ряд интересных закономерностей. Так, индивиды, имеющие более высокие показатели общей склонности к совершению любого агрессивного акта, отличаются повышенным риском проявления сексуальной агрессии. Сексуальная агрессия согласно данным исследований была умеренно связана с несексуальной агрессией и не отличалась в выборках преступников, совершивших изнасилование и иные насильственные действия сексуального характера, но была более тесно связана с психологической агрессией, чем физическая [31].

В проведенных исследованиях более тесная корреляция между аттитюдами к сексуальному насилию и аттитюдами к психологическому насилию у осужденных за насильственные преступления сексуального характера может свидетельствовать о более частом совместном проявлении сексуальной и психологической агрессии по сравнению с сексуаль-

ной и физической агрессией. Вероятно, психологическая агрессия играет важную роль в развитии и поддержании общей агрессивной динамики отношений с женщинами и, таким образом, создает условия, способствующие сексуальной агрессии. Совместное проявление психологической и сексуальной агрессии может также объясняться большей социальной приемлемостью психологической агрессии по сравнению с физической. Лица, проявляющие психологическую агрессию, могут чувствовать большую уверенность в себе из-за социальных факторов, таких как сексизм и снижение риска причинения физических травм жертве и, следовательно, уголовного преследования за совершенные действия.

Анализ регрессионных моделей позволил определить личностные агрессивные предикторы насильственных аттитюдов в рассматриваемых когортах осужденных (табл. 3, 4).

Таблица 3

Предикторы насильственных аттитюдов в отношении женщин у осужденных за насильственные преступления сексуального характера

Модель	<i>B</i>	Статистическая ошибка	Beta	<i>t</i>	<i>p</i> -уровень
<i>Психологическое насилие (КМК = 0,473, КМД = 0,224, F = 16,742, p < 0,0001)</i>					
Враждебность	0,178	0,043	0,473	4,092	0,000
<i>Физическое насилие (КМК = 0,610, КМД = 0,372, F = 16,889, p < 0,0001)</i>					
Физическая агрессия	0,340	0,091	0,408	3,745	0,000
Враждебность	0,207	0,063	0,356	3,265	0,002
<i>Сексуальное насилие (КМК = 0,541, КМД = 0,293, F = 11,801, p < 0,0001)</i>					
Гнев	0,241	0,080	0,353	3,021	0,004
Враждебность	0,150	0,056	0,316	2,704	0,009

Таблица 4

Предикторы насильственных аттитюдов в отношении женщин у осужденных за ненасильственные преступления

Модель	<i>B</i>	Статистическая ошибка	Beta	<i>t</i>	<i>p</i> -уровень
<i>Психологическое насилие (КМК = 0,302, КМД = 0,091, F = 5,832, p = 0,019)</i>					
Вербальная агрессия	-0,125	0,052	-0,302	-2,415	0,019
<i>Физическое насилие (КМК = 0,447, КМД = 0,200, F = 14,496, p < 0,0001)</i>					
Гнев	0,311	0,082	0,447	3,807	0,000
<i>Сексуальное насилие (КМК = 0,440, КМД = 0,194, F = 6,839, p = 0,002)</i>					
Физическая агрессия	0,147	0,061	0,296	2,415	0,019
Враждебность	0,113	0,053	0,260	2,122	0,038

Следует обратить внимание, что враждебность является устойчивой личностной чертой, которая прогнозирует насильственные аттитюды в отношении женщин у осужденных за насильственные преступления сексуального характера независимо от их типологической принадлежности.

Некоторые исследователи-феминисты часто приписывают насильникам чрезмерный уровень враждебности к женщинам. Отдельные исследования подтвердили это убеждение, доказав, что насилие в случаях изнасилования, часто чрезмерно, его степень больше, чем требуется, чтобы принудить жертву к подчинению.

Кроме того, враждебность является общим прогностическим показателем аттитюдов к сексуальному насилию как у осужденных за насильственные преступления сексуального характера, так и у осужденных за ненасильственные преступления.

Высокая прогностичность гнева и враждебности в предсказании преступлений сексуального характера отчасти подтверждается результатами сходных исследований. Например, существует мнение, что сексуальное насилие, изнасилование часто являются выражением мужского гнева и враждебности против женщин или способом доминирования над женщинами и управления ими [32–33].

В результате проведенного эмпирического исследования можно сделать следующие выводы:

1. Осужденные за насильственные преступления сексуального характера и осужденные за ненасильственные преступления не различаются по своей готовности к проявлению психологического и физического насилия в отношении женщин. Осужденные за ненасильственные преступления имеют более сильные установки к сексуальному насилию, чем осужденные за насильственные преступления сексуального характера.

2. В структуре взаимосвязи черт агрессивности у осужденных за насильственные преступления сексуального характера ядерными являются когнитивный и эмоциональный компоненты (враждебность и гнев), а у осужденных за ненасильственные преступления – только эмоциональный (гнев).

3. В структуре взаимосвязей насильственных аттитюдов существенных различий не наблюдается: все аттитюды связаны друг с другом. Однако у осужденных за насильственные преступления сексуального характера наиболее тесно коррелируют аттитюды к психологическому и сексуальному насилию, а у осужденных за ненасильственные преступления – аттитюды к психологическому и физическому насилию.

4. Взаимосвязь между аттитюдами к сексуальному насилию и аттитюдами к психологическому и физическому насилию сильнее выражена

у осужденных за насильственные преступления сексуального характера, чем у осужденных за ненасильственные преступления.

5. Враждебность является устойчивой личностной чертой, которая прогнозирует насильственные аттитюды в отношении женщин у осужденных за насильственные преступления сексуального характера независимо от их типологической принадлежности.

6. Враждебность является общим прогностическим показателем аттитюдов к сексуальному насилию как у осужденных за насильственные преступления сексуального характера, так и у осужденных за ненасильственные преступления.

Гипотеза нашего исследования в первой части не подтвердилась, а во второй – подтвердилась частично.

Результаты исследования могут быть использованы в консультативной и коррекционной работе с осужденными за насильственные преступления сексуального характера.

1. Ward, T. The Assessment of Rapists / T. Ward, S.M. Hudson, J. McCormack // *Behaviour Change*. – 1997. – Vol. 14, № 1. – P. 39–54.

2. Holmstrom, L. Sexual behaviour of assailants during reported rapes / L. Holmstrom, A. Burgess // *Arch. of Sex. Behaviour*. – 1980. – Vol. 9. – P. 427–439.

3. Darke, J.L. Sexual aggression: achieving power through humiliation / J.L. Darke // *Handbook of Sexual Assault: Issues, Theories, and Treatment of the Offender* / ed.: W. Marshall, D.R. Laws, H.E. Barbaree. – N. Y. : Plenum Press, 1990. – P. 55–72.

4. Prentky, R.A. Identifying critical dimensions for discriminating among rapists / R.A. Prentky, R.A. Knight // *J. of Cons. and Clinical Psychology*. – 1991. – Vol. 59. – P. 643–661.

5. McCabe, M.P. Behavioural characteristics of rapists / M.P. McCabe, M. Wauchope // *J. of Sex. Aggression: An intern., interdisciplinary forum for research, theory and practice*. – 2005. – Vol. 11, № 3. – P. 235–247.

6. Moyano, N. Predictors of sexual aggression in adolescents: Gender dominance vs. rape supportive attitudes / N. Moyano, F.S. Monge, J.C. Sierra // *The European J. of Psychology Applied to Legal Context*. – 2017. – Vol. 9, № 1. – P. 25–32.

7. DeGue, S. Are all perpetrators alike? Comparing risk factors for sexual coercion and aggression / S. DeGue, D. DeLillo, M. Scalora // *Sex. Abuse: A J. of Research and Treatment*. – 2010. – Vol. 22. – P. 402–426.

8. Absolute recidivism rates predicted by static-99r and static-2002R sex offender risk assessment tools vary across samples: A meta-analysis / L. Helmus [et al.] // *Criminal Justice and Behavior*. – 2012. – Vol. 39. – P. 1148–1171.

9. Factors associated with rape-supportive attitudes: sociodemographic variables, aggressive personality, and sexist attitudes / J.C. Sierra [et al.] // *The Spanish J. of Psychology*. – 2010. – Vol. 13, № 1. – P. 202–209.

10. Locke, B.D. Examining masculinity norms, problem drinking and athletic involvement as predictors of sexual aggression in college men / B.D. Locke, J.R. Mahalik // *J. of Counselling Psychology*. – 2005. – Vol. 52, № 3. – P. 279–283.

11. Zinzow, H.M. A longitudinal study of risk factors for repeated sexual coercion and assault in U.S. College men / H.M. Zinzow, M. Thompson // *Arch. of Sex. Behaviour*. – 2015. – Vol. 44. – P. 213–222.

12. Abbey, A. A Longitudinal Examination of Male College Students' Perpetration of Sexual Assault / A. Abbey, P. McAuslan // *J. of Consulting and Clinical Psychology*. – 2004. – Vol. 72, № 5. – P. 747–756.

13. Carr, J.L. Risk Factors for Male Sexual Aggression on College Campuses / J.L. Carr, K.M. VanDeusen // *J. of Family Violence*. – 2004. – Vol. 19, № 5. – P. 279–289.

14. Forbes, G.B. First- and Second-Generation Measures of Sexism, Rape Myths and Related Beliefs, and Hostility Toward Women: Their Interrelationships and Association with College Students' Experiences with Dating Aggression and Sexual Coercion / G.B. Forbes, L.E. Adams-Curtis, K.B. White // *Violence Against Women*. – 2004. – Vol. 10, № 3. – P. 236–261.

15. A Prospective Analysis of Sexual Assault Perpetration: Risk Factors Related to Perpetrator Characteristics / C. Loh [et al.] // *J. of Interpersonal Violence*. – 2005. – Vol. 20, № 10. – P. 1325–1348.

16. Vega, V. Predicting Sexual Aggression: The Role of Pornography in the Context of General and Specific Risk Factors / V. Vega, N.M. Malamuth // *Aggressive Behavior*. – 2007. – Vol. 33, № 2. – P. 104–117.

17. Obierefu, P.O. Masculinity as Predictor of Rape Supportive Attitude: Role of Hypermasculinity, Sexual Identity, Dominance And Aggression, Conservative Masculinity, and Devaluation of Emotion / P.O. Obierefu, O. Ojedokun. – London, 2017. – 25 p.

18. Parrott, D.J. Effects of Hypermasculinity on Physical Aggression Against Women / D.J. Parrott, A. Zeichner // *Psychology of Men and Masculinity*. – 2003. – Vol. 4, № 1. – P. 70–78.

19. Malamuth, N.M. Characteristics of Aggressors Against Women: Testing a Model Using a National Sample of College Students / N.M. Malamuth [et al.] // *J. of Consulting and Clinical Psychology*. – 1991. – Vol. 59, № 5. – P. 670–681.

20. Greene, P.L. Latent Profiles of Risk Among a Community Sample of Men: Implications for Sexual Aggression / P.L. Greene, K.C. Davis // *J. of Interpersonal Violence*. – 2011. – Vol. 26, № 7. – P. 1463–1477.

21. Murnen, S.K. If 'Boys Will Be Boys', Then Girls Will Be Victims? A Meta-Analytic Review of the Research That Relates Masculine Ideology to Sexual Aggression / S.K. Murnen, C. Wright, G. Kaluzny // *Sex. Roles*. – 2002. – Vol. 46, № 11/12. – P. 359–375.

22. Cunha, O. Intimate partner violence offenders: Generating a data-based typology of batterers and implications for treatment / O. Cunha, R.A. Gongalves // *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*. – 2013. – Vol. 5. – P. 131–139.

23. Epps, K.J. Attitudes Toward Women and Rape Among Male Adolescents Convicted of Sexual Versus Nonsexual Crimes / K.J. Epps, R. Haworth, T. Swaffer // *The J. of Psychology*. – 1993. – Vol. 127, № 5. – P. 501–506.

24. Marolla, J. Attitudes toward women, violence, and rape: A comparison of convicted rapists and other felons / J. Marolla, D. Scully // *Deviant Behavior*. – 1986. – Vol. 7, № 4. – P. 337–355.

Раздел II ЮРИДИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА

25. Dating violence compared to other types of violence: similar offenders but different victims / A.K. Sjödin [et al.] // The European J. of Psychology Applied to Legal Context. – 2017. – Vol. 9. – P. 83–91.
26. Maletzky, B. Denial of treatment or treatment of denial? / B. Maletzky // Sex. Abuse: A J. of Research and Treatment. – 1996. – Vol. 8. – P. 1–5.
27. Bhogal, M.S. The Influence of Aggressiveness on Rape-Myth Acceptance among University Students, Psychiatry / M.S. Bhogal, S. Corbett // Psychology and Law. – 2016. – Vol. 23, № 5. – P. 709–715.
28. Birkley, E.L. Anger, hostility, internalizing negative emotions, and intimate partner violence perpetration: A meta-analytic review / E.L. Birkley, C.I. Eckhardt // Clinical Psychology Rev. – 2015. – Vol. 37. – P. 40–56.
29. The causes of rape: Understanding individual differences in male propensity for sexual aggression / M. Lalumiere [et al.]. – Washington, DC : American Psychological Assoc., 2005. – 294 p.
30. Gidycz, C.A. Predictors of perpetration of verbal, physical, and sexual violence: A prospective analysis of college men / C.A. Gidycz, J.B. Warkentin, L.M. Orchowski // Psychology of Men and Masculinity. – 2007. – Vol. 8. – P. 79–94.
31. How is sexual aggression related to nonsexual aggression? A meta-analytic review / L. Wilson [et al.] // Aggression and Violent Behavior. – 2015. – Vol. 24. – P. 199–213.
32. Alder, C. The Convicted Rapist: A Sexual or a Violent Offender? / C. Alder // Criminal Justice and Behavior. – 1984. – Vol. 11, № 2. – P. 157–177.
33. A Review of the Literature on Sexual Assault Perpetrator Characteristics and Behaviors. / S.M. Greathouse [et al.]. – Santa Monica, 2015. – 96 p.

Поступила: 10.07.2020

I.A. Fourmanov, Doctor of Psychological Sciences, Professor (Belarusian State University)

TRAIT AGGRESSION OF CONVICTED OFFENDERS WITH DIFFERENT TYPES OF CRIMES AS A PREDICTOR OF VIOLENT ATTITUDES TOWARDS WOMEN

The article is devoted to the definition of predictors of violent attitudes towards women in sexual offenders. The Attitudes Towards Dating Violence Scales by E.L. Price, E.S. Byers, and the Aggression Questionnaire by A.H. Buss and M. Perry, were used. Correlations between assessments of trait aggression (physical aggression, verbal aggression, anger and hostility) and attitudes towards psychological, physical and sexual violence against women are established and described.

Keywords: physical aggression, verbal aggression, anger and hostility, attitudes towards psychological, physical, sexual violence.

УДК 372.834

И.Н. Главницкая (Белорусский национальный технический университет)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Рассматриваются проблемы использования интерактивных методов обучения в преподавании юридических дисциплин, различные подходы к понятию интерактивных методов обучения, их научная классификация и отличительные особенности. Анализируется применение в педагогической практике таких интерактивных методов обучения, как метод мозгового штурма, ролевая игра, дискуссия, круглый стол, техника аквариума, дебаты, кейс-метод, метод «Заверши фразу» и др.

Ключевые слова: интерактивные методы обучения, использование, преподавание, юридические дисциплины, образовательный процесс, метод мозгового штурма, ролевая игра, дискуссия, круглый стол, техника аквариума, дебаты, кейс-метод, метод «Заверши фразу».

В условиях инновационного развития общества встает проблема подготовки высококвалифицированных специалистов с использованием современных образовательных технологий. Важное место в ее решении занимает широкое внедрение в образовательный процесс интерактивных методов обучения.

По определению «Педагогического энциклопедического словаря» под редакцией Б.М. Бим-Бада интерактивное обучение – это «обучение, построенное на взаимодействии учащегося с учебным окружением, учебной средой, которая служит областью осваиваемого опыта. Учащийся становится полноправным участником учебного процесса, его опыт служит основным источником учебного познания. Педагог не дает готовых знаний, но побуждает участников к самостоятельному поиску» [1, с. 103].

Н.И. Суворова, характеризуя интерактивное обучение, рекомендует признать его «специальной формой организации познавательной деятельности, имеющей конкретные и прогнозируемые цели». Одну из таких целей она видит в создании комфортных условий обучения, при которых обучающийся чувствует свою успешность, свою интеллек-

туальную самостоятельность, что делает продуктивным сам процесс обучения. Н.И. Суворова утверждает, что «интерактивное обучение является диалоговым обучением, в ходе которого осуществляется взаимодействие учителя и ученика. Диалоговое обучение ведет к взаимопониманию, взаимодействию, к совместному решению общих, но значимых для каждого участника задач». Н.И. Суворова обращает внимание на то, что «интерактив исключает доминирование как одного выступающего, так и одного мнения над другим» [2, с. 26].

Современная педагогическая наука имеет целый арсенал интерактивных методов обучения, среди которых можно выделить: работу обучающихся в группах; работу обучающихся с наглядными учебными пособиями, презентациями; синквейн; дискуссии, дебаты, форум, круглый стол, ролевые игры; мозговой штурм, кейс-метод и др.

С целью повышения уровня знаний, умений и навыков обучающихся преподавателю необходимо осваивать и активно применять в образовательном процессе различные вариации интерактивных методов обучения. Для более детального понимания сущности и видового многообразия интерактивных методов обучения проведем их классификацию.

Попытки классификации интерактивных методов обучения были предприняты Ю.С. Арутюновым, О.С. Анисимовым, С.С. Кашлевым, Л.Н. Вавиловой, Т.Н. Добрыниной, Е.Я. Голантом, О.А. Голубковой, В.В. Гузевым, Е.С. Заир-Бек, М.В. Клариним, Е.Е. Лушниковой, В.В. Николиной, Т.С. Паниной, А.Ю. Прилепо и др.

О.А. Голубкова классифицирует интерактивные методы обучения на основе их «коммуникативных функций» и разделяет их на три группы: дискуссионные методы (диалог, групповая дискуссия, разбор и анализ жизненных ситуаций), игровые методы (дидактические игры, творческие игры, в том числе деловые, ролевые, организационно-деятельностные игры, контригры), психологические методы (сенситивный и коммуникативный тренинг, эмпатия) [3, с. 16].

Т.С. Панина, Л.Н. Вавилова классифицируют интерактивные методы обучения на три основные группы: «дискуссионные (диалог, групповая дискуссия, разбор ситуаций из практики); игровые (дидактические и творческие игры, в том числе деловые и ролевые, организационно-деятельностные игры); тренинговые (коммуникативные тренинги, тренинги сензитивности)» [4, с. 34].

В основе классификации, предложенной Ю.С. Арутюновым, лежит разделение интерактивных методов обучения на неимитационные и имитационные. К неимитационным относятся проблемное обучение,

практические занятия, семинары, конференции, проблемные лекции, дискуссии. Имитационные методы делятся на игровые и неигровые. К имитационным игровым относятся разыгрывание ролей, деловые игры, игровое проектирование, к имитационным неигровым – анализ конкретных ситуаций, имитационные упражнения, действие по инструкции [5, с. 36].

О.С. Анисимов разделяет интерактивные методы обучения: на традиционные – лекции, семинары, практические занятия, тренинги (обеспечивают функцию трансляции); новые (имитационные) (обеспечивают усиление роли мышления и развитие мотивации обучающихся); новейшие – инновационные, организационно-деятельностные, организационно-мыслительные игры (обеспечивают формирование интеллектуальной культуры и культуры саморазвития) [6, с. 13].

В.А. Вакуленко и И.Е. Уколова разделяют методы интерактивного обучения на невербальные и вербальные. К невербальным относятся: акустические – интонация (громкость, тембр, темп речи, высота звука), речевые паузы; визуальные – выражение лица (заинтересованное, отстраненное), позы, движения (располагающие к собеседованию), контакт глаз (взгляд на собеседника, уход от прямого взгляда и др.); тактильные – расстояние (далекое, близкое, по-разному воздействующее на интенсивность контакта); прикосновения (одобряющие, успокаивающие, носящие агрессивность) [7, с. 5].

Таким образом, в педагогической литературе предложены различные классификации интерактивных методов обучения. В основе данных классификаций лежат различные критерии интерактивного взаимодействия обучающихся и преподавателя.

Широкое применение получили интерактивные методы обучения и в юридическом образовании. В процессе обучения правовым дисциплинам могут быть использованы такие интерактивные методы обучения, как мозговой штурм, ролевая игра, дискуссии, круглый стол, техника аквариума, дебаты, метод кейсов, методы «Придумай кроссворд», «Восполни пробел», «Заверши фразу» и др.

Мозговой штурм (мозговая атака) – интерактивный метод обучения, при котором участники должны предложить как можно большее количество вариантов решения конкретной проблемы или вопроса. Затем из высказанных мнений выбирают наиболее правильные.

В проведении мозгового штурма, как правило, принимают участие обучающиеся (студенты, магистранты и др.) и преподаватель. Например, при изучении темы «Защита права собственности и других вещных

прав» преподаватель может задать вопрос: «Какими способами можно защитить право собственности и иные вещные права?». При использовании мозгового штурма обучающиеся предлагают различные варианты решения данного вопроса и после этого преподаватель осуществляет отбор и оценку ответов.

В основе ролевой игры лежит какая-либо конфликтная ситуация. Обучающиеся играют различные роли и пытаются таким образом разрешить конфликт.

На практических занятиях по юридическим дисциплинам в учреждениях высшего образования в качестве ролевой игры считаем целесообразным провести, например, судебное заседание по какому-либо гражданскому или уголовному делу. Обучающиеся могут при этом играть роли истцов, ответчиков, свидетелей, судей, прокуроров и др.

Характерной чертой дискуссии, круглого стола является решение поставленной проблемы путем ее совместного обсуждения участниками такой дискуссии. Отличительной особенностью данных методов является групповая работа обучающихся и их активное общение (взаимодействие) друг с другом, а также с преподавателем.

При использовании техники аквариума после активного обмена мнениями по конкретной проблеме между участниками дискуссии происходит публичное обсуждение, в котором участвует по одному представителю от каждой группы обучающихся. На аудиторных (лекционных, практических) занятиях по юридическим дисциплинам техника аквариума может активно применяться для обсуждения самых разнообразных правовых вопросов.

Дебаты основаны на противостоянии двух групп участников, имеющих противоположные мнения. Например, при изучении уголовного права преподаватель может организовать дебаты на тему «Кто за и кто против смертной казни?», в ходе которых обучающимся предлагается высказать свою точку зрения относительно поставленного вопроса, свои правовые позиции.

В качестве одной из форм обучения, стимулирующих обучающихся к творческой деятельности, считаем целесообразным использование на занятиях по правовым дисциплинам информационных (мультимедийных) технологий в форме презентаций. Каждый из обучающихся при этом должен иметь возможность самостоятельного выбора формы представления материала и дизайна слайдов по предложенной тематике.

Метод кейсов основан на описании реальных ситуаций. В ходе использования данного метода обучающиеся должны проанализировать конкретную задачу (ситуацию), предложить возможные варианты ее ре-

шения и выбрать наиболее оптимальный из них. Кейсы базируются на фактическом материале или же максимально приближены к реальной задаче (ситуации).

На аудиторных занятиях по юридическим дисциплинам в рамках учреждений высшего образования нами внедрены и активно используются интерактивные методы «Придумай кроссворд», «Восполни пробел», «Заверши фразу».

Суть первого метода состоит в том, что в ходе практического занятия обучающимся предлагается придумать кроссворд. Для этого каждый из них должен использовать понятия и (или) правовые категории в рамках пройденного материала. Затем обучающиеся вместе с преподавателем обсуждают отгаданные понятия, дают им определения и выясняют их правовую сущность.

В ходе реализации метода «Восполни пробел» обучающиеся должны предложить несколько вариантов восполнения пробелов в законодательстве. Например, сначала преподаватель называет существующий пробел, предлагает обучающимся разрешить имеющуюся проблему индивидуально, затем варианты ответов обсуждаются в группах, а после – совместно с преподавателем.

Метод «Заверши фразу» – это интерактивный метод обучения, при котором преподаватель произносит начало какой-либо фразы (высказывания) и каждый из участников поочередно повторяет начало фразы и предлагает свой вариант ее завершения или формулировки. Так, на практических занятиях по гражданскому праву преподаватель называет соответствующие правовые категории (понятия), а студентам предлагается сформулировать их определения («Гражданское право – это...», «Гражданская правоспособность – это...», «Гражданская дееспособность – это...»).

Таким образом, интерактивные методы обучения можно определить как совокупность педагогических способов и приемов, направленных на максимальное взаимодействие обучающихся между собой и с преподавателем и стимулирующих обучающихся к творческому освоению учебного материала.

Полагаем, в самом начале практического занятия по юридическим дисциплинам следует использовать мозговой штурм. Во второй половине занятия целесообразно проведение дискуссии, ролевой игры, использование техники аквариума, метода «Придумай кроссворд» и др. В конце занятия актуален метод «Заверши фразу».

Применение интерактивных методов обучения в преподавании юридических дисциплин в учреждениях высшего образования позволяет, на

наш взгляд, стимулировать познавательную активность обучающихся и раскрывать их лучшие личностные качества. Полагаем, что данный вид обучения развивает также коммуникативные навыки обучающихся, способствует понижению уровня стресса в образовательном процессе, положительно сказывается на развитии креативности обучающихся, поскольку им предоставляется возможность сформулировать свое мнение по правовым ситуациям, которые рассматриваются на занятиях, и аргументированно высказать его. У обучающихся, работающих в группах, появляются навыки юридически грамотного общения друг с другом, развиваются правовое сознание и правовая культура.

1. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.М. Бим-Бад. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – 528 с.
2. Суворова, Н.И. Интерактивное обучение: новые подходы / Н.И. Суворова // Учитель. – 2000. – № 1. – С. 25–27.
3. Голубкова, О.А. Использование активных методов обучения в учебном процессе : учеб.-метод. пособие / О.А. Голубкова. – СПб., 1998. – 42 с.
4. Панина, Т.С. Современные способы активизации обучения / Т.С. Панина, Л.Н. Вавилова. – М. : Академия, 2008. – 176 с.
5. О классификации методов активного обучения / Ю.С. Арутюнов [и др.] // Применение активных методов обучения в учебном процессе. – Рига, 1983. – С. 36–39.
6. Анисимов, О.С. Развивающие игры. Игротехника. Методология : в 2 т. / О.С. Анисимов. – М. : ФГОУ Рос-АКО АПК, 2006. – Т. 1. – 487 с.
7. Вакуленко, В.А. Интерактивное обучение на уроках права / В.А. Вакуленко, И.Е. Уколова // Право в шк. – 2004. – № 1. – С. 5.

Поступила 27.11.2019

I.N. Glavnitskaya (Belarusian National Technical University)

USING OF INTERACTIVE TRAINING METHODS IN TEACHING LEGAL DISCIPLINES

The article is devoted to actual problems of using interactive methods in teaching legal disciplines. The author considers various approaches to the concept of interactive training methods, as well as their scientific classification and distinguishing features. The author analyzes the application in pedagogical practice of such interactive training methods as the brainstorming method, role-playing game, discussion, 'Round table' method, 'Aquarium technique', case-study method, debate, 'Complete the phrase' method, etc.

Keywords: interactive training methods, using, teaching, legal disciplines, educational process, brainstorming method, role-playing game, discussion, 'Round table' method, 'Aquarium technique', case-study method, debate, 'Complete the phrase' method.

УДК 001.361.6

Д.П. Лямин (Военная академия Республики Беларусь)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК У МОЛОДЕЖИ

Предлагается методика формирования положительных социальных установок у молодежи относительно норм и правил социального поведения в обществе, включающая в себя описание механизма изучения имеющихся установок, а также выработанные рекомендации по их корректировке. Методика опробована в ходе проведения пилотажного и диссертационного исследований на базе выпускных классов средних школ Минска, Бреста и Орши.

Ключевые слова: профилактика правонарушений, деструктивные источники, социальное восприятие, социальная установка, ассоциации, шкала Лайкерта, источники информации.

Профилактика преступности среди несовершеннолетних является одной из приоритетных задач политики государства в социальной сфере. При ее решении необходимо не только уделять серьезное внимание правовой работе с подростками, но и принимать меры противодействия деструктивным источникам информации, воздействующим на сознание и мировоззрение индивида. Данная работа является достаточно сложной по причине замкнутости подростков, низкой степени доверия к официальным лицам (в том числе детским психологам), подверженности скрытому влиянию со стороны СМИ и интернет-ресурсов, пропагандирующих романтику преступного мира. Особенно широкое распространение такая негативная информация получила в социальных сетях.

В целях профилактики правонарушений необходимо формирование правовой грамотности населения, начиная с лиц подросткового возраста. Прочное усвоение правил и норм социально приемлемого поведения в обществе достижимо путем ведения работы с установками личности, определяющими отношение человека к социальному явлению (процессу, событию и объекту). Работу целесообразно вести по двум направлениям: противоборство информационному воздействию на сознание молодежи со стороны деструктивных источников; пропаганда правовой культуры общества.

Согласно теории Ж. Годфруа формирование направленности и жизненных установок личности (как социальных, так и личностных) приходится на период с 17 до 25 лет [1]. Именно в это время происходит наиболее активное изучение человеком объективного мира, самоопределение (самоидентификация) в социуме, выбор жизненной роли. Так-

же формируются определенные стереотипы поведения человека в обществе, его отношение к законности, готовность действовать в рамках, установленных законодательством.

Согласно концепции личности В.Н. Мясищева социальное восприятие индивидом чего-либо (его отношение к рассматриваемому объекту) организационно состоит из трех взаимосвязанных составляющих: когнитивной, эмоциональной и поведенческой [2]. При этом изменение когнитивной составляющей, в том числе через эмоциональную, приведет к достаточно предсказуемому изменению поведения человека в отношении требуемого объекта. Наиболее существенной составляющей социального восприятия является социальная установка (аттитюд). Установка формируется на основе имеющихся у индивида сведений об объекте и может изменяться в течение жизни в зависимости от ряда факторов, основными из которых можно считать: имеющийся социальный и личный жизненный опыт; полученные из различных источников сведения об объекте; индивидуально-психологические особенности личности; барьеры восприятия (как социальные, так и личностные).

Все это указывает на то, что аттитюд является динамической компонентой, формирование или коррекция которой возможна при определенных условиях. Структурно социальную установку можно рассматривать как совокупность представлений человека об объекте и ожиданий в отношении его. Изменение когнитивной составляющей установки происходит, как правило, вследствие получения человеком достоверной (с его точки зрения) информации о том или ином социальном явлении. В связи с этим важную роль играет степень доверия реципиента к источнику информации. Следовательно для наиболее эффективной работы по формированию положительных установок молодежи необходимо в первую очередь уделить внимание источнику информации, который согласно исследованиям С. Московичи должен соответствовать ряду критериев, основными из которых являются надежность, профессиональная компетентность, беспристрастность, объективность, бескорыстность [3].

Исследования, проведенные на базе выпускных классов средних школ Минска, Бреста и Орши (численность выборки составила 383 человека), показали, что из всех СМИ подростки больше всего доверяют интернет-порталам (65 % опрошенных), на втором месте телевидение (15 % опрошенных) и на третьем месте печатная пресса (5,2 % опрошенных). Остальные подростки ответили: «Не доверяю ничему», «Доверяю только своему опыту» и т. д. Вследствие этого основное внимание целесообразно уделять информационному воздействию через интернет, особенно с использованием социальных сетей. В современном обществе все большее значение имеют информационные технологии, проникаю-

щие практически во все сферы деятельности человека. Социальные сети становятся неотъемлемой частью субъективного мира людей. Они обеспечивают процесс коммуникации (межличностного общения, обмена информацией), а также в какой-то мере становятся средством заполнения досуга, «переводя» сознание индивида в мир виртуальной реальности.

При этом ресурсы социальных сетей предоставляют широчайшие возможности для работы по формированию социальных установок, общественного мнения и социального восприятия (образа) выбранного объекта. Например, достаточно успешной технологией для изменения основ массового общественного сознания (основы общественной морали, базовые социальные установки общества, потребностно-мотивационная сфера малых социальных групп) является так называемая концепция «окон Овертона», рассчитанная на глубокое воздействие на сознание населения и часто приводящая к глобальным изменениям социума. Однако практическая реализация данной модели – процесс достаточно длительный, требующий большого количества ресурсов, как временных, так и материально-денежных. Как правило, применение подобных технологий возможно лишь при государственной поддержке. Более экономичным по большинству параметров путем изменения общественного мнения является изменение социального восприятия явлений и процессов отдельных социальных групп.

Любая современная социальная сеть предлагает, как правило, следующий базовый набор сервисных услуг: хранение персональных установочных данных (без предоставления которых невозможна регистрация в сети); виртуальный органайзер (по желанию пользователя); совокупность мультимедийных данных (фото- и видеоматериалы, музыка) и некоторые другие персональные информационные блоки.

Используя эти данные, можно выстроить персональный психологический профиль пользователя соцсети, включающий в себя такие составляющие, как: установочные данные (возраст, место рождения и проживания, образование, национальность и т. д.); преобладающий тип темперамента, доминирующие настроения индивида (анализируются содержание новостной ленты страницы, музыкальные предпочтения, личные фотографии); основные черты характера (так называемые акцентуации); коммуникативные особенности, социальная активность личности, ее потребностно-мотивационная сфера (проводится комплексный анализ содержания персональной страницы, включая выявление участия в деятельности различных виртуальных групп, разделяющихся по гендерным, возрастным, профессиональным признакам, интересам и предпочтениям); социальные связи субъекта (используются графический, узловой методы анализа).

Для более быстрого и прочного изменения установок личности необходимо повышать активность пользователей сети, вовлекая их в дискуссии, обсуждения и заставляя своими словами поддерживать групповое мнение, в результате чего у них складывается убеждение в самостоятельности полученных выводов.

Предлагаемая методика формирования положительных социальных установок организационно состоит из трех этапов.

На первом этапе необходимо исследовать имеющиеся установки целевой аудитории. Социальные сети предоставляют возможность проведения различных опросов (по методике свободных ассоциаций), что позволяет выяснить установки представителей социальных групп, которые можно принять в качестве когнитивной составляющей восприятия, а также отношение к выбранному объекту изучения (социальному явлению), глубину установки и ее устойчивость, используя простейшие шкалы Лайкерта [4]. Этому способствует то, что в социальных сетях пользователи уже условно разделены на группы по интересам, возрастному и гендерному признакам, профессиональной составляющей и т. д. Например, на странице группы в социальной сети «ВКонтакте» администратор создает запись (пост), непосредственно или косвенно касающийся объекта, и затем подписчикам сообщества предлагается в комментариях высказаться по обсуждаемому вопросу. В результате вычленения пиковых значений будут выявлены наиболее общие, характерные для всех представителей выбранного сообщества групповые установки, с которыми в дальнейшем предстоит работать. Подвергнув контент-анализу полученные результаты, можно выявить ключевые установки членов группы и затем, применяя стратегии подмены понятий к выявленным ключевым словам, изменить глубину и силу аттитюда. В конечном итоге это приведет сначала к сомнениям, а затем и к разрушению или деформации образа (понимания) социального объекта (явления) в сознании человека. Данная методика была проверена в ходе проведения диссертационного исследования в 2017 г. Результаты обработки опросника нелинейных шкал Лайкерта показали устойчивость выявленных групповых установок (индекс отношений составил $n > 2,5$).

Второй этап – информационное воздействие. На данном этапе до реципиента доводится необходимая информация в той форме, которая является наиболее предпочтительной для целевой аудитории. Особое внимание при этом следует уделять языку изложения материала, в том числе использованию молодежного сленга (в разумных пределах). Безусловно, в связи с появлением различных мессенджеров наблюдается трансформация процесса коммуникации. Так, например, сообщения стали более короткими, появился ряд аббревиатур, используемых подростками в

процессе интернет-общения. Новым поколением (так называемым поколением Z) наиболее оптимально воспринимается структурированная информация, изложенная в алгоритмизированном, логически взаимосвязанном виде. Особое место отводится графической информации. Среди молодежи пользуются большой популярностью различные посты, мотиваторы (демотиваторы), короткие видеоролики (продолжительностью от 40 с до минуты), отражающие суть излагаемого вопроса. Одновременно с этим для усиления положительного эффекта на восприятие пользователя Сети путем воздействия на эмоциональную компоненту необходимо грамотно использовать юмор, различные эмодзи и устоявшиеся среди молодежи правила выражения эмоций при виртуальном общении (эмоджи, смайлы, изменение размеров шрифта и т. д.).

В ходе постепенного информационного воздействия на членов группы видится целесообразным периодически проводить анализ промежуточных результатов с целью коррекции дальнейшей работы по изменению установок. Ресурсы социальных сетей позволяют это делать, предоставляя возможность высказывать свое мнение в отношении избранного явления в комментариях. Одновременно с этим можно формировать «мнение большинства», используя обобщенные данные из комментариев и проводя открытое голосование членов социальной группы по интересующему владельца страницы (интернет-группы) вопросу.

Таким образом, информационное воздействие на молодежь необходимо вести целенаправленно, непрерывно, используя при этом информационные источники, пользующиеся наибольшей степенью доверия со стороны реципиентов. Знание технологии изменения отношения (социального восприятия) личности к объекту (процессу, явлению) дает возможность формировать положительные установки личности, в том числе групповые, а также оказывать противодействие деструктивному влиянию негативной информации.

1. Годфруа, Ж. Что такое психология : в 2 т. / Ж. Годфруа. – М. : Мир, 1992, 1996. – Т. 2. – 376 с.
2. Мясищев, В.Н. Психология отношений / В.Н. Мясищев ; Моск. психол.-соц. ин-т ; под ред. А.А. Бодалева. – 4-е изд. – М. : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2011. – 400 с.
3. Московичи, С. Социальная психология / С. Московичи. – 7-е изд. – СПб. : Питер, 2007. – 592 с.
4. Likert, R.A. Technique for a meas of attitudes / R.A. Likert. – Arch. of Psychology. – 1932. – Vol. 7, № 40. – P. 56.

Поступила: 21.11.2019

D.P. Liamin (Military Academy of the Republic of Belarus)
SOME ASPECTS OF THE FORMATION OF POSITIVE SOCIAL ATTITUDES
AMONG YOUNG PEOPLE

In this article, the author proposes a methodology for the formation of positive social attitudes among young people regarding the norms and rules of social behavior in society. The methodology includes a description of the mechanism of studying the existing attitudes, as well as recommendations for their correction. The technique was tested during the pilot and dissertation research conducted on the basis of graduating classes of secondary schools in Minsk, Brest and Orsha.

Keywords: crime prevention, destructive sources, social perception, social attitude, associations, Likert scale, information sources.

УДК 371.388:378.147

А.В. Мовчан, доктор юридических наук, профессор (Львовский государственный университет внутренних дел Украины)

МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО КРИМИНАЛЬНОМУ АНАЛИЗУ ДЛЯ АНАЛИТИЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ УКРАИНЫ

Проанализированы приоритетные направления и структура профессиональной подготовки специалистов по криминальному анализу для аналитических подразделений Национальной полиции Украины. Разработана модель профессиональной подготовки специалистов по криминальному анализу, состоящая из целевого, содержательного, учебно-технологического, процессуального и диагностически-результативного компонентов. Отмечается, что важным фактором профессиональной подготовки специалистов по криминальному анализу выступают информационные технологии обучения – педагогические технологии, которые используют специальные методы, программируемые и технические средства работы с информацией. Определен перечень компетенций, которые дают возможность слушателям центров первичной профессиональной подготовки «Академия полиции», слушателям курсов повышения квалификации и выпускникам учреждений высшего образования МВД Украины выполнять служебные обязанности в аналитических подразделениях Национальной полиции Украины (общепрофессиональные компетенции, ключевые компетенции, профессиональные компетенции полицейского, профессиональные компетенции криминального аналитика). Предлагается модель профессиональной подготовки специалистов по криминальному анализу, предназначенная для всех уровней подготовки, включая повышение квалификации и переподготовку.

Ключевые слова: криминальный анализ, модель профессиональной подготовки, информационные технологии, знания, умения, компетенции.

Модель профессиональной подготовки, состоящая из целевого, содержательного, учебно-технологического, процессуального, диагностически-результативного компонентов, была разработана для совершенствования системы профессиональной подготовки криминальных аналитиков для подразделений Национальной полиции Украины. Целью данной модели является профессиональная подготовка специалистов по криминальному анализу для аналитических подразделений Национальной полиции Украины. Целевой компонент отвечает задачам и потребностям заведений высшего образования МВД Украины по профессиональной подготовке криминальных аналитиков.

Субъектами профессиональной подготовки специалистов по криминальному анализу являются: научно-педагогические работники, слушатели центров первичной профессиональной подготовки «Академия полиции», слушатели курсов повышения квалификации и курсанты заведений высшего образования МВД, практические работники аналитических подразделений криминальной полиции, привлекаемые к образовательному процессу, другие работники заведений высшего образования МВД Украины.

Задача предлагаемой модели – подготовить будущего специалиста по криминальному анализу к практической работе в аналитических подразделениях Национальной полиции Украины.

Содержательный компонент состоит из профессиональной подготовки, определяемой Национальной квалификационной сферой, стандартами высшего и профессионального (профессионально-технического) образования, образовательно-профессиональными программами, рабочими учебными программами, учебными планами, планами практических, семинарских и лабораторных занятий, программами прохождения практики.

Профессиональная подготовка будущих специалистов по криминальному анализу базируется на принципах системности, научности, практической ориентированности, технологичности, инновационности. Указанные принципы являются ведущими дидактическими положениями современной педагогической теории и практики, используются для организации образовательного процесса в учреждениях высшего образования.

Принцип системности предполагает системное планирование, организацию выполнения и оценку процесса обучения в соответствии с поставленными целями, применение человеческих и технологических ресурсов для повышения эффективности обучения.

Принцип практической ориентированности теоретически связан с практико-ориентированным подходом, которым предусматривается сочетание методов преподавания и обучения с практической деятельностью. Принцип практической ориентированности заложен в основе

многих профессионально-ориентированных технологий обучения (технологии дистанционного обучения, кейс-технологии (case-study), интерактивные технологии, технологии «портфолио» и др.).

Принцип научности как основной принцип организации образовательного процесса предполагает раскрытие причинно-следственных связей явлений, процессов, событий, включение в средства обучения научно проверенных знаний, соответствующих современному уровню развития науки.

Принцип технологичности принадлежит к инновационным принципам обучения, появление которого обусловлено интенсивным развитием образовательных технологий, их активным внедрением в сеть образовательных учреждений, профессиональную подготовку будущих специалистов.

Как отмечает Д.В. Чернилевский, главная цель инновационного образования – сохранение и развитие творческого потенциала человека. Образование должно быть пронизано общечеловеческими ценностями, для чего необходимо сделать так, чтобы оно развивало гармоничное мышление, построенное на сочетании внутренней свободы личности и ее социальной ответственности, а также терпимости к инакомыслию. Именно эти характеристики личности сегодня включены в число основных ценностей земной цивилизации, декларируемых в документах ООН [1, с. 7]. Инновационный характер образования формирует мировоззрение специалистов, в основе которого лежит способность и возможность творческого преобразования социальной действительности; проектирования, организации и осуществления профессиональной деятельности, предполагает вариативность решения задач, определяет целесообразность различных критериев контроля и оценки достигнутых результатов.

Учебно-технологический компонент состоит из материально-технического и программно-технологического обеспечения подготовки специалистов по криминальному анализу.

Подготовка криминальных аналитиков предполагает использование: облачно-ориентированной инфраструктуры: защищенной локальной сети, сети Интернет, Wi-Fi; серверов с технологиями виртуализации и кластеризации; баз данных; компьютерных лабораторий;

программно-технологического обеспечения: аналитического программного обеспечения (i2 Analyst's Notebook, ANACAPA, ArcGIS, E-Gis maps и т.п.); программного обеспечения управления данными (MEMEX); автоматизированных информационно-поисковых систем МВД и Национальной полиции Украины; среды программирования, геоинформационного мониторинга, управления базами.

Реализация всех составляющих модели профессиональной подготовки специалистов по криминальному анализу предполагает выполнение совокупности педагогических условий:

содержательно-методических: конструирование содержания теоретического материала для учебных дисциплин специализации «Криминальный анализ»;

субъектных: формирование ценностно-мотивационной сферы будущих специалистов по криминальному анализу;

технологических: организация процесса профессиональной подготовки будущих специалистов по криминальному анализу для аналитических подразделений Национальной полиции Украины.

Процессуальный компонент охватывает формы организации обучения, средства, методы, методики, технологии преподавания учебных дисциплин специализации «Криминальный анализ»: «Криминальный анализ», «Информационные технологии», «Компьютерные сети и телекоммуникационные технологии», «Информационная безопасность», «Основы программирования», «Особенности раскрытия киберпреступлений», «Информационно-аналитическая работа в оперативно-розыскной деятельности» и др.

Так, в рамках учебной дисциплины «Криминальный анализ» изучают: общую концепцию полицейской деятельности, управляемой аналитикой; концепты оперативного, тактического, стратегического анализа; аналитические инструменты для проведения анализа данных из открытых источников, риск-анализа, составление карт преступности с использованием инструментов геоинформационных систем / GIS, концентрации преступности, графиков и схем связей и т. п.

Задачи дисциплины «Компьютерные сети и телекоммуникационные технологии» – рассмотреть принципы построения компьютерных сетей; получить знания об их видах, системной архитектуре; ознакомиться с их топологией, протоколами передачи данных; сформировать представления о беспроводных компьютерных сетях.

Дисциплина «Основы программирования» изучает: современные языки программирования в среде HTML, серверный язык PHP, язык работы с базами данных MySQL, основы языка Java-Scrspt и т. п.

В рамках дисциплины «Информационная безопасность» изучаются правовые и организационно-технические основы защиты информации, аппаратные и программные средства защиты информации в информационно-телекоммуникационных системах и др. [2].

При профессиональной подготовке будущих специалистов по криминальному анализу применяются различные формы обучения: лекции, семинарские и практические занятия, индивидуальная и самостоятель-

ная работа, практическая подготовка. Образовательный процесс сочетает в себе при этом как традиционные, так и информационные технологии обучения. К традиционным относятся организация и осуществление учебно-познавательной деятельности, стимулирование мотивации учебной деятельности, контроль, анализ и оценка результатов обучения; к инновационным – проблемное обучение, мультимедийные лекции, деловые игры, тренинги, презентации, практико-ориентированная деятельность, методы обучения.

Важным фактором в осуществлении профессиональной подготовки специалистов по криминальному анализу выступают информационные технологии обучения. Эти педагогические технологии используют специальные методы, программируемые и технические средства работы с информацией; предназначены для формирования новых возможностей передачи и восприятия учебного материала, оценки обучения и преподавания [3, с. 83].

Диагностически-результативный компонент предусматривает разработку методики измерения уровней сформированности общих и специальных компетенций в процессе профессиональной подготовки криминального аналитика и определения качественной характеристики уровней профессиональной подготовки будущих специалистов по криминальному анализу.

В контексте профессиональной подготовки И.А. Зязюн определяет компетентность как способность решать профессиональные задачи определенного класса, которая требует наличия реальных знаний, умений, навыков, опыта [4, с. 14].

В то же время С.В. Витвицкая трактует компетентность как специфическую способность личности к продуктивной деятельности в конкретной предметной области, которая включает узко специализированные знания, умения и навыки, опыт их использования в реальной жизни, ответственное отношение к выполнению производственных функций [5, с. 54].

С учетом вышеуказанного профессиональную подготовку специалистов по криминальному анализу предлагается осуществлять на основе компетенций (общепрофессиональные, ключевые, профессиональные компетенции полицейского, профессиональные компетенции криминального аналитика), которые дают возможность специалисту выполнять служебные обязанности в подразделениях криминального анализа и аналитических подразделениях криминальной полиции Национальной полиции Украины. К таким компетенциям относятся:

способность к установлению приоритетности и оценки источников информации в зависимости от задачи анализа;

способность к работе с внутренними базами данных (поиск, обнаружение, внесение данных);

способность к работе с программным обеспечением управления данными (например, MEMEX) и аналитическим программным обеспечением (например, I2 Analyst's Notebook);

способность к обработке больших объемов информации в соответствии с шаблоном;

способность к использованию аналитического программного обеспечения визуализации графиков и сети ассоциативных связей;

способность к импорту обработанной информации в аналитическое программное обеспечение;

способность к созданию графиков активности, схем-алгоритмов/блок-схем, схем финансовых связей, схем телефонного трафика, хронологии событий;

способность к поиску в открытых источниках, выявления значимой информации, ее обработки, сопоставления, систематизации и анализа;

способность к анализу информации из социальных сетей (SNA);

способность к работе со статистическими данными и их анализу;

способность к составлению стратегических оценок;

способность к выполнению анализа типа SWOT, PESTLE/PEST, ситуационного и сценарного анализа;

способность использовать и адаптировать международные стандарты и нормативы в сфере криминального анализа.

Результатом модели является готовность будущего специалиста по криминальному анализу к практической деятельности в аналитических подразделениях Национальной полиции Украины.

1. Чернилевский, Д.В. Дидактические технологии в высшей школе : учеб. пособие для вузов / Д.В. Чернилевский. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 437 с.

2. Хахановський, В.Г. З досвіду підготовки кадрів для підрозділів кіберполіції / В.Г. Хахановський // Проблеми застосування інформаційних технологій, спеціальних технічних засобів у діяльності ОВС і навчальному процесі : матер. Всеукр. наук.-практ. конф. – Львів, 2016. – С. 304–306.

3. Педагогические системы и технологии: лабораторный практикум : учеб.-метод. пособие / И.И. Цыркун [и др.] ; под ред. И.И. Цыркуна, М.В. Дубовик. – Минск : Тетра Системс, 2010. – 224 с.

4. Зязюн, І.А. Філософія педагогічної якості в системі неперервної освіти / І.А. Зязюн // Вісн. Житом. держ. ун-ту ім. Івана Франка. – Вип. 25. – 2005. – С. 13–18.

5. Вітвицька, С.С. Компетентнісний та професіографічний підходи до побудови професіограми магістра освіти / С.С. Вітвицька // Вісн. Житом. держ. ун-ту. Пед. науки. – 2011. – Вип. 57. – С. 52–58.

Поступила: 15.11.2019

A.V. Movchan, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Lviv State University of Internal Affairs)

MODEL OF PROFESSIONAL TRAINING OF CRIMINAL ANALYSIS SPECIALISTS FOR ANALYTICAL UNITS OF THE NATIONAL POLICE OF UKRAINE

The paper analyzes the priority directions and the structure of professional training of criminal analysis specialists for analytical units of the National Police of Ukraine. The model of professional preparation of criminal analysis specialists for analytical units of criminal police is considered. This model of training of criminal analysis experts consists of the target, content, educational-technological, procedural and productive-diagnostic components. It is noted that the information processing technologies – pedagogical technologies that use special methods, programmable and technical means of work with information – act as a significant factor in the professional training of specialists in criminal analysis. The list of competencies that provide the opportunity for the students of the Academy of Police, the students of advanced training courses and graduates of higher education establishments of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine to perform official duties in the analytical units of the criminal police, namely: general competencies, professional competence of the police officer; professional competence of criminal analyst, is determined. The proposed model of training of specialists in criminal analysis is intended for all levels of training, including refresher training and retraining.

Keywords: criminal analysis, model of professional training, information technology, knowledge, skill, competence.

УДК 376.58

О.Б. Панова, доктор педагогических наук, доцент (Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России)

ПРАВОВАЯ РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Рассмотрены сущность и значение понятия «правовая ресоциализация несовершеннолетних осужденных» как педагогической категории. Акцентируется внимание на том, что в видении целей ресоциализации осужденных многих ученых объединяет ориентация на формирование качеств правовой личности. Подчеркивается особая роль воспитания в рамках педагогической организации правовой ресоциализации. В качестве результата исследуемого процесса представлена правовая социализованность, отражающая успешность существования в системе «человек – право». Обосновывается, что уровень правовой

социализованности личности как феномена культуры определяется принятием ценностей права.

Выделяются обстоятельства, препятствующие успешной правовой ресоциализации воспитанников исправительных учреждений. Их преодоление связывается с созданием коррекционно-развивающей среды, ориентированной на систематическую педагогическую поддержку подростка таким образом, чтобы он мог устранить в себе негативные свойства и приобрести качества правовой личности путем приобщения к правовой культуре.

Ключевые слова: педагогическая категория, правовая ресоциализация, социальные риски, коррекция, развитие, правовые ценности, правовая позиция, правовая культура.

Понятийно-категориальный аппарат педагогики постоянно расширяется с учетом развития педагогической науки, объект которой охватывает все стороны и явления действительности, влияющие на воспитание человека. Так, слово «социализация» сегодня рассматривается в качестве одной из базовых категорий отечественной педагогической науки, в то время, как данное понятие стало активно использоваться педагогами только в 80–90-е гг. прошлого века. Появление новой терминологии обусловлено динамичным развитием общества и необходимостью дать педагогический ответ новым социальным угрозам и вызовам. Ее предназначение состоит в определении границ исследования вновь возникающих проблем. К числу сравнительно новых понятий педагогики мы относим терминологический конструкт «правовая ресоциализация несовершеннолетних осужденных», призванный обозначить важные образовательные процессы при сопровождении воспитанников исправительных учреждений в обстоятельствах, подлежащих регламентации нормами права. Формулирование данного понятия осуществлялось в ходе его операционализации, состоящей в выяснении того, как следует пользоваться им: проверялись его сущностные параметры, измерялась степень их проявления, устанавливалось соотношение с другими категориями и т. п. [1].

В пенитенциарной сфере ресоциализация представлена в качестве основного способа исправления осужденных, заключающегося в противостоянии негативным влияниям на личность и ведущего к успешному существованию человека в обществе. В науке даны разные определения категории «ресоциализация осужденных»; объединяющим признаком большинства толкований выступает характеристика ресоциализации как «возобновленной или повторной социализации».

Следует отметить, что существующие дефиниции ресоциализации осужденных означают общую унифицированную теоретическую конструкцию феномена «ресоциализация», которая не детализируется, не индивидуализируется и не всегда приемлема в практической деятель-

ности: глобальность ее задач делает их труднодостижимыми. В последние годы категория «ресоциализация» начинает использоваться в связи с проблематикой частных вопросов. Так, специально исследуются аспекты нравственной, правовой, трудовой ресоциализации. Те или иные уточняющие определения нацеливают на специфические подходы к процессу возобновленного интегрирования человека в общественные отношения определенного вида. Необходимость категоризации правовой ресоциализации несовершеннолетних объясняется тем, что причины подростковой преступности определяются неразвитостью у них правовой культуры, обуславливающей неспособность к ориентации в правовом пространстве и, как следствие, ведущей к совершению криминальных действий.

Актуальность выделения правовой ресоциализации как педагогической категории связана с тем, что в видении целей ресоциализации осужденных многих ученых объединяет ориентация на формирование определенных качеств правовой личности: «достижение законопослушности» [2]; приобщение индивида к «минимальным и достаточным» ценностям и нормам общества [3], «достижение социальной ответственности» [4], «устранение дефектов правосознания» [5]. Выдвижение на первый план ресоциализации проблемы формирования определенных личностных качеств особым образом повышает роль педагогической организации данного процесса, так как предметную область педагогической науки и практики составляет воспитание с присущей ориентированностью на развитие личности с целенаправленно задаваемыми параметрами.

При всем многообразии ролей права в конструкте «правовая ресоциализация» ему отводится роль нормативной среды, для успешного существования в которой несовершеннолетнему осужденному, чей социальный и правовой статус на разных этапах отбывания наказания, а также после освобождения претерпевает неоднократные изменения, необходимо быть соответствующим образом подготовленным. Включение несовершеннолетних, имеющих криминальный опыт, в правовую жизнь общества имеет свои особенности, опосредованные существующими зонами социального риска – факторами, определяющими вероятность неблагоприятного события с негативными последствиями.

Нами выделены факторы социального риска по признаку их соотнесенности со временем нахождения в пенитенциарном учреждении: допенитенциарные, пенитенциарные, постпенитенциарные.

К допенитенциарным факторам социального риска относятся обстоятельства в жизни ребенка, имевшие место до того, как он оказался в воспитательной колонии; пенитенциарные связаны с лишением свободы; постпенитенциарные опосредованы наличием судимости и проявляются после освобождения из колонии.

Среди допенитенциарных зон социального риска особое значение имеют отсутствие авторитета семьи и школы, тяжелое материальное положение, подверженность алкогольной и наркотической зависимости, психические отклонения, низкий уровень общего образования.

К пенитенциарным зонам социального риска, препятствующим правовой ресоциализации, относится негативное средовое влияние исправительного учреждения. При отсутствии поддержки со стороны семьи осужденные начинают задумываться о бесперспективности жизни. Они внутренне не соглашались с тем, что происходит перенос социальной оценки совершенного преступления на всю личность. Данное обстоятельство вызывает у них внутренний протест, и, когда своеобразной «защитой» от негативной общественной реакции становится оправдание криминального образа жизни неформальной группой других осужденных, воспитанники проявляют склонность к отождествлению себя с преступным сообществом.

К группе постпенитенциарных зон социального риска следует отнести в первую очередь отсутствие готовности государства и общества оказать достаточную поддержку лицам, освободившимся из мест лишения свободы, отсутствие системы восстановительного правосудия, предусматривающего предоставление возможности лицу, совершившему преступление, минимизировать его негативные последствия.

Адекватное восприятие перечисленных социальных рисков и способность к их преодолению связываются в нашем исследовании с педагогическим сопровождением правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных. Педагогическое сопровождение ориентировано на систематическую помощь в преодолении детьми социальных рисков и поддержку их развития таким образом, чтобы подросток мог преодолеть в себе негативные свойства, приобрести качества правовой личности путем приобщения к правовой культуре. Педагогическое сопровождение включает в себя два направления: педагогическую коррекцию деформированного мировоззрения, сформированного в результате неадекватного восприятия им правовых отношений, и развитие личности несовершеннолетнего в процессе обогащения его социально-правового опыта.

Результатом педагогического сопровождения правовой ресоциализации воспитанников исправительного учреждения выступает правовая социализированность, отражающая успешность существования в системе «человек – право». Уровень правовой социализированности как феномена культуры определяется принятием подростком ценностей права. Анализ источников информации позволяет в числе системных ценностей права рассматривать «Легальность», «Равенство», «Достоинство» [1, л. 33].

Ценность права «Легальность» означает особую значимость законности и отражает понимание необходимости права и закона как факторов упорядочения общественной жизни. Ценность права «Равенство» состоит в обеспечении им одинаковых прав и обязанностей людей и характеризует их, как равноправных субъектов. Гарантия равенства реализуется в системе прав и свобод, которые оформляются юридически.

Ценность права «Достоинство» заключается в том, что, с одной стороны, право «запрещает» человеку совершать определенные негативные действия, способные нанести существенный вред его авторитету и репутации, с другой – обеспечивает возможность реализоваться, как активной самостоятельной личности, наделенной правами и свободами. Таким образом, право определяет роль человека, как личности, его ответственность перед самим собой. Содержание ценности права «Достоинство» включает в себя два фактора: объективный, представляющий собой социальную роль человека как личности, и субъективный, в котором выражается самооценка человека.

Приобщение к ценностям права составляет стержень идеологии педагогического сопровождения правовой ресоциализации, так как только таким образом можно достичь соблюдения несовершеннолетними осужденными юридических норм на основе внутреннего принятия их справедливости и осознания ответственности по отношению к другим людям. Приобщение к ценностям права должно сопровождать коррекционные и развивающие процессы в ходе правовой ресоциализации воспитанников исправительных учреждений.

Представляется ценной точка зрения В.П. Кащенко, рассматривающего в качестве основного общепедагогического способа коррекции создание коррекционно-развивающей среды, где ребенок сможет самореализоваться, а в качестве результата коррекции – «выравнивание» детей. Исследователь утверждает, что воспитуемые под воздействием коррекции могут «выравниваться», т. е. стать такими же, как обычные дети [6, с. 203].

Таким образом, считается логичным, что правовая социализированность как результат правовой ресоциализации включает в себя комплекс личностных качеств, обеспечивающих способность и готовность человека к успешному существованию в правовом пространстве на основе принятия ценностей права. Комплекс личностных качеств в данном контексте подразумевает различные правовые параметры личности, которые могут рассматриваться как составные элементы единого понятия «правовая личность», как формы, различаемые лишь в теоретической абстракции. По сути, каждый из них олицетворяет различные способы бытия и выражения одного и того же правового начала в личности. Они

не следствие один из другого, а подразумевают друг друга и взаимно коррелятивны. Исходя из этого, каждый элемент из комплекса личностных качеств в отдельности означает разные возможности раскрытия сущности правовой личности, заключенной в едином личностном образовании. В роли такого полифункционального личностного образования выступает правовая позиция как наиболее оптимальная система личностных отношений к правовой реальности, объединяющая мировоззренческий и поведенческий аспекты существования в жизненных обстоятельствах с юридическим контекстом.

Правовая позиция несовершеннолетнего осужденного представляет собой интегральное личностное образование, характеризующееся устойчивой системой отношений к окружающему миру, которые основываются на принятии ценностей права, отстаиваются и реализуются в правовых поступках. Оперирование понятием «правовая позиция» позволяет представить содержание педагогического сопровождения правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных как коррекцию противоправных представлений, оценок и поведенческих установок, сформированных в результате неадекватного восприятия несовершеннолетними правовых отношений, и развитие у них правовой позиции – интегрального личностного образования, характеризующегося устойчивой системой отношений к окружающему миру, которые основываются на принятии ценностей права, отстаиваются и реализуются в правовых поступках [1, л. 105].

Таким образом, право реализуется в той мере, в какой человек способен его усвоить. Очевидно, что успешность правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных определяется использованием педагогических средств, призванных обеспечить усвоение правовых знаний на уровне запоминания, оценки, практического применения в повседневной жизни. В педагогическом контексте оперирование понятием «правовая ресоциализация» позволяет целенаправленно формировать у несовершеннолетних осужденных те личностные качества, актуальность которых проявляется в ходе решения ими жизненных вопросов в юридически значимых ситуациях.

1. Панова, О.Б. Педагогическое обеспечение правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / О.Б. Панова. – Ярославль, 2013. – 489 л.

2. Пищелко, А.В. Ресоциализация осужденных: психологический аспект / А.В. Пищелко // Преступление и наказание от «А» до «Я» (словарь по пенициарной психологии / под ред. Д.В. Сочивко. – М. : МПСИ, 2009. – 456 с.

3. Чернышева, А.В. Ресоциализация осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительно-трудовых колониях: правовые и организационные вопросы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.В. Чернышева. – М., 1990. – 220 л.

4. Андреев, Н.А. Ресоциализация осужденных в пенитенциарных учреждениях ФРГ : учеб. пособие / Н.А. Андреев, В.М. Морозов, О.Г. Ковалев. – М. : Права человека, 2001. – 182 с.

5. Щербаков, Е.А. Психолого-педагогические условия ресоциализации несовершеннолетних осужденных : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Е.А. Щербаков. – Самара, 2009. – 242 л.

6. Кашенко, В.П. Педагогическая коррекция: исправление недостатков характера у детей и подростков / В.А. Кашенко ; предисл. Л.В. Голованова. – М. : Академия, 2000. – 304 с.

Поступила: 02.06.2020

O.B. Panova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary of Russia)

THE LEGAL RE-SOCIALIZATION OF JUVENILE OFFENDERS AS A PEDAGOGICAL CATEGORY

The essence and meaning of the concept of legal re-socialization of juvenile offenders as a pedagogical category are considered. It is emphasized that in the vision of the goals of re-socialization of convicts, many scientists are united by the orientation to the formation of the qualities of a legal personality. On this basis, a conclusion is made about the special role of education in the framework of the pedagogical organization of legal re-socialization. As a result of the studied process, legal socialization is presented, reflecting the success of existence in the "human - law" system. It is proved that the level of legal socialization of an individual as a cultural phenomenon is determined by the acceptance of legal values. The circumstances hindering the successful legal re-socialization of inmates of correctional institutions are highlighted. Their overcoming is associated with the creation of a correctional and developmental environment focused on systematic pedagogical support to the teenager in such a way that he can eliminate negative properties in himself and acquire the qualities of a legal personality by introducing him to the legal culture.

Keywords: pedagogical category, legal re-socialization, social risks, correction, development, legal values, legal position, legal culture.

УДК 37.017:37.035

В.Г. Стуканов, кандидат психологических наук, доктор педагогических наук, профессор (Академия МВД Республики Беларусь)

ИНФОРМАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Раскрываются основные положения информационно-педагогической системы формирования правосознания личности: психолого-педагогические цели и задачи, функции системы, ее организационная структура, закономерности и прин-

ципы формирования правосознания личности информационными средствами, педагогические условия функционирования, критерии оценки эффективности.

Ключевые слова: информационно-педагогическая система, правосознание личности, информационно-психологическое воздействие, правовое воспитание.

Одной из главных задач государства является социальная профилактика правонарушений, которая предусматривает не только устранение причин и условий преступности, но и правовое воспитание членов общества. Правовое воспитание направлено на формирование определенных свойств и качеств личности, которые образуют правосознание. Одним из средств правового воспитания является целенаправленная информационная деятельность уполномоченных государственных и негосударственных органов и учреждений по формированию у граждан необходимого уровня правовых знаний, соответствующего отношения к закону, преступнику, потерпевшему, социально-правовому поведению, органам правопорядка, социально-правовые ожидания и т. д. Данная информационная деятельность, направленная на решение психолого-педагогических задач, станет эффективной только в том случае, если будет носить системный, плановый характер, учитывать закономерности, подчиняться определенным требованиям, использовать в достижении поставленных целей комплекс научно обоснованных педагогических технологий, форм и методов воздействия. В этой связи возникает необходимость разработки теоретико-прикладных основ информационно-педагогической системы формирования правосознания личности.

Учитывая результаты научных исследований [1–3], можно выделить общие признаки информационно-педагогической системы (ИПС): целостное, открытое, взаимосвязанное со средой, динамичное, имеющее иерархическую структуру, социальное образование, подчиненное целям воспитания, задаваемых обществом, и направленное на повышение эффективности воспитательно-образовательного процесса. Особенностью ИПС является использование информации как основного средства формирования личности. Информационно-педагогическая система, направленная на формирование правосознания личности, представляет собой целостную совокупность структурных и функциональных компонентов, необходимых для реализации систематического информационно-педагогического воздействия, направленного на усвоение личностью системы правовых норм, регулирующих юридически значимое поведение, и формирование готовности к их соблюдению. Объектом формирующего влияния информационно-педагогической системы является правосознание личности, предметом – свойства личности, детерминирующие направленность правового поведения человека. Нравственно-правовая

информация выступает объектом управления. К субъектам информационно-педагогической системы относятся государственные органы и учреждения, разрабатывающие государственную политику в сфере правового воспитания и управляющие информационным воздействием в правовоспитательных целях; государственные и негосударственные учреждения, средства массовой информации, институты гражданского общества, осуществляющие информационно-педагогическое воздействие посредством трансляции нравственно-правовой информации.

Методологическим основанием изучения всякой педагогической системы, в том числе информационной, выступает системный подход, выдвигающий на первый план интегративные структуры, присущие объекту или их совокупности как некой целостности. Теоретический анализ позволяет выделить следующие компоненты информационно-педагогической системы формирования правосознания личности: психолого-педагогические цели и задачи правового воспитания; функции системы; закономерности и принципы формирования правосознания личности; методические основы правового воспитания информационными средствами, включая информационно-педагогическое воздействие; критерии оценки и педагогические условия функционирования системы.

Системообразующим компонентом информационно-педагогической системы формирования правосознания личности выступает ее содержательно-целевая направленность. Цели определяют уникальность содержания педагогической системы. В целях выработки стратегических целей ИПС необходимо исходить в первую очередь из того, какие сферы юридически значимого поведения человека охватывает правосознание, какие социальные роли должен выполнять человек, реализация которых регламентирована правом и предусматривает определенные обязанности и запреты. Правосознание охватывает сферу обеспечения материальных интересов; взаимодействия с другими людьми и иными социальными субъектами, в том числе с органами государства; потребления и досуга (удовлетворения потребностей в отдыхе, развлечениях и т. п.). Учитывая содержание правоохраняемых социальных ценностей, интересы государства, общества и личности, человек должен выполнять следующие социальные роли: быть ответственным гражданином, примерным членом общества, инициативным тружеником и профессионалом, добропорядочным семьянином. В этой связи целью ИПС является формирование готовности личности:

неукоснительно соблюдать установленные законом обязанности и запреты в основных сферах юридически значимого поведения, а также укреплять ее антикриминальную устойчивость;

осуществлять социальные роли и функции, реализация которых предусматривает определенные правовые обязанности по исполнению гражданского долга защиты Отечества, участия в поддержании правопорядка и противодействия противоправным деяниям, уважительного отношения к правоохраняемым ценностям, выполнению обязанностей по содержанию и воспитанию детей, а также трудовых, налоговых и иных имущественных обязанностей и др.

Реализация указанных целей требует дифференцированного подхода к постановке психолого-педагогических задач: граждане с законопослушной направленностью поведения должны быть направлены на укрепление правопослушной позиции и предупреждение образования дефектов правосознания, а также на активное участие в защите правопорядка; для правонарушителей должно предусматриваться исправление криминогенных свойств личности, формирование ее антикриминальной устойчивости и готовности к правомерному решению жизненных проблем в различных сферах жизнедеятельности. Таким образом, информационно-педагогическая система выполняет социализационно-формирующую, профилактическую и исправительную функции. Социализационно-формирующая функция предусматривает включение личности в систему общественных отношений по приобретению необходимых правовых знаний, овладение опытом законопослушного удовлетворения потребностей и решения жизненных проблем. Профилактическая функция ориентирована на предупреждение правонарушений. Исправительная функция направлена на преодоление (устранение) дефектов правосознания, выступающих личностными предпосылками противоправного поведения.

Специфическим признаком информационно-педагогической системы является использование в процессе воспитания и развития личности информационных средств [4, 5], а именно – информационно-педагогического воздействия. Информационно-педагогическое воздействие как средство формирования правосознания личности представляет собой целенаправленный процесс предъявления вербальной и образной информации, направленной на когнитивную (знания, представления, убеждения), эмоциональную (отношения, чувства) и мотивационно-волевую (интересы, склонности, идеалы) сферы личности. Этот процесс включает в себя: обогащение социально-правовых представлений, ценностно-смысловое убеждение в необходимости действовать правомерно при обеспечении личных интересов, эмоционально-образное влияние, вызывающее положительное отношение к правоохраняемым ценностям, способам действий и их субъектам, внушающее воздействие по формированию оце-

ночных отношений к правовым предписаниям, правомерному и противоправному поведению его субъектам. Информационно-педагогическое воздействие представляет собой открытое и правомерное (не манипулятивное) воздействие, когда человеку предоставляется полная информация (факты, сведения), а также свобода выбора, отсутствие преследования цели принуждения к поведению во вред самому себе.

Необходимой характеристикой всякой теории, в том числе концептуальных основ информационно-педагогической системы формирования правосознания личности, выступает «ее прогностическая ценность» [8, с. 38], которая возможна на основе знания закономерностей. Полученные в психологии и педагогике результаты исследования психического развития, формирования личности в процессе воспитания являются теоретико-методологическим основанием выделения закономерностей формирования правосознания личности.

Формирование свойств личности происходит по своеобразным законам, выражающим собой теоретико-методологическое содержание принципа развития в психологии [6–11]. Его основные положения заключаются в том, что психическое развитие, в том числе формирование правосознания личности, обусловлено: взаимодействием внутренних (личностных) и внешних (социальных) условий; зависимостью данного процесса от потребностей общества в должном уровне правопорядка, а также содержанием государственной политики в сфере правового воспитания; характером взаимоотношений между субъектами информационно-педагогической системы; происходит неразрывно, имеет преемственность стадий формирования (каждая последующая основывается на предыдущей); взаимообусловлено развитием различных структурных уровней личности как системы психических свойств; происходит в результате формирования новых психических образований (представлений, убеждений, впечатлений, чувств и др.), которые сталкиваются с уже имеющимися, что приводит к внутриличностным противоречиям и конфликтам, амбивалентности чувств и отношений.

Теоретический анализ [12–15] позволяет выделить закономерности формирования правосознания личности информационно-педагогическими средствами:

с увеличением объема транслируемой информации происходит углубление нравственно-правовых знаний, но при этом существует оптимальный объем информации, превышение которого приводит к притуплению ее восприятия, возникновению барьеров, препятствующих ее усвоению;

социально-правовые представления закрепляются, если имеющиеся знания и убеждения реципиента, а также получаемые информационные сообщения имеют одинаковую эмоциональную модальность;

нравственно-правовая информация не усваивается, если ее интенсивность существенно ниже информации деструктивной по нравственно-правовому содержанию;

детализация сведений о явлениях правовой действительности в транслируемой информации выступает ведущим фактором формирования отношения к ним, содержание которого зависит от положительного или отрицательного характера информации;

усвоение нравственно-правовой информации повышается в результате ее сопровождения ценностно-смысловой и эмоционально-образной интерпретацией;

усвоение нравственно-правовой информации зависит от подготовки реципиентов к ее восприятию, которое обеспечивается актуализацией ее значимости с точки зрения личных потребностей и интересов, а также использования эмоционально-образных средств привлечения и удержания внимания;

усвоение нравственно-правовой информации существенно зависит от отношения к субъекту ее трансляции, которое определяется его эмоционально-образной представленностью, социально-ролевой идентичностью и признаваемой компетентностью.

Формирование правосознания личности информационно-педагогическими средствами подчинено общим и специальным принципам. К общим относятся целесообразность, научность, этичность, а также обоснованное сочетание различных методов, форм и средств воздействия. Специальными принципами информационно-педагогического воздействия являются:

направленность информационного потока на раскрытие моделей правопослушного поведения, законопослушных способов удовлетворения потребностей и разрешения жизненных проблем; повышение активности в оказании помощи правоохранительным органам в поддержании правопорядка;

систематичность: социально одобряемые идеи, правопослушные образы, модели и способы должны постоянно повторяться в транслируемой информации нравственно-правового характера;

доступность и реальность: транслируемые идеи, образы и модели социально приемлемого поведения должны быть понятными, конкретными, аргументированными, реальными, т. е. соответствовать субъективным и объективным возможностям индивида, простыми для восприятия и понимания;

эмоциональность и рациональность: нравственно-правовая информация должна быть рациональной по сути и эмоциональной по окраске, преимущественно окрашена положительными эмоциями;

ассоциативность: образ законопослушного гражданина должен ассоциироваться с успехом, престижем и уважением в обществе, семейным благополучием, материальным достатком, уверенностью в завтрашнем дне; образ правонарушителя – с неуверенностью, одиночеством, неудачами, отчужденностью, презрением и т. д.;

опосредованность (не должно быть дидактичным);

дифференцированность (в зависимости от объекта);

своевременность контрвоздействия (в ответ на деструктивное, компрометирующее, дискредитирующее и пр.);

многоканальность.

Информационно-педагогическая система формирования правосознания личности требует адаптации к социальным условиям, к которым относятся состояние правопорядка (динамика и структура преступности), социально-политическое развитие государства (политические и межнациональные, религиозные конфликты, вооруженные столкновения), уровень экономического благосостояния граждан, результативность деятельности органов государственной власти и общественное отношение к ним. Эффективность функционирования информационно-педагогической системы формирования правосознания личности зависит от наличия информационно-педагогической политики, нормативной правовой базы ее деятельности, наличия специальной, теле-, видео-, радиопродукции, литературы и иной печатной продукции нравственно-правового характера, разработанности средств, форм и методов правового воспитания, просвещения и образования, уровня педагогической компетентности субъектов воздействия.

Критериями эффективности информационно-педагогической системы формирования правосознания личности являются повышение уровня правовой осведомленности граждан, позитивная социальная реакция на транслируемую нравственно-правовую информацию, возрастающий либо стабильно высокий интерес к ней, конструктивный характер отношений между сторонами информационно-педагогического взаимодействия, что находит свое проявление в объективных результатах в виде снижения уровня уголовных и административных правонарушений в обществе, повышении активности граждан по участию в охране общественного порядка, оказанию помощи в изобличении преступников.

Процесс правовоспитательной деятельности всегда протекает в условиях той или иной педагогической системы. Как правило, эти системы разрабатывались на основе определенных идей, концепций, прямо не направленных на формирование законопослушной личности, преследующих иные цели воспитания, образования и обучения. В на-

стоящем исследовании предпринята попытка моделирования и теоретического обоснования основных положений (компонентов) специальной информационно-педагогической системы, которая стратегической задачей ставит формирование правосознания личности и социальную профилактику правонарушений. Именно целевая направленность системы обуславливает ее уникальность. Социальный заказ, выражающийся в потребности общества в снижении уровня преступности, нейтрализации деструктивного информационного воздействия на граждан, определяет актуальность, необходимость создания и реализации данной системы.

1. Караковский, В.А. Воспитание? Воспитание... Воспитание! Теория и практика школьных воспитательных систем / В.А. Караковский, Л.И. Новикова, Н.Л. Селиванова. – М. : Новая шк., 1996. – 160 с.

2. Ковалев, А.П. Педагогические системы: оценка текущего состояния и управления / А.П. Ковалев. – Харьков : ХарькГУ, 1990. – 153 с.

3. Теория и практика воспитательных систем / редкол.: Л.И. Новикова [и др.]. – М. : ИТП и МИО РАО, 1993. – 349 с.

4. Абрамян, Г.В. Теоретические основы профессионального становления педагога в информационной среде : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.08 / Г.В. Абрамян. – СПб., 2001. – 510 л.

5. Ахаян, А.А. Теория и практика становления дистанционного педагогического образования : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.08 / А.А. Ахаян. – СПб., 2001. – 439 с.

6. Анцыферова, Л.И. Категория развития в психологии / Л.И. Анцыферова, Д.Н. Завалишина, Е.Ф. Рыбалко // Категории материалистической диалектики в психологии. – М. : Наука, 1988. – С. 22–55.

7. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – СПб. : Питер, 2001. – 288 с.

8. Брушлинский, А.В. Субъект: мышление, учение, воображение / А.В. Брушлинский. – М. ; Воронеж : МОДЭК, 1996. – 392 с.

9. Выготский, Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. / Л.С. Выготский ; под ред. А.М. Матюшкина. – М. : Педагогика, 1983. – Т. 3. – 368 с.

10. Леонтьев, А.Н. Развитие психики в онтогенезе / А.Н. Леонтьев // Избранные психологические произведения : в 2 т. – М. : Педагогика, 1983. – Т. 1. – С. 280–385.

11. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии : в 2 т. / С.Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1989. – Т. 1. – 448 с.

12. Карпунин, О. Влияние на человека / О. Карпунин, Э. Макаревич. – М. ; Барнаул : Пикет, 2001. – 385 с.

13. Надирашвили, Ш.А. Психология пропаганды / Ш.А. Надирашвили. – Тбилиси : Мецниереба, 1978. – 122 с.

14. Шрейдер, Ю.А. Системы и модели / Ю.А. Шрейдер. – М. : Радио и связь, 1982. – 152 с.

15. Хромов, Л.И. Теория информации и теория познания / Л.И. Хромов. – СПб. : Рус. филос. о-во, 2006. – 200 с.

Поступила: 10.06.2020

V.G. Stukanov, Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Professor (Academy of the MIA of the Republic of Belarus)

INFORMATION AND PEDAGOGICAL SYSTEM OF LEGAL EDUCATION OF A PERSONALITY

The article deals with the basic provisions of the information and pedagogical system of formation of legal consciousness of the person: psychological and pedagogical aims and objectives, functions of the system, its organizational structure, laws and principles of justice of the individual information means, pedagogical conditions of functioning, as well as performance benchmarks.

Keywords: information and educational system, legal consciousness of the person, information and psychological impact, legal education.

Раздел III ЮРИДИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.4 + 355.01

В.Т. Коновалов, кандидат исторических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Раскрываются цели, задачи информационной войны, механизм экспансии массовой культуры, разрушения сознания молодежи. Обосновывается необходимость защиты духовного суверенитета от внутренних и внешних угроз, укрепления духовного базиса во всех сегментах информационного поля Беларуси. Акцентируется внимание на важности формирования у молодых граждан мировоззрения, возвышающего духовно-нравственные ценности над экономическими и политическими процессами в качестве жизненных ориентиров, стратегических целей и идеалов.

Ключевые слова: информационная война, культурная экспансия, идеология глобализма, трансгуманизм, кибероружие, духовная безопасность, духовный суверенитет.

Национальная безопасность – многоплановое явление, охватывающее все сферы и уровни жизни. Одной из ее форм является духовная безопасность, которая представляет собой систему социальных условий и факторов, обеспечивающих состояние защищенности человека, его сознания, отношений с окружающим миром от воздействия различных угроз.

Современный этап общественного развития характеризуется новым нажимом Запада на Восток. В конце XX в. Запад во главе с США перешел к новой тактике – информационной войне. Одним из зачинателей информационной войны против СССР является бывший руководитель ЦРУ Аллен Даллес, разработавший план уничтожения Советского Союза изнутри. Ставка в такой войне делалась на внутреннюю контрреволюцию, на развал с ее помощью страны изнутри путем идейно-нравственного разложения общества, подмены истинных традиционных ценностей фальшивыми западными, разжигания национальной вражды, поощрения коррупции и взяточничества, и самое главное, – растление молодежи.

Психологи Гарвардского университета в 1950 г. разработали и предложили президенту США проект использования против славян «нового оружия», более страшного, чем ядерное, получившее название Гарвард-

ского проекта. Основной удар предлагалось наносить по сознанию и психике людей, воздействуя на все сферы их жизнедеятельности. Цель проекта – вытравить из людей классовое самосознание, патриотизм, трудовую этику, чувства [1].

В конце XX в. правительством США была принята программа «Преобразования человека» У. Хармона [2, с. 96–127]. Цель данной программы – постепенно добиваться изменения образа мысли и представлений широких народных масс в направлении сдерживания развития свободной мысли и сознания в целом. При этом задача заключалась в ослаблении существующих в народе устоев, природного здорового смысла; приглушение памяти о прежнем жизненном опыте, приведении общества в состояние умственной и эмоциональной нестабильности и раздорам.

В современных условиях разработано новое информационно-психологическое оружие, направляемое на разрушение духовного потенциала славянских народов, их смысло-жизненных ценностей, идеалов и ориентиров. Это оружие представляет комплекс систематических, целенаправленных и долгосрочных действий, цель которых – установление контроля над психосферой общества, прежде всего над психосферой его властной и интеллектуальной элиты с последующим ее стиранием и замещением своей [3, с. 142]. Основными «фронтами» психотронной войны являются образование, общественные науки, средства массовой информации.

Наши недруги стремятся выбить из нас духовную основу существования народа. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь отмечается, что «предпринимаются попытки формирования и навязывания идеологии глобализма, призванной подменить или исказить традиционные духовно-нравственные ценности народов» [4, с. 5].

Людам прививается чуждая система лжеценностей, «философия удовольствия». В нас пытаются уничтожить вектор напряженности устремлений, т. е. свести жизнь к мелким целям: вкусно поесть, попить, хорошо отдохнуть, сделать карьеру. Президент Республики Беларусь, выступая на IV Европейском православно-католическом форуме (июнь 2014 г., г. Минск), выразил обеспокоенность тем, что «культ потребления и погоня за удовольствиями становятся реальными угрозами моральной деформации общества» [5].

Происходит «разжижение» и «омертвление» духовного пространства, вытеснение классической культуры продукцией массовой культуры, которая «загоняет» мысль в русло мелких, обыденных пристрастий, пытается свести человеческие интересы к мелкому любопытству равнодушного обывателя, вывести их из круга общенациональных и общегосударственных проблем и представлений.

Механизм экспансии американской массовой культуры охватывает различные сферы социально-культурной жизни Беларуси. Чуждая заграничная жизнь широким потоком изливается на зрителей с экранов белорусских кинотеатров. В их репертуаре от 50 до 70 % – иностранные фильмы [6, с. 51]. На больших и телевизионных каналах господствует американская продукция: в основном боевики, мелодрамы, фильмы-катастрофы, которые вестернизируют сознание зрителя. Телевидение осуществляет разрушительную роль, хотя, по сути, является духовно-стратегическим оружием. И государство не должно выпускать его из своих рук.

В современной литературе господствуют криминальные романы, в которых открыто пропагандируется технология насилия и убийств, бульварное чтиво для сентиментальных и полупорнографические подделки, восхваляются сексуальные извращения. Подобные процессы наблюдаются в изобразительном искусстве, артдизайне [7, с. 160].

В театральном искусстве доминируют пьесы зарубежных авторов, прежде всего модернистского характера. На эстраде преобладают пошлость и бездуховность, безголосые рок-певцы используют ненормативную лексику. Юмористы глумятся над историей, высмеивают традиции народов. Визитную карточку Беларуси активно представляют постмодернисты. Везде просматривается унылая бездуховность, упакованная в формы, которые неотличимы одна от другой [8, с. 167].

Глобалисты, пытаясь произвести свои национально-культурные парадигмы, стремятся активно формировать на постсоветском пространстве культуру «рока-секса-наркотиков» [9, с. 162]. В одной из программ российского радиовещания пропагандируются группы так называемого «металлического рока». Из 700 самых популярных песен «тяжелого металла» об убийстве говорят 50 %, о самоубийстве – 7 % и о сатанизме – 35 % [10]. При этом 80 % российских теле- и радиопередач, печатных изданий работают на развращение и расслабление населения [11].

Все это приводит к подрыву психического здоровья людей. Исследования российских ученых свидетельствуют, что одной из главных причин смертей русских людей является депрессия возмущенной психики в результате чувства ненужности и замены привычных нравственных ценностей чужими суррогатами. Не проходит это бесследно и для граждан нашей страны, так как в белорусском эфире доминируют зарубежные телерадиостанции, в основном российские [6, с. 60].

Тяжкий урон здоровой психике людей наносит реклама, которой заполнены практически все каналы телевидения, радио и Интернет. Реклама занимает около 50 % эфирного времени [12], захлестывая все разумное. Она отрицательно влияет на общественное и индивидуальное

сознание, примитивизируя и вульгаризируя стиль и образ мышления словесными блоками и штампами. Обосновывается все это коммерческой целесообразностью и необходимостью. В то же время возможности рекламы не используются в конструктивном плане, для борьбы с антиобщественными явлениями и вредными привычками: курением, алкоголизмом, наркоманией населения и т. д.

Правовая неопределенность позволяет дельцам любого пошива делать рекламу средством наживы за счет психического и физического здоровья большинства граждан белорусского народа.

Из СМИ потоками рекламы осуществляется засорение родного языка все новыми и новыми английскими словами. Идет духовная оккупация нашей Родины путем внедрения в сознание граждан страны англицизмов-американизмов. В 1961 г. состоялась англо-американская конференция по экспансии английского языка. На ней было принято решение, что «английский должен стать господствующим языком и заменить другие языки и создаваемые ими картины мира» [13, с. 252].

Жизнь постоянно меняется, новые явления, предметы требуют новых слов. Но мы не создаем новых (русские, белорусские) слов, мы принимаем иноязычные. Мы разбавляем свой язык словами-эмигрантами.

Прослушивание 20 российских радиоканалов, на которых звучали песни, показало, что из 20 песен в 20 программах лишь 3 звучали на русском языке, остальные – на английском. Получается, что только 15 % отечественного информационного поля засеяно русскими семенами, а 85 % – это уже американо-европейская культурная нива [14]. По тому, какие песни поет народ, сразу можно судить о его духовности и нравственном состоянии.

Заметны перекосы в изучении белорусского языка в школе. В 5–6 классах на изучение английского языка предусмотрено шесть часов в неделю, четыре часа русского и два часа белорусского. Результаты социологического опроса свидетельствуют, что только 5 % белорусов предпочитают читать белорусскоязычную литературу, многие ее не читают, потому что плохо владеют языком [15].

Сохранение языка является стратегической задачей государства в деле защиты культурно-нравственного суверенитета. Язык – это культурное ядро нации. Размывается язык – ослабляется дух народа, который является выразителем его самосознания.

Одним из самых эффективных видов информационного оружия является идеологема толерантности. В ней особое место отводится воспитанию чувства толерантности как неспособности и нежелания оказывать сопротивление внешнему воздействию, покорной готовности

принять любые идеи и стереотипы поведения и уравнивать их со своими национальными ценностями. Насаждение толерантности в обществе, которая вводится в ранг фетиша, может привести к потере иммунитета, стиранию грани между добром и злом в мировоззрении людей.

В современной информационной войне особое значение придается изменению мировоззрения и образа жизни молодежи. В США действует более 200 мозговых центров [16, с. 109], где разрабатываются проекты по созданию молодежных субкультур и контркультур, по совершенствованию манипулятивных технологий, методов управления личностью, группой, обществом, осуществлению операций спецслужб по смене режимов, организации цветных революций, бунтов и иных катаклизмов, по контролю над рождаемостью, духовным здоровьем нации.

Сегодня одним из источников угроз национальной безопасности является «изменение шкалы жизненных ценностей молодого поколения в сторону ослабления патриотизма и традиционных нравственных ценностей, наличие в обществе криминальных тенденций и проявлений» [4], которые оказывают отрицательное воздействие на духовный мир личности.

Ослабление патриотизма и других традиционных ценностей подтверждают данные социологического опроса, проводившегося Аналитическим центром ЕсооМ в мае – июне 2011 г. (опрошено было 1 925 граждан Беларуси в возрасте от 16 до 31 года). На вопрос «Считаете ли Вы себя патриотом Беларуси?» ответили «да» – 38,4 %, «скорее да, чем нет» – 10,59 %. В ответе остальных респондентов не прослеживается патриотическая позиция [17].

Особое беспокойство вызывают ценностные ориентации учащейся молодежи, отраженные в многочисленных социологических исследованиях страны. Только 1 % опрошенных участников школ и профтехучилищ Беларуси связывают свое представление о патриотизме с активной и полезной для общества трудовой деятельностью [18, с. 98]. Стать профессионалом – такой цели в жизни придерживаются 34 % молодых людей [19]; 33,3 % выпускников средних специальных заведений и ПТУ считают, что профессиональный успех может быть обеспечен за счет хитрости и ловкости; 50,9 % придают значение наличию нужных связей, способствующих получению высокооплачиваемого и престижного места работы, продвижению по карьерной лестнице. Во взглядах учащейся молодежи происходит девальвация определенных нравственных качеств. Так, только 21,7 % опрошенных придерживаются важнейших этических ценностей – принципиальности и порядочности [20, с. 239–240].

Сходные тенденции ценностных ориентаций молодежи выявлены в Российской Федерации. Социологические данные, полученные Ин-

ституту стратегических исследований и прогнозов РУДН, показывают следующую структуру жизненных ценностей студентов 1–5 курсов учебных заведений высшего образования страны: служение Родине и совершенствование общества – 3,8 %; личная свобода и независимость – 26 %; жить в свое удовольствие – 23 %; духовная жизнь и вера в Бога, образование и познание – около 10 % [21, с. 3].

У молодежи, которая через 10 лет будет определять ситуацию в стране, в том числе политическую, нет ни общей идеи, ни общей цели, ни общей мечты. Их устремления направлены на личные цели.

Социологические исследования, проводившиеся в 2012–2013 гг. в ряде новосибирских учреждений высшего образования, показали, что более половины студентов считают возможным оправдывать измену Родине, и даже среди курсантов высшего военного училища такое мнение выразили около 15 %. Только половина студентов выбирают свою страну для постоянного места жительства. Более того, согласно многим социологическим исследованиям, уровень патриотического и гражданского самосознания по мере продвижения от начальных к последнему классу средней школы и от первого к выпускному курсу в целом не повышается. Следовательно, делают вывод исследователи, воспитательная функция системы образования в целом имеет асоциальную направленность [22, с. 167].

Сегодня сфера образования становится главным полем информационной войны, духовного противоборства [23, с. 226]. Ставится задача, во-первых, интеграция нас в глобальное образовательное пространство, которая должна работать на транснациональный бизнес; во-вторых, перевод людей на совершенно другую систему ценностей, перестройка или формирование мировоззрения обучающихся.

Речь идет об изменении природы человека и превращений его в некий биообъект и основной источник прибыли. Важной ступенью этого процесса являются университеты, где внедряется система по наполнению человека определенными компетенциями. В учебные планы сначала были внедрены западные стандарты, заменившие знания компетенциями, потом ввели американский продукт ЕГЭ, ставший главным инструментом образования. Затем начали переводить обучение на платные услуги.

В высшей школе Республики Беларусь наблюдается резкое сокращение социогуманитарной составляющей обучения. «Такого рода спецоперацию, – считает доктор философских наук, профессор Ч. Кирвель, – нельзя охарактеризовать иначе как подрыв духовных оснований нашего национального образования» [24, с. 115–116].

Классическое образование не удовлетворяет нуждам постиндустриального общества, растет запрос на получение не объема общих зна-

ний и умений, а строго определенных навыков, т. е. все, что не приносит дохода, как, например, гуманитарное и историческое образование, просто не нужно. Вместо этого навязывается трансгуманизм, который нацелен на изменение человеческой природы, телесной и духовной, формирует постчеловеков, киборгов. Обучающиеся должны избавиться от непреходящих, собственных человеческих свойств: национально-исторического сознания, веры и культуры.

Оппоненты власти в Республике Беларусь и за ее пределами стремятся использовать возможности интернета, его сетевые ресурсы для дестабилизации межэтнических отношений. На сайтах преднамеренно обращается внимание на вымышленный характер взаимодействия представителей национальных меньшинств. В порталах отечественных общественных объединений, движений, фондах, информационных центрах, онлайн-изданий белорусы представляются в качестве основной этнической группы, якобы подвергающейся «деструктивному воздействию политического режима» [25, с. 88]. Результаты исследования сетевых ресурсов интернета свидетельствуют, что они, по сути, являются важным звеном в решении стратегической задачи – отработке технологий создания виртуальной конфликтной среды в Беларуси.

От контента, который наполняет интернет, зависит во многом мировоззрение молодых людей. Сейчас все программное обеспечение, операционные системы и системы управления базами данных у нас импортные. По сей день Беларусь, как и Россия, находится в полной зависимости от западных поставщиков компьютерной техники и программного обеспечения.

Наша страна насквозь прозрачна для ее врагов. «В условиях открытости информационного пространства страны к конкуренции со стороны иностранного информационного продукта, отмечается в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, недостаточной остаются качества и популярность белорусского национального контента» [4, с. 14].

В настоящее время особую актуальность приобрели вопросы кибербезопасности, защиты национального интернет-пространства. Кибервойна, развязанная США, ведется из штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли, из европейских стран путем организации хакерских групп в Грузии, Латвии, Литве, Эстонии, Польше, Киргизии, Казахстане [26, с. 27–28]. Противник пользуется тем, что у нас повсеместно используется импортное компьютерное оборудование и софт, которые напичканы «закладками», способными в любой момент привести к сбоям и диверсиям на жизненно важных объектах – электростанциях (в том числе атомных), трубопроводах, системах добычи и переработки полезных ископаемых,

транспорте, в военной области, космосе, финансово-денежном обращении. Кибервойна органически включает компанию шантажа, угроз и политических убийств патриотически настроенных деятелей. Кибероружие применяется в совокупности с другими методами, которые в целом называют информационной войной.

Одним из важнейших участков информационного противоборства является битва за историю. Определенные политические силы либерального направления по приказу из ОБСЭ и Евросоюза предпринимают немалые усилия по фальсификации истории Великой Отечественной войны. Они стремятся доказать тождество нацистского и коммунистического режимов, взвалить ответственность за развязывание Второй мировой войны на Германию и СССР.

Обществу навязывается иной взгляд на белорусскую историю, в соответствии с которым исторический путь Беларуси никак не вписывается в логику развития русской цивилизации, русского мира, неотъемлемой частью которого является наша страна. Определенные «европеизированные» историки утверждают, что исторически Белоруссия развивалась вне общерусской истории. Преподносят Княжество Литовское и Речь Посполитую в качестве белорусских феноменов и белорусской демократии [22, с. 168]. Исторический ревизионизм и кризис идентичности приводит часть аудитории к разрыву с русскими корнями, отождествлению себя с литвинами.

Итак, сегодня главный театр войны – духовный. Против нас ведется тотальная война в области культуры, образования, мировоззрения, отечественной истории, не менее опасная и разрушительная, чем «горячая». Глава государства, вручая премии «За духовное возрождение» (январь 2018 г.), подчеркнул, что в современных условиях идет невидимая борьба, в том числе и за душу человека. С разных сторон подвергаются атакам христианские основы морали. Разрушаются традиционные семейные устои. Под воздействием информационного потока изменяются мировоззрения и образ жизни людей [28, с. 1].

Для препятствования повреждению информационной среды Беларуси необходимо, во-первых, знание информационных возможностей и стратегических целей противника, во-вторых, организационная и информационная защита, в-третьих, оперативно подготовленное информационное контрнаступление.

Основным объектом поражения в информационной войне является человек. По этой причине мы должны научиться защищать не только свою территорию от вражеской агрессии, но и души наших соотечественников, духовный суверенитет народа.

XVII Международная научно-практическая конференция «Духовный суверенитет русско-славянского мира» (Минск, апрель 2018 г.) призвала глав государств, правительств, парламентов и общественность славянских государств направить усилия на единение славян, на отпор усиливающейся агрессивности империалистического Запада и неофашизму, выработать общую позицию по обеспечению безопасности стран славянского мира [29, с. 10].

Новые вызовы и угрозы, возникшие в XXI в., обуславливают необходимость укрепления духовного базиса во всех сегментах информационного поля страны. Прежде всего на повестку дня ставится вопрос о защите нашего информационного пространства. В Послании Президента А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию (2016 г.) отмечается: «Не секрет, что Беларусь «простреливается» различными информационными потоками. Поэтому необходимо умело и системно противостоять негативным явлениям, защищая интересы белорусского народа и государства. Клевете, различным инсинуациям нужно давать решительный отпор» [30, с. 12].

Огромную духовную миссию несет в себе национальное телевидение. Отмечая его значимость, Глава государства подчеркивает, что «сегодня, в эпоху спутникового телевидения, когда человеку доступен весь телевизионный мир, наш внутренний телепродукт должен быть высочайшего класса. Это не просто конкуренция, не просто информационное соперничество. Это – борьба идеологий... Белорусское телевидение должно находиться на переднем крае государственного строительства, формировать и вести за собой общественное мнение, а не только отражать его» [6, с. 61–62].

Осознание информационной войны требует духовной мобилизации народа. Не просто организационной или военной, а именно духовной, на основе общенациональных ценностей, разработки механизма воплощения их в систему мировоззрения человека. Без твердого духовного базиса, без четкого ориентира достичь успеха в какой-либо деятельности невозможно. Глава государства, выступая с докладом на IV Всебелорусском народном собрании отметил: «Будущее нашей страны определяется духовным здоровьем нации, которая вместе с высокими моральными принципами, патриотизмом, активной гражданской позицией составляет основу нашего общества, гарантирует его устойчивость и является главным источником его развития» [31, с. 9].

Решающую роль в формировании мировоззрения человека играют социально-гуманитарные науки. Однако этот важнейший духовный ресурс в последнее время стал недооцениваться в высшей школе по причине приведения ее в соответствие со стандартами Болонского процесса.

В связи с этим профессор Я.С. Яскевич отмечает, что важно не потерять наработанные в отечественной высшей школе рациональные подходы по формированию целостного мировоззрения через преподавание философии, логики, этики, религиоведения, эстетики, социологии, политологии, истории, которые необходимо сохранить в высшей школе для формирования гуманистической культуры студентов» [32, с. 76–77].

Духовными скрепами белорусского общества являются национальная культура и христианство, как духовно- и государствообразующая вера, ставшая фундаментом формирования базисных ценностей белорусского народа.

Ведущую роль в жизни страны выполняет государственная идеология, которая определяет мировоззрение людей и, соответственно, их действия. Мировоззренческую основу идеологии белорусского государства составляют базовые принципы: единство нации, социальная справедливость, солидарность, нравственность [4, с. 12], которые являются определяющими духовными ориентирами общества. Сегодня особую актуальность в стране приобрели такие ценности, как государственность, семья, культура, патриотизм, коллективизм, бережное отношение к языку, собственной истории, национальным традициям и обычаям.

Платформа базисных ценностей, оптимизированная к современным условиям, по нашему мнению, должна стать духовно-нравственной основой обеспечения единства белорусского общества, ядром формирования духовного мира личности.

Деятельность всех социальных институтов должна быть приведена в соответствие с национальными интересами белорусского народа, направлена на сохранение и умножение духовного и историко-культурного потенциала страны [4, с. 35]. Приоритетами для идеологических работников на всех уровнях должны стать духовно-нравственное воспитание молодежи (наряду с профессиональным, патриотическим и идейно-политическим), а также формирование в молодежной среде здорового образа жизни [33].

В центр воспитательного процесса, на наш взгляд, должна быть поставлена задача формирования мировоззрения, возвышающего духовно-нравственные ценности над экономическими и политическими процессами в качестве жизненных ориентиров, стратегических целей и идеалов.

На республиканском семинаре руководящих работников по вопросам совершенствования идеологической работы акцентировалось внимание на необходимость определения единого мировоззренческого стержня для всех обществоведов при разработке учебников и пособий, повышения ответственности преподавателей за содержание идейно-нравственного воспитания в системе образования [6, с. 41–49]. Вопро-

сы мировоззренческие, вопросы судьбы своей страны и своего народа, избранного пути развития, вопросы воспитания гражданина не должны быть частным делом преподавателя.

Сегодня самое главное – заложить в сознание подрастающего поколения нравственный фундамент. Обеспечить решительный поворот от ориентации на воспитание человека с потребительским обыденным сознанием к воспитанию человека – созидателя, патриота, гражданина. Необходимо воспитывать у молодежи культ долга, ответственности, служения Родине, товарищества, коллективизма, взаимовыручки, творческого труда. Стране нужны созидатели во всех сферах нашей жизни.

Таким образом, общенациональные ценности, воплощенные в систему мировоззрения человека, – надежный духовно-нравственный щит национальной безопасности Республики Беларусь. Их сохранение и развитие является важнейшей задачей государственных и общественных организаций. Только сохранив свою духовность, свой язык, свою культуру, свою историю, то, что называется белорусскостью, мы обретаем возможность выстоять перед новыми испытаниями.

1. Братищев, И.М. Алгоритм разъединения славян / И.М. Братищев // Рус. вестн. – 2016. – № 16–17. – С. 4.
2. Колеман, Дж. Комитет 300. Тайна мирового правительства / Дж. Колеман. – М. : Витязь, 2001. – 318 с.
3. Фурс, А. Русофобия – психоисторическое оружие Запада / А. Фурс // Наш современник. – 2016. – № 1. – С. 141–148.
4. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. – Минск : Белорус. дом печати, 2011. – 47 с.
5. Защитить христианские ценности // 7 дней. – 2014. – 5 июня. – С. 3.
6. О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию : материалы постоянно действующего семинара руководящих работников респ. и местн. гос. органов / редкол.: О.В. Пролесковский [и др.]. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2003. – 192 с.
7. Смольский, Р. Искусство в условиях глобализации / Р. Смольский // Беларусь. думка. – 2007. – № 4. – С. 154–161.
8. Шелехов, М. Свет земных мадонн / М. Шелехов // Наш современник. – 2016. – № 7. – С. 163–171.
9. Медведева, И. Диктатура безумия / И. Медведева, П. Шишова // Молодая гвардия. – 2016. – № 1–2. – С. 160–185.
10. Козин, А. Кто правит бал в России / А. Козин // Рус. вестн. – 2015. – № 2. – С. 16.
11. Гревцев, И. Кто обуздает обнаглевших русофобов / И. Гревцев // Рус. вестн. – 2016. – № 18. – С. 13.
12. Ковалёв, В.М. Реклама, или Горгашеские формы геноцида / В.М. Ковалёв // Рус. вестн. – 2017. – № 6. – С. 7.

13. Рыбин, В. О языковой политике государства / В. Рыбин // Молодая гвардия. – 2017. – № 3. – С. 252.
14. Гревцев, И. Убивают душу народа / И. Гревцев // Рус. вестн. – 2016. – № 4. – С. 11.
15. Рублевская, Л. Литература принадлежит всем / Л. Рублевская // СБ. Беларусь сегодня. – 2014. – 24 окт.
16. Елишев, С. Молодежь как объект манипуляции / С. Елишев // Молодая гвардия. – 2016. – № 9. – С. 107–120.
17. Социологический опрос. Аналитический центр Ессom // Беларус. думка. – 2011. – № 7. – С. 19.
18. Бабосов, Е.М. Основы идеологии белорусского государства : курс лекций / Е.М. Бабосов. – Минск : Амалфея, 2012. – 212 с.
19. Молодежь об успешности и жизненной цели : Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь // СБ. Беларусь сегодня. – 2015. – 20 янв. – С. 2.
20. Духовно-нравственные ценности в формировании современного человека / О.А. Павловская [и др.]; под ред. О.А. Павловской ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 450 с.
21. Егорченков, Д.А. Мифология русской мечты: доклад на «круглом столе» Изборского клуба / Д.А. Егорченков // Завтра. – 2019. – № 2. – С. 1, 3.
22. Турченко, В. «Реформы образования» – это деградация России / В. Турченко // Молодая гвардия. – 2014. – № 7–8. – С. 163–178.
23. Четверикова, О. За реформой образования Российской Федерации стоят спецслужбы США / О. Четверикова // Молодая гвардия. – 2016. – № 5–6. – С. 223–234.
24. Кирвель, Ч. Что поставлено на карту / Ч. Кирвель // Молодая гвардия. – 2014. – № 9. – С. 104–131.
25. Макаров, А. Левиафан тысячелетия / А. Макаров // Беларус. думка. – 2015. – № 11. – С. 88–92.
26. Иванов, Н. США: новые методы террора / Н. Иванов // Молодая гвардия. – 2018. – № 5–6. – С. 16–30.
27. Криштапович, Л. Белорусский путь вместе с Россией / Л. Криштапович // Молодая гвардия. – 2016. – № 5–6. – С. 68–90.
28. Государство – это Мы // СБ. Беларусь сегодня. – 2018. – 10 янв. – С. 1.
29. Довыденко, Л. О духовном суверенитете русско-славянского мира / Л. Довыденко // Рус. вестн. – 2018. – № 10. – С. 5.
30. Наше главное достояние: мир, стабильность и согласие в обществе // Беларус. думка. – 2016. – № 5. – С. 3–5.
31. Лукашенко, А.Г. Наш исторический выбор – независимая, сильная и процветающая Беларусь : доклад Президента Республики Беларусь на четвертом Всебелорусском народном собрании / А.Г. Лукашенко // СБ. Беларусь сегодня. – 2010. – 7 дек. – С. 9.
32. Яскевич, Я. Выход в публичное пространство. Современная философия как стратегия опережения времени / Я. Яскевич // Беларус. думка. – 2016. – № 2. – С. 71–77.

33. Макей, В. Единство нации, сильная власть, народная политика – наш безусловный авторитет: из выступления на республиканском семинаре-совещании «Система идеологической работы в Республике Беларусь: современное состояние и перспективы развития» / В. Макей // Беларус. думка. – 2010. – № 4. – С. 3–9.

Поступила: 18.06.2020

V.T. Konovalov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
SPIRITUAL SECURITY PROBLEMS IN THE CONDITIONS OF THE INFORMATION WAR

It reveals the goals and objectives of the information war, the mechanism of expansion of mass culture, the destruction of the consciousness of youth; substantiates the need to protect spiritual sovereignty from internal and external threats, to strengthen the spiritual basis in all segments of the information field of Belarus. It shows the importance of creating a worldview among young citizens that elevates spiritual and moral values over economic and political processes as life guidelines, strategic goals and ideals.

Keywords: information war, cultural expansion, the ideology of globalism, transhumanism, cyber weapons, spiritual security, spiritual sovereignty.

УДК 316.334.4

Е.Е. Кучко, доктор социологических наук, профессор (Белорусский государственный университет)

ОПРОС ЭКСПЕРТОВ В СИСТЕМЕ МЕТОДОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Обосновываются методологические особенности использования экспертного опроса в социологических исследованиях, выявлены возможности его применения. Определяются процедурные и методические требования организации опроса экспертов.

Ключевые слова: метод социологического исследования, экспертный опрос, эксперт, экспертная оценка, отбор экспертов, виды опроса экспертов, применение экспертных опросов.

Экспертный опрос – метод получения социологической информации путем проведения опроса высококвалифицированных специалистов-экспертов. Он используется в решении трех основных задач:

для прогноза развития того или иного явления социальной жизни, когда массовый опрос респондентов невозможен или неэффективен

(в этом случае эксперты выражают свое мнение о перспективах развития какой-либо ситуации или процесса);

для оценки степени достоверности массовых опросов (в этом случае эксперты выражают мнение по исследуемой массовым опросом проблеме);

для аттестации/оценки специалистов, коллектива по различным параметрам профессиональных качеств или производственных показателей (в этом случае эксперты выполняют одну из задач в системе кадрового менеджмента с целью отбора, расстановки и ротации кадрового состава, формирования команд и построения траекторий профессионального и карьерного роста сотрудников).

Экспертный опрос может применяться при изучении всех сфер деятельности в системе социального прогнозирования и моделирования, при оценке состояния социальной проблемы и способов ее решения, включая правоохранительную сферу деятельности органов обеспечения национальной безопасности. Может также использоваться на разных этапах социологического исследования: при уточнении целей и задач социологического исследования, определении границ проблемной ситуации, уточнении гипотезы исследования и ключевых понятий, обосновании выводов и выработке рекомендаций.

Экспертный опрос является разновидностью опросных методов. Его отличительной особенностью является работа с экспертами, их компетентное участие в анализе и решении исследуемых проблем, что существенно повышает достоверность и полноту полученной информации.

Прежде, чем рассмотреть методику организации и проведения экспертного опроса, возможности его использования в социологических исследованиях, важно уточнить ряд принципиальных методологических позиций.

Во-первых, методологически важно определиться в субординации понятий «экспертный опрос», «эксперт», «экспертная оценка» и «экспертиза». В этом отношении сложились весьма разные подходы: от полного их содержательного отождествления до абсолютной дифференциации. Наша позиция состоит в признании содержательной разницы представленного понятийного ряда, что необходимо учитывать в работе с методом при проведении социологических исследований. В связи с этим мы предлагаем следующую интерпретацию названных ключевых категорий:

экспертный опрос – метод сбора социологической информации;

эксперты – компетентные специалисты, имеющие специальные знания и опыт работы в области, непосредственно связанной с объектом исследования;

экспертные оценки – суждения экспертов о различных сферах социальной жизнедеятельности, которые выступают результатом систем-

ного, содержательного, факторного, сравнительного, ретроспективного и других видов анализа;

экспертиза – процедура опроса экспертов в соответствии с выбранной методикой, целью которой является получение экспертных оценок. Высокая надежность экспертных оценок обеспечивается не только компетентным участием в опросе экспертов, но и организацией опроса, обеспечением условий его проведения, обуславливающих эффективную работу экспертов.

Во-вторых, методологической проблемой является формирование выборки в экспертном опросе, что подразумевает: подбор экспертов и определение их оптимального количества.

Статус эксперта предполагает его высокий уровень профессиональной подготовки в исследуемой предметной области, наличие научно-практического и организационно-управленческого авторитета. Если речь идет о подборе экспертов, необходимо помнить, что он является активным участником социологического исследования, осведомленным о его целях и задачах. Инициативность эксперта, включенность в исследовательский процесс создают предпосылки для получения качественной информации, отличающейся глубиной, обоснованностью и достоверностью. Названные обстоятельства требуют регламентации процедуры формирования экспертной группы, включающих решение двух принципиальных вопросов: кто эксперт и каково их количество?

Решая проблему «кто будет экспертом?», организаторы экспертного опроса определяют наличие статусно-функционального соответствия потенциальных претендентов на эту роль. В этом случае необходим комплексный подход, позволяющий учитывать не только уровень профессионального мастерства, стаж научно-практической работы и должностное положение, но и способность творчески решать поставленные задачи, принципиальность и независимость взглядов, интуицию и эвристичность суждений. В качестве критериев отбора в состав экспертной группы используются различные способы с возможным их сочетанием: экспериментальный (на основе тестирования или проверки прежней экспертной деятельности), документальный (на основе социально-демографических характеристик), голосования (на основе взаимной оценки, аттестации потенциальных экспертов друг друга), самооценки экспертов в области исследуемой проблемы и расчета их надежности (через соотношение сделанных и сбывшихся прогнозов). Названные способы используются на этапе окончательного отбора экспертов в состав экспертной группы. Первичный отбор осуществляется методом «снежного кома».

Вопрос количества участвующих в опросе экспертов каждый раз решается с учетом ситуации: типа используемого социологического иссле-

дования, специфики его проблемы, выбранного вида опроса и других обстоятельств. Вряд ли можно рассчитать оптимум, но очевидно, что при малом количестве экспертов будет стоять проблема их взаимовлияния, а при большом – согласованности мнений. Обе крайности снижают качество информации. Кроме того, определяя количество участников, важно принимать во внимание возможность соблюдения равноправия мнений, разнообразия точек зрения и междисциплинарности представительства экспертов, не ограничиваться кругом ведомственных экспертов, привлекать специалистов из смежных органов обеспечения национальной безопасности. С учетом особого статуса экспертов как носителей ценной информации, мнений 12–18 специалистов, участвующих в исследовании, может оказаться вполне достаточно, так как полученная информация характеризуется полнотой, глубиной, обстоятельностью, научно-практической обоснованностью и подкреплена аналитической систематизацией.

Подготовка к исследованию методом экспертного опроса предполагает составление инструментария. Его форма и содержание зависят от того, какой вид опроса экспертов определит социолог в соответствии с задачами и целями исследования. Общее требование касается исключения из него вопросов о знаниях (эксперт – всегда компетентное лицо), вопросов-ловушек, контрольных и косвенных вопросов (эксперт – всегда активный участник исследования, заинтересованный в точности и непротиворечивости высказанных экспертных оценок), преобладание вопросов открытого типа (эксперт – всегда осведомленное лицо, и важно получить его особое мнение). Формулировка вопросов инструментария должна обеспечивать возможность точно и полно выразить свое мнение экспертам, поэтому его разработка в ряде случаев требует экспертного участия и обязательного пилотажа. Инструментарий экспертного опроса всегда разрабатывается в соответствии со специальной программой, которая, хотя и имеет традиционную структуру программы социологического исследования, носит более концептуальный характер и не предусматривает жесткой детализации. Главным компонентом программы экспертного опроса является фиксация той проблемной ситуации, объекта, явления, по отношению к которому требуется экспертная оценка.

В-третьих, методологической проблемой является обеспечение процедуры опроса экспертов и анализа полученной информации. В этом случае речь идет об условиях опроса экспертов и обработке полученных экспертных оценок. Условия опроса экспертов, процедура работы с ними должны обеспечивать возможность продуктивной работы и получения объективных, достоверных оценок. Факторами валидности (доверия) экспертных оценок будут выступать: корректный отбор экспертов, участвующих в исследовании; выбор адекватного исследовательским зада-

чам метода опроса экспертов; соблюдения процедурных правил проведения экспертизы и организации работы экспертных групп. С целью соблюдения процедуры необходимо учитывать следующие рекомендации: заменять коллективную работу экспертов индивидуальной; обеспечивать присутствие в очных групповых формах опроса экспертов равного статуса; устранять взаимовлияние экспертов; избегать позиции «нейтральной середины» в экспертных оценках. Процедурные требования ориентируют на точность регистрации мнений экспертов и сохранения их без искажения. С этой целью предварительно заключают с экспертом этическое соглашение и используют аудио/видеозапись опроса экспертов.

Рассмотрев основные методологические проблемы, связанные с организацией и использованием экспертного опроса, обратимся к рассмотрению его видов. Условно все методы опроса экспертов можно разделить на индивидуальные и групповые, устные и письменные, формализованные и неформализованные, очные и заочные, традиционные/обычные и сложные/многоступенчатые.

Выбор метода опроса экспертов должен быть всегда обоснован с учетом целей и задач исследования, специфики проблемного поля, особенностей состава экспертной группы.

Индивидуальный опрос экспертов проводится с использованием различных видов социологического интервью или анкетного опроса. Работа с группой экспертов может происходить с использованием фокус-групп, метода «Дельфы», различных видов мозговой атаки, метода совещания. Интервью экспертов, анкетный опрос и фокус-группы проводятся по правилам и технологиям работы с данными методами при опросе обычных респондентов.

Формализованный опрос экспертов ориентирован на применение количественных методов, чаще анкетного опроса, и используется с целью получения информации об оценках принятых или готовых решений. Неформализованные методы ориентированы на использование качественного подхода и качественных методов социологического исследования (глубинные интервью, фокус-группы и др.). Обращение к качественной методологии в большей степени оправдывает себя в работе с экспертами, так как позволяет получать уникальную и глубинную информацию в отношении социальных явлений и процессов, перспектив их развития.

Очные методы опроса экспертов предполагают опрос «лицом к лицу» в индивидуальной или групповой форме. Использование очного опроса позволяет собрать более полную информацию, но в то же время требует организационной работы по согласованию времени работы экспертных групп, месту проведения опроса, устранения факторов взаимовлияния экспертов, созданию творческой атмосферы при обсуждении проблем. За-

очные методы предполагают участие экспертов в социологическом исследовании без личного общения социологов и специалистов. Это позволяет исключить «эффекты», искажающие валидность экспертных оценок, снимает необходимость временной синхронизации участия в опросе и места его проведения, однако создает определенные сложности в координации работы экспертов и интерпретации полученных результатов.

Традиционный/обычный опрос экспертов проводится по технологии массового опроса. Сложный/многоступенчатый опрос предполагает этапность работы с экспертами, многократный опрос с целью проведения анализа изучаемых проблем и решения поставленных задач. Каждый этап предполагает выполнение экспертом задания, связанного с темой исследования.

Относительно исследуемой темы интерес вызывают специальные методы работы с экспертами, не используемые в массовых опросах, а полученные в них результаты обладают большей степенью инновационности и эвристичности. К таким методам относятся: сбор мнений, «Дельфа», мозговая атака, совещание, прогнозные сценарии и коллективный блокнот.

Сбор мнений экспертов может проводиться как в устной, так и в письменной форме. Всем экспертам раздаются/рассылаются анкеты, содержащие преимущественно открытые вопросы, по которым должно быть высказано мнение. Такой вид опроса экспертов можно проводить в очной и заочной форме. По сути, это письменная форма изложения собственного мнения по обозначенным вопросам.

Метод мозговой атаки имеет своей целью найти решение научной или практической проблемы исходя из принципиальной позиции о том, что из множества изложенных при коллективном обсуждении идей можно сформировать инновационные подходы к решению сложившихся проблем. Коллективная дискуссия по технологии «мозговой атаки» может быть по-разному организована, но неизменными и главными принципами «мозговых атак» любого вида являются: формулировка центральной проблемы; рассмотрение всех выдвинутых идей; отказ от стереотипов. При применении метода мозговой атаки часто используют ролевое распределение экспертов, что предписывает им исполнение определенных функций в ходе обсуждения проблем (генерирования или сортировки идей, поддержание творческой атмосферы, обеспечение этики взаимодействия участников и др.). Такой прием делает обсуждение более структурированным, нацеливает на совмещение инициативы и критического обсуждения.

Работа экспертов по принципу совещания предполагает организацию дискуссии-совещания специалистов с целью получения мнений и предложений по решению обозначенных в исследовании проблем.

Метод прогнозных сценариев предполагает организацию группового обсуждения смоделированной, виртуально возможной, еще не существующей в реальности ситуации. В этом случае происходит работа с заранее созданной моделью будущего, на которой отрабатываются возможные варианты развития событий и решения потенциально возможных проблем.

Метод коллективного блокнота ориентирован на коллективную экспертную оценку индивидуально выдвинутых экспертами идей по существу поставленной проблемы.

Используя экспертный опрос в социологических исследованиях, мы имеем возможность выявить наиболее существенные аспекты изучаемой проблемы, получаем более надежную и обоснованную информацию благодаря использованию опыта и знаний эксперта. Полученная информация отличается конкретностью, полнотой, имеет качественные и количественные характеристики. Кроме того, опрос экспертов предоставляет прогнозную, эвристическую информацию, необходимую для социального моделирования. При этом не стоит забывать о необходимости сочетания и комбинирования экспертного опроса с другими методами социологического исследования и использования его на различных этапах исследовательской деятельности в целях повышения ее эффективности.

Список использованных источников

- Коробов, В.Б. Организация проведения экспертных опросов при разработке классификационных моделей / В.Б. Коробов // Социс. – 2003. – № 11. – С. 102–108.
- Кравченко, С.А. Развитие предмета социологии: от монодисциплинарности к меж- и постдисциплинарности / С.А. Кравченко // Социол. исслед. – 2020. – № 3. – С. 16–26.
- Масловская, Е.В. Циркуляция экспертного знания в юридическом поле: столкновение эпистемических культур и практики перевода / Е.В. Масловская // Социол. исслед. – 2020. – № 1. – С. 82–91.
- Троцук, И.В. Отрицание экспертности как методическая проблема / И.В. Троцук // Социология 4М. – 2009. – № 29. – С. 155–171.

Поступила: 18.06.2020

E.E. Kuchko, Doctor of Sociological Sciences, Professor (Belarusian State University)

THE POLLING OF EXPERTS WITHIN THE SYSTEM OF SOCIOLOGICAL RESEARCH METHODS

The article justifies the methodological features of using the polling of experts for sociological research; establishes the relevant use cases; defines the procedural and methodological requirements for the polling of experts.

Keywords: method of sociological research, expert survey, expert assessment, expert selection, types of expert survey, application of expert surveys.

С.Н. Лихачёва, кандидат социологических наук, доцент (Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова)

ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕВИАНТНОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Рассматриваются вопросы, связанные с распространением девиантного поведения среди молодежи. На основе результатов социологического исследования, проведенного в Могилевской области, выявлены социальные установки молодежи в отношении возможных и имеющихся отклонений от норм, как собственных, так и окружающих. Отмечается влияние быстрых социальных изменений на возникновение признаков социальной аномии в современном обществе и их влияние на социализацию молодежи.

Ключевые слова: девиантное поведение, социальная норма, молодежь, социальная аномия, социальный контроль

Понятие девиантного поведения является основным в классической и современной социологии. Четкое представление о том, что есть норма и отклонение создает стабильную общественную ситуацию, поддерживает сложившуюся систему ценностей. Таким образом, современное общество столкнулось с плюрализмом норм и ценностей, который возник в результате интенсивных социальных изменений, многоукладности экономики, роста социальной дифференциации, разнообразия социокультурных и коммуникативных процессов. Известный российский исследователь девиантного поведения Я.И. Гилинский утверждает, что «социальная норма определяет исторически сложившийся в данном конкретном обществе предел, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности людей, социальных групп, социальных организаций» [1, с. 74], подчеркивая таким образом определенность и зависимость норм от культуры, общественных отношений, обычаев. Главной причиной возникновения девиантного поведения становится социальное противоречие между сложившейся нормативной системой и интересами, потребностями субъектов социальной деятельности. Белорусский исследователь Н.А. Барановский отмечает: «как свидетельствуют социологические исследования, антиобщественные проявления имеют социо-антропо-правовую природу и полидетерминированный экономический, социальный, культурный, правовой и биопсихологический

характер генезиса и развития» [2, с. 89]. Это приводит к необходимости системной профилактики и противодействия правонарушениям, а также рассмотрения таких мер, как составной части социальной политики.

В современном обществе более сложным становится обеспечение социального контроля, в том числе в условиях растущей урбанизации, когда непосредственное участие семьи, соседей, влияние традиций на воспитание становится не таким значительным. Самоконтроль, в свою очередь, требует высокой нравственной культуры личности, что не всегда в достаточной мере успевает сформироваться у молодежи, хотя условия для этого имеются. Если ослабление системы внешнего контроля недостаточно компенсируется развитием внутренних механизмов поведения и самоконтроля, возникает ситуация моральной неопределенности. В этом случае центр тяжести в регулировании поведения личности перемещается с социальных мотивов и побуждений на мотивы и побуждения индивидуалистического или просто инстинктивного характера.

Дюркгеймовское понимание социальной аномии легло в основу объяснения причин наличия рассогласования интересов личности и общества и возникновения девиантного поведения. В ситуации аномии по Э. Дюркгейму общество оказывается в состоянии, при котором нет четкой регуляции поведения индивидов, возникает нормативный вакуум, когда старые нормы и ценности уже не соответствуют существующим отношениям, а новые еще не утвердились [3, с. 293–294]. Становится очевидным, что это характерно не только для кризисных обществ, но и в случаях, когда темпы социальных изменений значительно ускоряются и человек в очень сжатые сроки должен приспосабливаться к чему-то новому.

Стремительное научно-техническое развитие сказалось на состоянии современной экономики и производстве, произошло изменение соотношения между трудом и досугом, увеличение внерабочего времени и соответственно доли этого времени в формировании личности. Если благотворность воздействия труда на личность никогда не подвергалась сомнению, то воздействие досуга может быть различным в зависимости от социальных установок и ориентации человека на те или иные формы времяпровождения, от работы учреждений, призванных обеспечивать максимально эффективную для общества занятость молодежи в часы досуга.

В поле зрения по вопросу социальных отклонений, в том числе преступлений, достаточно часто попадают люди молодого возраста, если обратиться к статистическим данным, то в нашей стране среди совершивших преступления лиц в возрасте 18–29 лет около 30 % [4, с. 257]. Юношеский возраст имеет существенные социально-психологические особенности: недостаток жизненного опыта, склонность к подражанию, эмоциональная возбудимость, недостаточное развитие системы тормо-

жения в сочетании со стремлением к самостоятельности, демонстрирование смелости, «взрослости». В результате некоторые молодые люди, не имея четких представлений о нормах поведения в той или иной ситуации, оказываются более податливыми влиянию антиобщественных взглядов, импульсивному поведению компании, собственных желаний. Судебные разбирательства показывают, что многие правонарушения совершаются молодежью не в результате заранее обдуманного намерения, а перерастают из озорства, нежелания «отстать» от товарищей, из совместной выпивки, подстрекательства злоумышленников.

Первичный социологический материал по рассматриваемой проблеме был собран в ходе социологического опроса, проведенного отделом социологических исследований и информационно-аналитической работы КИУП «Информационное агентство «Могилевские ведомости», среди молодежи в возрасте от 16 до 29 лет. Основной метод сбора информации – анкетный опрос. Результаты социологического исследования показали наличие «морального вакуума» у определенной части современной молодежи, о чем свидетельствуют ответы на вопрос, можно ли в наше время прожить честно, не нарушая закон (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, можно ли в наше время прожить честно, не нарушая закон?» (%)

Варианты ответов	Общее распределение	Девушки	Юноши	До 20 лет	20–24 года	Старше 25 лет
Да, возможно	17,6	16,6	19,0	16,2	15,7	22,9
Скорее, возможно	23,9	29,6	16,1	21,5	22,2	30,8
Скорее, невозможно	29,3	31,0	26,9	31,4	31,7	22,0
Нет, невозможно	17,4	10,7	26,6	20,4	18,0	11,2
Затрудняюсь ответить	11,8	12,0	11,3	10,5	12,4	13,1

Если рассматривать результаты по общему распределению, то тех, кто ответил однозначно «да» и «нет» оказалось одинаковое количество – по 17 %. Среди них 19 % составляют юноши, 16,6 % – девушки, т. е. вопреки бытующим представлениям приверженность нормам молодых женщин не такая прочная. Таким образом, среди отрицающих необходимость законопослушного поведения юношей больше, чем в два раза. Почти каждый десятый ответивший затруднился вообще определиться по этому вопросу, а в основной массе молодежь занимает промежуточ-

ную позицию, т. е. в определенной ситуации они, возможно, будут действовать по обстоятельствам, а не по закону. Также подтверждается тезис о том, законопослушание растет с возрастом. Современные условия жизни молодежь желает приспособить под свои собственные, нередко эгоистичные цели, оправдывая это складывающимися обстоятельствами в обществе, невозможностью прожить честно, не нарушая закон.

Об этом свидетельствуют ответы и на прямой вопрос «Сможете ли Вы пойти на нарушение закона, чтобы обеспечить свое благополучное будущее?». Твердо ответили «да» 5,5 %, «скорее да, чем нет» – 17,1 %, никогда не пойдут на нарушение закона – 20 %, «скорее нет, чем да» – 35,7 %, затруднились с ответом – 21,7 %. Большое число сомневающихся и затрудняющихся говорит о том, что иммунитет против преступлений у молодежи можно определить лишь как относительно устойчивый. Причины здесь могут быть разными. В частности, мы можем выснить мнение по этому вопросу, в зависимости от места жительства в детстве, так как возможной причиной может быть урбанизация, обезличенность городской жизни, а также род занятия, образование (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов в зависимости от места жительства в детстве и рода занятий на вопрос «Сможете ли Вы пойти на нарушение закона, чтобы обеспечить свое благополучное будущее?» (%)

Варианты ответов	Прожили в крупном городе	Прожили в райцентре	Прожили в селе	Работающие	Учащиеся профессиональных колледжей	Учащиеся специальных учебных заведений	Учащиеся учреждений высшего образования
Да, несомненно	6,2	5,2	4,9	5,7	5,4	1,2	9,0
Скорее, да, чем нет	18,5	15,0	17,5	15,2	21,5	12,3	22,0
Скорее, нет, чем да	37,3	41,7	23,8	36,7	33,1	29,84	40,5
Несомненно, нет	17,2	17,9	28,2	19,0	18,5	28,7	15,5
Затруднились ответить	20,8	20,2	25,7	23,4	21,5	28,1	13,0

Место жительства в детстве было рассмотрено, так как среди молодежи много учащихся, т. е. проживающих в крупных городах временно. Как видим, среди воспитанных в сельской местности на 10 % больше тех, кто не будет нарушать закон ради своего благополучия. Возможно, в городской жизни больше соблазнов, свободомыслия, она заставляет конкурировать с другими и т. д. В селе поддерживаются традиционные ценности.

Заставляют задуматься ответы респондентов в зависимости от рода занятий. Наибольшее число склонных нарушать закон – среди студентов учреждений высшего образования, т. е. так называемой будущей элиты общества, изучающих в большом объеме общеобразовательные, в том числе правоведческие дисциплины. При этом среди них наименьшее по всем категориям число затруднившихся ответить. Таким образом, можно констатировать необходимость воспитательной работы со всеми категориями молодежи по вопросам профилактики девиантного поведения.

Мнения молодежи разделились по поводу отношения к окружающим, добывающим своего благополучия незаконным путем. Видят в них преступников только 6 %, просто не одобряют их поведение – 31,9 %, наибольшее число – 42,9 % относятся безразлично, а 8,2 % – даже одобряют: «это естественный путь, если хочешь жить хорошо», 11 % – затруднились ответить. Равнодушие к незаконному поведению, а тем более его поддержка отражают несформированность у молодежи устойчивых морально-нравственных взглядов. Хотя можно сослаться на неопытность, незрелость, юношеский максимализм и т. д., это – серьезные недостатки воспитательного воздействия семьи, учреждений образования, трудовых коллективов и средств массовой информации. Терпимость к нарушениям закона окружающими подрывает основы гражданского общества, приводит к социальной аномии.

Одно из проявлений девиантного поведения – чрезмерное употребление спиртных напитков, приводящее к алкоголизму. В молодом возрасте это пристрастие может появиться неосознанно: «за компанию», «почувствовать себя взрослым» и т. д. По результатам опроса быть в сильном алкогольном опьянении приходилось 53,7 %, из которых с 5,1 % это случается ежемесячно и чаще, 10 % не пожелали отвечать на вопрос. Чем младше возраст, тем большее число бывших в сильном алкогольном опьянении, случается это как с юношами, так и с девушками (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос
«Приходилось ли Вам быть в сильном алкогольном опьянении?»
по возрасту и полу опрошенных (%)**

Варианты ответов	До 20 лет	От 20 до 25 лет	Старше 25 лет	Юноши	Девушки
Ежемесячно и чаще	6,3	5,9	1,9	10,0	1,5
Только несколько раз за все время	46,6	49,7	50,5	55,1	43,8

Употребление наркотиков распространено в значительно меньшей степени, однако это не повод для успокоения, если учесть масштабы и последствия для личности и общества от этой зависимости. В ходе исследования выяснилось, что употребляют наркотические вещества «ежемесячно и чаще» – 1 %, только несколько раз пробовали – 4,5 %, а 4,2 % – отказались отвечать. Показатель частого употребления наиболее высокий среди учащихся профессионально-технических колледжей – 3,1 %, а «иногда» и только «попробовавших» среди студентов учреждений высшего образования – 6,5 %.

Многие молодые люди уже столкнулись с таким явлением, как взяточничество, 17,4 % прибегали к этому способу для решения своих проблем, а 7,1 % – отказались отвечать на данный вопрос. Таким образом, несмотря на все принимаемые меры со стороны правоохранительных органов, власти и общественности мздоимство по-прежнему существует в нашем обществе. Уклонение от уплаты налогов не получило широкого распространения в молодежной среде: так поступали – 4,1 %, не захотели отвечать – 6 %, хотя многие еще не работают. Примерно столько же утверждают, что использовали сексуальные связи для достижения корыстных целей – 6,7 %, не захотели отвечать – 6,3 %. Значительно большему числу доводилось обманывать других – 64,3 %, хотя при ответе на открытый вопрос «Какие качества Вы цените выше всего в людях?» наиболее часто называемыми оказались честность (43,5 %), порядочность (42,1 %).

При рассмотрении девиантного поведения специалисты отмечают, что его трудно распознать и анализировать, и даже в анонимном анкетировании нет гарантии абсолютно адекватных результатов. Также в условиях быстрых изменений трудно точно определить нормы, в результате чего девиантность принимает множество промежуточных форм. Необходимо отметить, что в настоящее время воздействие на социализацию молодого поколения не может быть однозначным и определенным, многие факторы современной жизни содержат в себе немало возможностей не только позитивного, но и негативного влияния на формирование личности. С другой стороны, воздействие общества на молодежь может быть стихийным, или же сознательным, целенаправленным, рассчитанным на получение определенных, предсказуемых результатов. В этом случае речь идет о поддержке воспитательной работы с молодежью, нейтрализации факторов, создающих предпосылки социальной аномии. Одна из важнейших задач социализации современной молодежи – формирование у нее понимания целей и перспектив развития общества, приверженности его идеалам и ценностям. Однако добиваться своих целей незаконным путем молодежь может и в ситуации отсутствия предоставленных обществом возможностей сделать это в соответствии с

социальными нормами. В этой связи наряду с воспитанием, необходима своевременная социальная поддержка молодежи в трудоустройстве, самореализации себя в творчестве, спорте, научной деятельности, своевременная поддержка молодых семей, развитие учреждений молодежного досуга, жилищные программы для молодежи.

1. Гишинский, Я.И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория / Я.И. Гишинский // Социс. – 1991. – № 4. – С. 72–78.
2. Барановский, Н.А. Социальная профилактика антиобщественных явлений в системе антидевиантной политики / Н.А. Барановский // Logos et Praxis. – 2019. – Т. 18. – № 2. – С. 87–97.
3. Дюркгейм, Э. Самоубийство: социологический этюд / Э. Дюркгейм / пер. с фр.; изд. подгот. Вал. А. Луков. – СПб. : Союз, 1998. – 496 с.
4. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь : статист. сб. / отв. за выпуск И.И. Коношонок. – Минск : Нац. статист. ком. Респ. Беларусь, 2019. – 264 с.

Поступила: 31.05.2020

S.N. Likhachova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor (Mogilev State A. Kuleshov University)

SIGNS OF DEVIANCE IN YOUTH ENVIRONMENT AS A SOCIAL PROBLEM (ON THE MATERIALS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH IN MOGILEV REGION)

Issues related to the spread of deviant behavior among young people are considered. Based on the results of sociological study conducted in Mogilev region, social attitudes of youth in relation to possible and existing deviations from the norms, both their own and those around them, are revealed. The influence of rapid social changes on the emergence of signs of social anomie in modern society and their influence on socialization of youth is noted.

Keywords: deviant behavior, social norm, youth, social anomie, social control.

УДК 316.334:008 + 008

*С.В. Масленченко, кандидат культурологии,
доцент (Академия МВД Республики Беларусь)*

ПОТЕНЦИАЛ ТЕОРИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ П. БЕРГЕРА И Т. ЛУКМАНА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАНИПУЛЯЦИЙ

Определяется применимость теории конструирования социальной реальности П. Бергера и Т. Лукмана в исследовании информационного общества и процессов манипулирования в нем. Установлено, что язык как уникальное средство

легитимации реальности выступает в рассматриваемой теории в качестве инструмента манипуляции смыслами; при определенных условиях повышает манипуляционный потенциал институализации, исполнение социальных ролей является ситуацией манипулирования презентацией идентичностей. Рассматриваемая теория в большей степени актуальна в отношении индивидов, групп, институтов и их взаимодействий в традиционных и индустриальных обществах; в меньшей степени – в отношении этих же элементов и процессов в информационном обществе. Базовые элементы теории Бергера – Лукмана (концепции языка, институализации и легитимации) при включении в нее семиотического, герменевтического и структурно-функционального инструментария могут быть использованы для исследования манипуляций в текущей социальной реальности.

Ключевые слова: конструирование социальной реальности, манипуляция, институализация, легитимация.

Труд «Конструирование социальной реальности» воспринимается в большей степени как памятник гуманитарной мысли, чем актуальное исследование, методология и результаты которого могут найти применение в интерпретации трендов современности. Представленная в нем теория социального конструирования уже получила широкое распространение в различных отраслях социологического знания (в социологии образования, социологии религии, социологии девиантного поведения и др.). Вместе с тем заложенный в ней теоретический потенциал еще не исчерпал себя и может быть применен к проблемным полям, лежащим на стыке социологии, культурологии, политологии и философии.

В этой связи значительный интерес представляет не только сама возможность применения теории социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана (далее – теория Бергера – Лукмана) в целом, в междисциплинарном исследовании, но и ее потенциал в интерпретации природы и динамики становящегося атрибутом современной культуры феномена манипуляции как угрозы информационной безопасности личности, общества и государства. К сожалению, работы Д. Александера [1], И.А. Безотосного [2], Т.Г. Даниловой [3], Г.В. Жигуновой [4], А.А. Калинкина [5], А.В. Кистовой [6], А. Кузьменковой [7], Ж.В. Латышевой [8], В.С. Левицкого [9], С.В. Масленченко [10], А.И. Пинчук [11], С.И. Платоновой [12], Е.В. Поликарповой [13], И.Ю. Саяпиной [14], Е.А. Тимошук [15], А.Г. Черемисина [16], О.Н. Черных [17], Н.А. Черняк [18] и других авторов ограничивались лишь общим упоминанием феномена манипуляции и отдельными процессами манипулирования в контексте рассматриваемой теории.

Для решения поставленной исследовательской задачи целесообразно применение ряда методов. Использование герменевтического ме-

тогда, представленного в трудах Г.-Г. Гадамера, В. Дильтея, П. Рикера, Ф. Шлегеля, Ф. Шлейермахера и других, дает эффективный инструмент для исследования теории Бергера – Лукмана как текста и позволяет получить его объективное толкование. Применение структурно-функционального метода к исследованию процессов конструирования социальной реальности позволяет выявить структурные элементы общества и их функциональный потенциал в процессах объективации, институционализации, легитимации и других сопутствующих процессов. Семиотический метод дает возможность выявить манипуляционный потенциал легитимации в рамках любой социальной реальности.

Прежде, чем говорить о манипуляциях в социуме, скрытых в процессах конструирования социальной реальности, необходимо понять сущность формирования реальности в понятиях и суждениях самой теории. Ее базовым основанием является тезис о том, что «общество существует в виде объективной и субъективной реальностей» [19, с. 210], что обосновывается и рядом подходов: лингвистическим, социологическим, антропологическим, психоаналитическим, религиоведческим и др.

Приоритетное интерпретирующее значение авторами теории придается лингвистическому обоснованию (тяготеющему к лингвистико-философской, семиотической и герменевтической интеллектуальным традициям) места и роли языка в «объяснении» всей социальной активности и ее результатов.

Абстрагируясь от реальных носителей и конкретных ситуаций, опыт систематизируется, обобщается, оформляясь в универсальной системе знаков того или иного общества – в языке (трансформация в общедоступный объект знаний). Лингвистическая система знаков позволяет облекать опыт конкретного поколения в абстрактные формы мышления, передавать не только от поколения к поколению, но и другим общностям. Благодаря своему универсальному характеру язык является уникальным средством легитимации сложившейся/складывающейся социальной реальности. Этот процесс происходит до тех пор, пока сама лингвистическая система используется без разрывов во времени определенной языковой совокупностью людей.

Смысловой основой конструирования выступает «знание» о социальной реальности, базирующееся на определенной системе легитимности («объяснении»/«оправдании»), «теории», которая «построена на языке и использует язык как свой главный инструмент» [19, с. 108]. Легитимация начинается «сразу же, как только систему лингвистических объективаций человеческого опыта начинают передавать последующим поколениям» [19, с. 154]. Например, обучение нового поколения языку

закладывает в сознании юных граждан «фундаментальные „объяснения“ легитимации» [19, с. 154].

В теории Бергера – Лукмана «знание» представляет собой исторически сложившуюся интерпретацию социальной реальности и понимание текущей «непрерывно создаваемой новой реальности» [19, с. 111]. Очевидно, что какая-то часть человеческого опыта сохраняется и передается от поколения к поколению. Она получает именование традиции (в значении – «анонимная, стихийно сложившаяся система образцов, норм, правил и т. п., которой руководствуется в своем поведении достаточно обширная и устойчивая группа людей» [20]).

Все «знание» об окружающем мире П. Бергер и Т. Лукман разделяют на «дотеоретическое» и «теоретическое». Первое (оно же первый уровень легитимации) представляет собой «массив знания рецептов, передаваемого по наследству» [19, с. 110] (словарный запас, простые ответы на вопросы типа «Почему?»), выступает мотивационной динамикой «институционализованного поведения», основой, на которой должны строиться все «теории», и конечным состоянием, которого они должны достичь.

В свою очередь, «теоретическое» знание формируется в процессе повседневной социальной активности, превращается в «теорию». Оно содержит:

во-первых, «теоретические утверждения в зачаточной форме» [19, с. 155] (второй уровень легитимации), например «половицы, моральные максимы, народная мудрость, сказки, легенды» [19, с. 155];

во-вторых, «явные теории, с помощью которых институциональный сектор легитимируется в терминах дифференцированной системы знания» [19, с. 155] (третий уровень легитимации), которые разрабатываются «специализированным персоналом», «передаются с помощью формализованных процедур посвящения» [19, с. 155] (например, авторская подача контента на собственной странице в Facebook) и, в итоге, могут порождать собственные институциональные процессы (например, создание троллинг-контента в рамках деятельности «фабрики троллей»);

в-третьих, «системы теоретической традиции, впитавшей различные области значений и включающей институциональный порядок во всей его символической целостности» [19, с. 157], так называемые «символические универсумы» (теоретическая «мысленная конструкция») (четвертый уровень легитимации), построенные на означивании (сигнификации (обозначении), «полное совпадение двух субъективных значений и обоюдное знание этого совпадения» [19, с. 211]) «определенных областей значений и разрозненных процессов институционализованного поведения» [19, с. 157]. Они возникают в два этапа: а) как «первый»

продукт теоретического мышления» [19, с. 171–172]; б) как продукт теоретизирования по поводу «первого» продукта: «материал, из которого конструируются легитимации, поддерживающие универсумы, по большей части представляют собой развитие легитимации нескольких институтов, разработанных и усовершенствованных на более высоком уровне теоретической интеграции» [19, с. 179].

Кроме того, авторы теории выделяли два уровня символического универсума: наивный и высокотеоретический. На первом уровне «меньше всего ощутима необходимость теоретического поддержания универсума» [19, с. 180], и он воспринимается носителями как объективная данность. Здесь социальный универсум подобен мифологии, которая также представляет собой концептуальный механизм, и где имеются «специалисты по мифологической традиции» [19, с. 181], при необходимости интегрирующие мифологические конструкции немалой степени «теоретической изощренности» и осуществляющие посвящение в традицию, отличающиеся «большими трудностями» (трудности отбора кандидатов, подбора времени и случая применения «теории», сложные ритуальные приготовления, иное). «Символический универсум» обеспечивает действие когнитивных (в значении: познавательный процесс, при котором обеспечивается «формирование понятий, оперирование ими и получение выводных знаний» [21]) и нормативных (в значении: «устанавливающий норму, вытекающий из нормы или подразумевающий норму» [22]) процедур.

Предложенная П. Бергером и Т. Лукманом четырехуровневая система легитимации представляется избыточной и имеет ряд недостатков: а) дотеоретический уровень знаний неизбежно содержит в себе теорию, ибо научая ребенка словам, формируя его «словарный запас» [19, с. 120], агенты социализации конструируют его мировоззрение на простейших абстрактных формах (от понятий к суждениям и умозаключениям), которые не всегда подкрепляются практическим действием или демонстрацией примера из реальности (например, герои белорусских сказок и т. д.); б) степень «зачаточности» форм «теоретических утверждений» носит относительный характер; границы оценивания развитости «теории» могут перемещаться в зависимости, например, от интеллектуальных способностей самого исследователя, конкретного обывателя/социальной группы/социального института и иных факторов; в) границы «явных» теорий и «символических универсумов» также релятивны, как и степень развитости «теорий».

Преодолеть эти противоречия можно путем включения семиотического подхода (в интеллектуальной традиции Ф. де Соссюра, Ш. Балли,

Р. Барта, Э. Бенвениста, М. Гарднера, А. Тарского и др.) в рассматриваемую теорию. Это не противоречит использованной П. Бергером и Т. Лукманом лингвистической концепции Л. Витгенштейна и авторской идее о двух этапах возникновения символического универсума («первый» теоретический продукт и теоретизированный «первый», что, по аналогично обыденному языку на первом этапе и метаязыку на втором этапе в семиотической традиции). В результате уровни легитимации могут быть сведены всего к двум: первый – уровень обыденного языка (лингвистических знаков и их совокупностей); второй – уровень метаязыка (в котором знак первого уровня выступает означаемым для языка означивания).

Для закрепления в общественном сознании различных означиваний элементов/всей социальной реальности (легитимаций, интерпретаций и т. п.) необходима система образования, призванная актуализировать/реактуализировать/деактуализировать их в массовом сознании граждан. И при необходимости по воле социальных институтов даже навязать требуемые знания (репрессивный характер образования). В соответствии с интеллектуальным уровнем среднестатистического обывателя «прививаемые» знания могут упрощаться (что ведет к неизбежному искажению исходных значений), стереотипизироваться (создаются универсальные образы, герои, формы, сюжет и т. п.).

При этом, как отмечают авторы теории, возникают «особые проблемы легитимации как для посвященных, так и для непосвященных» [19, с. 144]. Главная из которых – «оставить в неведении непосвященных и при этом получить от них признание легитимности этой процедуры» [19, с. 144]. Предлагаемое авторами решение – использование «различных механизмов устрашения, рациональной и иррациональной пропаганды (обращенной как к эмоциям, так и к интересам непосвященных), мистификации и вообще манипуляции престижными символами» [19, с. 144]. В этом случае отчетливо просматривается ситуация скрытого «подталкивания» граждан к заданному действию/бездействию или осмыслению/неосмыслению. «Посвященные» должны не только поддерживать сложившиеся отношения, но и «контролировать попытки бегства» [19, с. 144] «непосвященных» (в качестве таковых традиционно выступает масса) от навязываемых им систем знания. В конечном итоге, все делается для того, чтобы «профаны оставались профанами» [19, с. 145], а «посвященные» – «посвященными».

Потенциально манипулирование обывателем возможно, в том числе, и на основании того, что «ни один индивид не интернализирует всю совокупность того, что объективировано в обществе в качестве реальности, даже если общество и его мир относительно просты» [19, с. 218].

В совокупности с регулируемой системой образования это обстоятельство позволяет формировать/сохранять необходимый для официальной «теории» интеллектуальный уровень массы и повышает успешность неконфликтного существования доминирующего «знания». Сами П. Бергер и Т. Лукман утверждали, что «последовательностью процесса обучения можно манипулировать», правда, лишь «исходя из законных интересов персонала, в ведении которого находится данная система знания». Однако, стоит отметить, что интересы могут быть и незаконными (хотя для доминирующей «теории» все ее интересы по умолчанию законны, поскольку она сама обеспечивает формирование и монополию системы «оправдания»), и не только персонала, но и заказчика манипуляции.

Необходимость легитимации институтов возрастает от поколения к поколению, поскольку во время своего возникновения социальный институт воспринимается современниками как конвенциональная данность. Для последующих поколений возникает необходимость в актуализации сложившегося порядка (традиции)/ее адаптации к реальности. «На этом этапе самоочевидный характер институтов больше не может поддерживаться благодаря нашей собственной индивидуальной памяти и хабиитуализации» [19, с. 153].

Для интеграции разрозненных социальных ролей и институтов «во всеобъемлющий смысловой мир» [19, с. 169] используются механизмы четвертого уровня легитимации. Одна из основных функций систем этого уровня – «номическая» – упорядочивание («расставляет все по своим местам» [19, с. 161]) мыслей человека о реальности, в том числе путем нейтрализации альтернативных («маргинальных» в терминологии рассматриваемой теории) мыслей, «что реальность повседневной жизни – не что иное, как иллюзия» [19, с. 161]. Кроме того, «упорядочивание» распространяется и на историю: оно «связывает коллективные события в единое целое, включающее прошлое, настоящее и будущее» [19, с. 168].

Вместе с тем в социальных системах могут наблюдаться конфликты между различными легитимациями или конкуренция между ними. Авторы теории полагали, что это может происходить на уровне самой легитимации («между различными легитимациями и ответственным за них персоналом» [19, с. 119]) и на уровне социализации («где могут возникнуть трудности с интернализацией сменяющих друг друга или конкурирующих друг с другом институциональных значений» [19, с. 119]). Иными словами, в рамках рассматриваемой теории конфликты и конкуренция систем означивания возможны только на уровне теоретического оформления знания и на уровне практического ознакомления масс с ними через систему образования.

Конкуренция или конфликт «знаний» могут иметь место:

а) внутри социального универсума (конкуренция или конфликт официальной традиции и ереси). Серьезным испытанием для сконструированной социальной реальности является ситуация, когда альтернативная версия символического универсума захватывает все большее число сторонников. «Такие еретические группы представляют собой не только теоретическую угрозу символическому универсуму, но и практическую угрозу институциональному порядку, который легитимирован данным символическим универсумом» [19, с. 175]. Реакцией доминирующего варианта социального универсума становятся репрессивные меры, принуждающие вернуться в «лоно» господствующей идейной системы. Исход противостояния будет зависеть от наличия/отсутствия у одной из сторон власти (у Бергера – Лукмана: «прибегают к различным силовым подкреплениям хрупкой власти простых аргументов ... усиливаться с помощью полиции» [19, с. 195]). Легитимированное право и имеющаяся возможность насильно навязывать свою волю повышает шансы на победу (обычно этим потенциалом обладают официальные системы идей и их сторонники). Власть в обществе не ограничивается использованием сферы образования при социализации обывателя, но и обуславливается контролем над производством самой реальности;

б) между социальными универсумами (межэтническое, конфессиональное и цивилизационное взаимодействие). Например, «приход патриархальных греков ... разрушает универсум матриархальных обществ, существовавших тогда в Восточном Средиземноморье» [19, с. 177].

Появление конкурирующих/конфликтующих «теорий» исторически выступало толчком для концептуализации, модернизации, разработки новых символических универсумов (например, господствующая культура и контркультура). П. Бергер и Т. Лукман отмечали, что «в ходе этого процесса в рамках традиции появляются новые теоретические построения, и сама традиция, согласно новой концептуализации, меняет свою первоначальную форму» [19, с. 175].

Кроме того, в пространстве относительно свободно конкурирующих теорий появляется особый тип универсального эксперта – «интеллектуал», «экспертиза которого не является желательной для общества в целом» [19, с. 205]. Созданная им альтернативная «теория» (проект общества в целом) сперва находит поддержку в сообществе таких же экспертов, затем, при определенных условиях, – у расширяющегося круга обывателей. Используя противоречия в развитии общества и в системе «оправдания» сложившегося порядка, интеллектуал пытается реализовать свой проект общества в целом через ряд «исторических аль-

тернатив», одна из которых – революция. С практическими успехами революции расширяется и число последователей, а с ее победой «революционные интеллектуалы» превращаются «в „официальных“ легитиматоров» [19, с. 207]. Кроме того, теория может и «самоосуществиться» [19, с. 208], когда интеллектуалы создают теорию, которая стала доминирующей в массовом сознании (включая и революционный путь) в будущем (даже не при жизни авторов).

Для нейтрализации отклонений от официальной концепции, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, применяются такие механизмы «поддержания» универсума (социального контроля), как «терапия» и «отрицание» (аннигиляция).

«Терапия» используется «с той целью, чтобы актуальные и потенциальные девианты пребывали в рамках институционализированных определений реальности» [19, с. 184] путем «применения аппарата легитимации к индивидуальным „случаям“». Она включает в себя «теорию девиации, диагностический аппарат и концептуальную схему „делительности душ“» [19, с. 185]. При этом сама терапия может концептуализироваться в ряде теорий:

теория «вины» (вызывает «чувство вины у индивида» [19, с. 186], под влиянием которой он возвращается к принятию официального «знания»);

теория «сопротивления», призванная учитывать сомнения пациента [19, с. 186];

теория «контрпереноса», объясняющая сомнения терапевта [19, с. 186].

Аннигиляция строится на «отрицании реальности любого феномена и его интерпретации, которые не подходят этому универсуму» [19, с. 187]. В подобных случаях отклонения от официальной «теории» в одной ситуации придает негативный онтологический статус (как правило, «по отношению к индивидам или группам, которые находятся за границами данного общества, а потому недоступны для терапии» [19, с. 187], а в другой – они используются как «объяснение всех отклоняющихся определений на основе понятий собственного универсума ... ведется детальная теоретическая борьба» [19, с. 188].

Однако, стоит отметить, что конкуренция легитимаций возможна в открытых обществах доинформационной эпохи (авт. – в закрытых обществах недопустима даже конкуренция легитимаций). Правда, на уровне индивида в закрытом обществе она имеет место быть только в рамках внутрилличностного конфликта (навязываемое знание вступает в противоречие с внутренним убеждением). В открытых обществах постиндустриальной и информационной эпохи к традиционным агентам

социализации добавляются масс-медиа, постепенно наращивающие интенсивность и долю своего влияния на общественное сознание как на уровне означивания, так и на уровне его «привития».

По мере информатизации социальной реальности контент-креаторы и контент-распространители становятся новыми социальными институтами, создающими новые социальные нормы, трансформирующими традиции, популяризирующими собственную легитимацию в конкурентной и не очень борьбе. С течением времени они все больше замещают традиционных агентов социализации, «взваливая» на себя и облекая в новую форму (как правило, цифровую, информационную) их прежние функции, в результате чего появляются, например, дистанционное обучение, e-Learning, виртуализация личности, социальных групп и институтов, иное. Некоторые интерпретации масс-медиа (постправда, фейки, троллинг и иное) в современных условиях становятся новыми системами означивания, мгновенно приобретающими сторонников, их разделяющих. Отсюда не утрачивает важность проблема «теоретиков, занимающихся легитимацией» и «тех, кто руководит „образованием“, суть которого не в абстрактной логике, или технической функциональности, а, скорее, в искренности, с одной стороны, и в доверчивости – с другой...» [19, с. 119]. В условиях манипуляций со «знаниями» реальности стержневой темой становится проблема истинности контента и доверия к контенту и его источнику.

Растянутый во времени и сопряженный с конвенциональностью тренд формирования норм и системы социального контроля и их означивания в используемой лингвистической системе увеличивает манипуляционный потенциал институализации:

при формировании «теорий» и «посвящения» в них в ходе «образования»;

столкновении официального и конкурирующего «знаний» в любом интервале времени (здесь-и-сейчас и в прошлом; при этом прошлую историю общества можно реинтерпретировать, не обязательно разрушая институциональный порядок» [19, с. 115–116]);

росте числа «непосвященных» и их «равнодушии по поводу изолированных теорий поддержания универсума, придуманных специалистами» [19, с. 182] по мере отдаления во времени от точки создания первичных и вторичных теоретизаций. Обыватель (глубоко/совсем) не знает/забывает, как концептуально построен тот или иной универсум.

Сохраняет актуальность идея П. Бергера и Т. Лукмана о том, что в «символических универсумах» значимая роль отводится специалистам, отвечающим за легитимацию. Их можно разделить на две группы: узкие

(специалисты по отдельным «секторам реальности») и универсальные («притязают на знание конечного смысла того, что все знают и делают» [19, с. 191], создают теории высшего порядка (мета-теории, теории теорий) эксперты. Их деятельность по поддержанию «знаний» о реальности носит рутинный и кризисный характер [19, с. 242]. Повседневное поддержание реальности, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, строится на межличностной коммуникации: язык «постоянно поддерживает реальность ..., все время модифицирует ее» [19, с. 248] (означивание новых предметов и процессов, «забывание» неиспользуемых слов, создание теорий, теоретизация первичных теорий и т. п.). В целом, все, что рутинная вторичная социализация в описываемой теории представляет собой как лингвистическое обоснование интернализирующего и легитимирующего потенциала языка.

В ранних культурах (первобытные общества и архаические цивилизации, европейское средневековое общество) универсальные эксперты обладали монополией на формирование символического универсума общества, что было обусловлено «социально-структурной стабильностью» [19, с. 200]. В условиях отсутствия/слабой организации концептуальной конкуренции они признавались по традиции таковыми всеми членами общества, поддерживались властью, нередко сами были таковой, а их «знание» передавалось только «посвященным».

При становлении «символического универсума» возрастает не только уровень теоретизации, но и усиливается традиционализм, выражающийся во «внутренне присущей институционализации тенденции к инерции» [19, с. 192], в застойных явлениях, стагнации. Между экспертами и «профанами» (практиками) могут иметь место конфликты, обусловленные множеством причин (например, разрывом между теорией и практикой, потерей легитимности теории в сознании обывателя, социальными привилегиями экспертов и т. д.), что в определенных ситуациях «может вести к появлению соперничающих определений реальности, а иной раз и к возникновению новых экспертов с новыми определениями» [19, с. 193].

По мере (например, в европейской Античности и Средневековье) срачивания универсальных экспертов с властью и/или становления их в качестве власти начинают более широко навязываться становящиеся официальными «знания» и применяться «три процедуры ликвидации» альтернативных «теорий» [19, с. 198] и их носителей: а) физически уничтожаются; б) интегрируются в существующие; в) концептуально и социально сегрегируются. Например, в Европе по мере приближения к современности произошло на концептуальном уровне формирование интегрированной метатеории социальной реальности, а на практическом

уровне – срачивание универсальных экспертов с властью. В итоге появляется традиция, при которой «консервативные политические силы склонны поддерживать монополистические притязания универсальных экспертов, чьи монополистические организации в свою очередь являются политически консервативными» [19, с. 200]. Кроме того, следует согласиться с утверждением П. Бергера и Т. Лукмана о том, что как «теории» создаются для «легитимации существующих институтов» [19, с. 208], так и институты «изменяются для того, чтобы они соответствовали уже существующим теориям, чтобы сделать их еще „легитимнее“» [19, с. 208].

В процессе срачивания «частного определения реальности ... с конкретным властным интересом» [19, с. 201], по мнению авторов теории, возникает идеология (один из вариантов «номации»), понимаемая ими сугубо в политическом ключе, а не в общекультурном (как система опирающихся на прошлое, объясняющих настоящее и предопределяющих будущее идей о целях развития чего-то/кого-то и средств по их достижению). Такая трактовка предопределена сильным влиянием на рассматриваемую теорию концепций К. Манхейма [19, с. 21–23], Р. Мертона и Т. Парсонса [19, с. 23–25], Т. Гейгера [19, с. 25–26] и меньшим воздействием идей Э. Топича [19, с. 26], увидевшего в различных философских учениях идеологический потенциал, и В. Старка [19, с. 26], обратившего внимание на условия формирования объективных знаний о социальном бытии.

Вместе с тем интерпретация П. Бергером и Т. Лукманом идеологии является слабым звеном в данной теории: во-первых, авторы не следуют своей логике формирования «символического универсума», не замечают, что называемые сегодня идеологиями теоретические концепции не только дают «знание» о прошлой и текущей социальной реальности, но еще и ориентированы в будущее (определяют стратегические цели и пути их достижения);

во-вторых, как следствие, идеологии являются частными случаями конкурирующих теорий о реальности, обладают всеми вышеописанными характеристиками (создаются, вступают в конфликт и конкуренцию с иными теоретическими концепциями, стремятся к доминированию в общественном сознании и т. д.) иных «теорий»;

в-третьих, утверждение о том, что только «идеологии порождают солидарность» [19, с. 202] сужает понимание самого «символического универсума», в котором принятие (через различные механизмы и в различных формах) общественностью официального «знания» о социальной реальности также порождает солидарность.

Попытка снять данное противоречие прослеживается в интерпретации П. Бергером и Т. Лукманом плюралистического общества как про-

странства «взаимного приспособления» доминирующего («центрального») универсума и «различных частных» универсумов, которые «вероятно ... также имеют некие идеологические функции» [19, с. 203].

Одним из слабых мест в теории Бергера – Лукмана является обоснование формирования субъективной идентичности, а также экстернализация, объективация и интернализация на уровне отдельных индивидов. В аргументации сути и динамики данных процессов авторы опираются в меньшей степени на социологический подход. В их интерпретациях преобладают психологические и социально-психологические интеллектуальные традиции.

В рассматриваемой теории общество «понимается как непрерывный диалектический процесс, включающий три момента: экстернализацию, объективацию и интернализацию» [19, с. 210]. В свою очередь, индивид «одновременно экстернализирует себя в социальном мире и интернализирует последний как объективную реальность» [19, с. 210–211], тем самым формируя и объективную идентичность. Все эти процессы протекают в рамках социализации – временной последовательности включения человека в социум или его часть, которая «никогда не бывает полной и никогда не завершается» [19, с. 224].

Первичная социализация, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, – это процесс включения ребенка в социум, в ходе которой без проблем («поскольку нет выбора значимых других» [19, с. 219], а представлена их ограниченная совокупность (родители, родственники, друзья и т. п.), что ведет к неизбежной интернализации ребенком их особой реальности) формируется субъективная идентичность; выстраивается в юном сознании «базисный мир». В первую очередь интернализируется язык, вместе с которым интернализируются простейшие (включая традиционные) когнитивные и нормативные программы деятельности, аппарат легитимации.

В связи с трансформацией имеющегося и накоплением нового знания в обществе возникает необходимость вторичной социализации, которая, по мнению авторов теории, представляет собой процессы включения уже социализированного индивида в новые для себя объективные реальности; «приобретение специфическо-ролевого знания» [19, с. 225], интернализацию частных реальностей («подмиры») и определенного спецификой ролевой деятельности языка, транслирующего «огромное социально-историческое многообразие представлений» [19, с. 227] и иных проявлений официального «знания». «Для установления и поддержания логичности (последовательности и согласованности) вторичной социализации предполагается использование концептуальных процедур, интегрирующих различные системы знания» [19, с. 228]. На этом

этапе происходит взаимная идентификация в процессе коммуникации обывателей. Сталкиваясь в повседневной практике с представителями аппарата легитимации официального «знания» («институциональные функционеры» [19, с. 231]) индивиды познают институциональный контекст; пусть и не в полной мере, но получают «знания» о «правильном» устройстве реальности.

В рамках теории Бергера – Лукмана ресоциализация также понимается как процесс преодоления рассогласования реальностей, когда вторичная социализация не дает нужного эффекта. Однако, интерес представляет ролевой набор личности. Исполняя определенные роли, индивиды формируют институциональный порядок в виде «сети взаимных манипуляций» [19, с. 278], за которыми не всегда видна истинная идентичность. Как следствие, растет «общее сознание релятивности всех миров, включая и свой собственный» [19, с. 278], а «собственное институциональное поведение понимается как „роль“, от которой можно отдалиться в своем сознании и которую можно „разыгрывать“ под манипулятивным контролем» [19, с. 278].

«С помощью ролей институты воплощаются в индивидуальном опыте ... Играя роли, индивиды становятся участниками социального мира. Интернализируя эти роли, они делают этот мир субъективно реальным для себя» [19, с. 122–123].

Границы институциализации зависят от самого общества. Закрытое общество стремится к тотальной институциализации, для открытого – достаточно и фрагментарной. В историческом контексте первый тип, например, представленный средневековым европейским социумом, в чем-то консервативен и конформен по форме и содержанию, и, следовательно, менее инновационен и динамичен. В открытом обществе информационной эпохи настолько быстро и широко появляются и исчезают новые социальные отношения, что, в принципе, невозможна тотальная институциализация.

Естественно, в диахроническом срезе «границы институциализированных действий» [19, с. 135] изменяются. Может наблюдаться даже деинституциализация. В подтверждение этому П. Бергер и Т. Лукман приводят пример: частная сфера современного индустриального общества «...значительно деинституциализирована в сравнении с публичной сферой» [19, с. 135]. Кроме того, «институты поддерживают друг друга» [19, с. 136], а «разрозненные институциональные процессы могут продолжать сосуществовать друг с другом без всеохватывающей интеграции» [19, с. 136].

Важным основанием изменения границ институциализации выступает определенная социальная общность, обеспечивающая существова-

ние социальных норм, включая их трансформацию и деактуализацию. В условиях открытого общества такие социальные совокупности могут вступать друг с другом в конфликт или конкуренцию по поводу институционализации определенных отношений и их легитимации.

Интернализация – «непосредственное постижение или интерпретация объективного факта как ... проявления субъективных процессов, происходящих с другими, благодаря чему этот факт становится субъективно значимым для меня самого» [19, с. 211] – обеспечивает процессы идентификации и легитимации. Между индивидами происходят постоянная идентификация и «„перенимания-от-другого“ того мира, в котором другие уже живут» [19, с. 212] (социальные роли и установки, понимание мира других людей). Так, «благодаря этой идентификации со значимыми другими ребенок оказывается в состоянии идентифицировать себя» [19, с. 214].

Предложенный П. Бергером и Т. Лукманом механизм легитимации применим и к легитимации субъективной идентичности, которая «происходит в том случае, когда она помещена в контекст символического универсума» [19, с. 164]. Признание идентичности иными субъектами, группами и институтами является, по мнению авторов теории, более весомым основанием, чем личная самоидентификация. В социуме человек остается человеком, даже если потерял себя: «... он действительно является тем, кем он себя считает, когда играет свои привычные социальные роли, при свете дня и на глазах значимых других» [19, с. 165].

При этом все эти процессы обеспечиваются языком (инструмент социализации) и построенной на нем абстрактной мыслительной деятельностью человека, позволяющей осуществлять не только первичную, но и вторичную теоретизацию (например, в качестве доказательства интеллектуальной природы интернализации авторы теории приводят индуктивные рассуждения [19, с. 216], формирующие образ обобщенного другого), интеграцию частных «знаний» и любые иные интеллектуальные процедуры. Так, с интернализацией языка происходит и интернализация идентичности и реальности, а с отражением в сознании обобщенного другого «устанавливается симметричная связь между объективной и субъективной реальностями» [19, с. 217–218]. Она напоминает «разрубание гордиева узла проблемы согласованности – тут поиск согласованности оставлен, реальность реконструируется *de novo*» [19, с. 262].

В целом, значительная часть концепции формирования субъективной реальности в теории Бергера – Лукмана строится на синтезе потенциальных частных случаев и их интерпретации языком и инструментарием, близким к социально-психологическому и психоаналитическому

подходам и органической теории общества [19, с. 291–295]; некоторые авторские пассажи толкуются излишне относительно и этически некорректно (например, «предательство самих себя» [19, с. 274], «предательство» сверстников другом «отличником» [19, с. 275] и т. п.).

Подводя итог, можно сформулировать следующие выводы:

во-первых, теория конструирования социальной реальности П. Бергера и Т. Лукмана в большей степени позволяет интерпретировать отдельные условия и приемы манипулятивных процессов и в меньшей степени – сущность самой манипуляции, поскольку последняя является для данных авторов производным процессом институализации, в рамках которой язык как уникальное средство легитимации реальности выступает инструментом манипулирования престижными смыслами, через которые происходит легитимация существующего порядка, скрытое «подталкивание» масс к задаваемому извне действию/бездействию или осмыслению/неосмыслению;

во-вторых, рассматриваемая теория определяет условия повышения манипуляционного потенциала институализации: а) при формировании «теорий» и «посвящении» в них в ходе определения содержания и формы «образования»; б) столкновении официального и конкурирующего «знаний» в любом интервале времени, попытках реинтерпретировать историю общества; в) традиционном равнодушии масс к теориям объяснения реальности, нетотальности интернализации индивидами всей реальности;

в-третьих, исполнение социальных ролей, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, является ситуацией манипулирования презентацией идентичностей (попытка индивида скрыть истинную идентичность за выполняемой ролью/сыграть требуемую институтом/институтами роль (продемонстрировать требуемую идентичность));

в-четвертых, вопрос о статусе идеологии в процессах конструирования реальности остался нерешенным (авторы не замечают, что: а) идеологии как теоретические концепции не только дают «знание» о прошлой и текущей социальной реальности, но и еще ориентированы в будущее (определяют стратегические цели и пути их достижения); б) идеологии являются частными случаями конкурирующих теорий о реальности, обладают всеми характеристиками иных «теорий», приведенных П. Бергером и Т. Лукманом в качестве примеров);

в-пятых, рассматриваемая теория в большей степени актуальна в отношении индивидов, групп, институтов и их взаимодействий в традиционных и индустриальных обществах; в меньшей степени – в отношении этих же элементов и процессов в информационном обществе (по причинам: а) крайней релятивности и избыточности концепции четырехуров-

невой легитимации; б) ограниченности концепций: «поддержания» универсума (социального контроля); конкуренции и конфликта легитимаций; конвенционального механизма формирования социальных ролей, норм и «теорий»; и др.; в) чрезмерной психологичности концепции субъективной идентификации. Вместе с тем базовые элементы теории Бергера – Лукмана (концепции языка, институализации и легитимации) при включении в нее семиотического, герменевтического и структурно-функционального инструментария могут быть использованы для исследования манипуляций в текущей социальной реальности и определении потенциала угроз национальной безопасности в информационной сфере.

1. Александер, Д. Смыслы социальной жизни: культурсоциология / Д. Александер. – М. : Праксис, 2013. – 639 с.
2. Безотосный, И.А. Позитивный имидж России: конструирование и репрезентация символической социальной реальности : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / И.А. Безотосный. – Краснодар, 2011. – 26 с.
3. Данилова, Т.Г. Конструирование социальной реальности в дискурсе информационного общества: коммуникативный аспект : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Т.Г. Данилова. – Томск, 2011. – 24 с.
4. Жигунова, Г.В. Повседневность как социальный феномен / Г.В. Жигунова // *Соврем. исслед. соц. проблем.* – 2015. – № 8. – С. 56–71.
5. Калинин, А.А. Теоретико-методологические аспекты дискурсивного конструирования социальной реальности киберпространства : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.01 / А.А. Калинин. – Саратов, 2018. – 17 с.
6. Кистова, А.В. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичностей на основе этнографического подхода в социальной философии : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / А.В. Кистова. – Красноярск, 2013. – 22 с.
7. Кузьменкова, А. Конструирование социальной реальности на страницах белорусских внутрикорпоративных медиа / А. Кузьменкова // *Журналістыка – 2014: стан, праблемы і перспектывы : матэрыялы 16-й Міжнар. навук.-практ. канф. (4–5 снеж.), [2014 г., г. Мінск / рэдкал.: С.В. Дубовік (адк. рэд.) і інш.].* – Мінск, 2014. – С. 183–185.
8. Латышева, Ж.В. Анализ оснований повседневного знания в теории социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана / Ж.В. Латышева // *Учен. зап. Орл. гос. ун-та. Серия: Гуманитар. и соц. науки.* – 2011. – № 6. – С. 144–150.
9. Левицкий, В.С. Конструируя реальность: осознание в феноменологической традиции социальной природы реальности как атрибута модерна / В.С. Левицкий // *Философия и о-во.* – 2018. – № 3. – С. 25–39.
10. Масленченко, С.В. Провокация в искусстве: сущность и методология исследования / С.В. Масленченко // *Вестн. Белорус. ун-та культуры и искусств.* – 2020. – № 1. – С. 29–36.

11. Пинчук, А.И. Конструирование социальной реальности в техносоциальном пространстве: новые вопросы и идеи / А.И. Пинчук // *Социология и жизнь.* – 2019. – № 1. – С. 131–141.
12. Платонова, С.И. Неклассическая парадигма социального исследования в эпистемологическом контексте XX века / С.И. Платонова // *Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена.* – 2011. – № 127. – С. 114–120.
13. Поликарпова, Е.В. Воздействие современных информационно-коммуникационных технологий на сознание человека и конструирование социальной реальности : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Е.В. Поликарпова. – Ростов н/Д., 2011. – 57 с.
14. Саяпина, И.Ю. Медийное конструирование социальной реальности: теоретико-методологический подход : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.01 / И.Ю. Саяпина. – Саратов, 2011. – 18 с.
15. Тимошук, Е.А. Интерсубъективность социокультурного мира / Е.А. Тимошук // *Перспективы науки и образования.* – 2013. – № 6. – С. 32–36.
16. Черемисин, А.Г. Конструирование новой социальной и образовательной реальности на основе Интернет-технологий : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / А.Г. Черемисин. – М., 2009. – 18 с.
17. Черных, О.Н. Структурные основания современного пространства повседневности / О.Н. Черных // *Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина.* – 2011. – Т. 2, № 1. – С. 126–135.
18. Черняк, Н.А. Понимание и социальное конструирование действительности / Н.А. Черняк // *Вестн. Ом. ун-та.* – 2009. – № 3. – С. 14–25.
19. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
20. Традиция [Электронный ресурс] // *Философская Энциклопедия.* – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1236/ТРАДИЦИЯ. – Дата доступа: 12.05.2020.
21. Когнитивный [Электронный ресурс] // *Словарь иностранных слов русского языка.* – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/20044/КОГНИТИВНЫЙ. – Дата доступа: 18.05.2020.
22. Нормативный [Электронный ресурс] // *Философский словарь Спонвилля.* – Режим доступа: https://philosophy_sponville.academic.ru/1241/Нормативный. – Дата доступа: 18.05.2020.

Поступила: 18.06.2020

S.V. Maslenchenko, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor (Academy of the MIA of the Republic of Belarus)

THE POTENTIAL OF THE THEORY OF THE SOCIAL CONSTRUCTION OF REALITY P. BERGER AND T. LUCKMANN IN THE INTERPRETATION OF MANIPULATIONS

The article determines the applicability of the theory of constructing social reality of P. Berger and T. Luckmann in the study of the information society and the processes of manipulation in it. It has been established that language as a unique means of

legitimizing reality acts in the theory under consideration as a tool for manipulating meanings; under certain conditions, the manipulative potential of institutionalization increases, the fulfillment of social roles is a situation of manipulating the presentation of identities. The analyzed theory is more relevant in relation to individuals, groups, institutions and their interactions in traditional and industrial societies; to a lesser extent, in relation to the same elements and processes in the information society. The basic elements of the Berger – Lukmann theory (the concept of language, institutionalization and legitimation), when it includes semiotic, hermeneutic, and structurally functional tools, can be used to study manipulations in current social reality.

Keywords: construction of social reality, manipulation, institutionalization, legitimation.

УДК 378

*Е.Н. Мисун, кандидат социологических наук,
доцент (Академия МВД Республики Беларусь)*

СОТРУДНИКИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассматриваются характерные признаки социальной группы с точки зрения социологической науки. Определяются специфические черты органов внутренних дел как социально-профессиональной группы. Раскрывается социологический подход к определению сотрудников органов внутренних дел как социальной группы.

Ключевые слова: сотрудники органов внутренних дел, социальная общность, социальная группа, меры социально-правового характера.

Социальная реальность представляет собой систему постоянно-производства и воспроизводства взаимоотношений, различных по форме объединений людей, в которых организовывается их совместная деятельность. В социальной структуре общества выделяют следующие элементы: личность, социальная группа, социальная общность и социальный институт. Социальные общности позволяют структурировать социальную систему, выделяя различные макроструктуры, каждая из которых несет в себе информацию о некотором наборе конкретных параметров данного общества.

В социологической науке принято выделять следующие подструктуры общества: социально-классовую, профессионально-квалификационную, социально-этническую, социально-демографическую и социально-территориальную. Классы, как большие социальные общности людей, составляют основу социально-классовой структуры. Общности людей,

формирующиеся на основе таких признаков, как пол и возраст (молодежь, пенсионеры, женщины, мужчины и т. д.) образуют социально-демографическую подструктуру.

Обязательным компонентом социальной структуры любого общества является социально-территориальная структура. Территориальные общности распределяются по месту жительства (жители города, жители села, жители определенных районов и регионов).

На основе профессиональной деятельности в различных отраслях формируется профессионально-квалификационная структура общества. Чем больше видов производственной деятельности, тем больше различаются профессиональные категории (медики, педагоги, предприниматели и т. п.).

Зададимся вопросом, являются ли сотрудники органов внутренних дел социальной группой, сформированной социальной общностью в профессиональной структуре общества? Некоторые исследователи склонны считать, что сотрудники органов внутренних дел не являются социальной группой ни по одному классификационному параметру. Аргументы сводятся к тому, что сами сотрудники могут быть частью разных социальных групп, больших или малых, и в этом случае они выступают уже не как сотрудники органов правопорядка. В частности, они могут быть бедными или богатыми, мужчинами или женщинами, жителями города или села, молодыми или пожилыми, со средним образованием или высшим и т. д., но в качестве сотрудников органов правопорядка они служат государству и не могут быть в своей совокупности особой социальной группой. Данной точки зрения придерживается ряд российских авторов [1]. Так, для разрешения вопроса о толковании содержания понятия «социальная группа» в юридическом аспекте они предлагают обратиться к действующему законодательству. По их мнению, должно быть дано соответствующее определение в юридическом документе, однако ни в одном правовом документе не дается четкого обоснования и определения, что сотрудники правоохранительных органов (сотрудники органов внутренних дел) являются социальной группой. Они ссылаются на Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, в котором указано, что «...сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации являются граждане Российской Федерации, состоящие в должностях рядового и начальствующего состава органов внутренних дел или в кадрах Министерства внутренних дел Российской Федерации, которым в установленном настоящим Положением порядке присвоены специальные звания рядового и начальствующего состава органов внут-

ренных дел» [2]. Указанные сотрудники в данном документе не названы, ни группой, ни, тем более, социальной группой. Таким образом, если в основном юридическом документе статус сотрудников полиции не определен в качестве социальной группы, то любые другие допущения и абстрактные конструкции не могут быть основанием для квалификации сотрудников органов внутренних дел в качестве социальной группы.

Мы придерживаемся иной точки зрения по данному вопросу. Разберемся в трактовке дефиниции «социальная группа» с точки зрения социологической науки. Социальная группа – это относительно устойчивая совокупность людей, которые находятся во взаимодействии и объединены общими интересами и целями. В социальной группе воплощаются специфические взаимосвязи индивидов между собой и обществом в целом.

Для социальной группы характерны следующие признаки:

устойчивость и целостность ее внутренней структуры. Данный признак позволяет сохранять высокую стабильность существования группы во времени и пространстве;

наличие источника ее интеграции, материальных и идейных центров ее существования. Для социальной группы свойственны средства ее институционализации – ценности, символы, цели, которые обеспечивают ее (группы) устойчивость функционирования. Основная особенность социальных групп заключается в том, что они – это не только группы людей по интересам или виду деятельности, это еще и определенная групповая социальная позиция людей, общественное мнение, способ выражения какой-либо социальной точки зрения;

наличие системы коммуникаций, организующей обмен информацией и обеспечивающей смысловой и содержательный аспекты взаимодействия. Групповая идентичность формируется через систему взаимодействия, распределение ролей и выполнение соответствующих функций; совместные условия деятельности.

Социальные группы классифицируются по нескольким основаниям:

большие и малые. К первым относятся этнические группы, социальные классы, профессиональные группы и т. д., ко вторым – семья, рабочий коллектив и т. д.;

формальные и неформальные. Формальные, созданные по воле руководителя на основе определенной организационно-правовой документации, и неформальные, которые складываются стихийно на основе межличностных отношений и не имеют официального, юридически фиксированного, утвержденного статуса;

первичные и вторичные. В первичной группе ее члены общаются между собой непосредственно и с высокой эмоциональностью, а обще-

ние во вторичной группе носит формальный, официальный и безличный характер.

Таким образом, социальные группы как разновидности социальных общностей представляют собой совокупности индивидов, взаимодействующих на основе совместных ожиданий, связанных упорядоченной системой отношений, общими целями, ценностями, социальными нормами.

Специфика и преимущество социологического подхода к изучению сотрудников органов внутренних дел состоит в особом видении данной группы, рассмотрении их в органическом единстве различных сторон жизнедеятельности – профессиональной, общественно-политической, духовной. Как организации военизированного типа, они имеют четкую иерархию, в них жестко регламентированы все важнейшие параметры деятельности как института в целом, так и конкретного сотрудника. Многими исследователями признается тот факт, что система отношений, свойственных подобного рода организациям, во многом подобна системе отношений, свойственных тотальным организациям и институтам. В данной связи в исследовательской практике понятие «тотальный институт» используют при рассмотрении военных (армия) и военизированных организаций, обеспечивающих функции поддержания общественного порядка (МВД, КГБ и др.), религиозных организаций (монастыри), организаций системы здравоохранения (больницы) и др.

Чаще всего термин «тотальный институт» связывают с именем Э. Гофмана [3]. Э. Гофман довольно точно охарактеризовал условия, в которых существуют члены тотальных институтов. Всеобщий социальный контроль над участниками, который проникает из сферы профессиональной жизни в сферу личной, делает подчинение участников тотального института административному циклу жизни абсолютным. В таких организациях возможность для выбора у участников крайне мала. Все обязаны поступать в соответствии с теми нормативами, которые предписаны в данном институте. Сами по себе нормативы носят характер императива – безальтернативной нормы, следовательно в большинстве случаев цели организации никак не соотносятся с целями рядовых сотрудников. Нередко и управленческий аппарат также становится заложником норм тотального института, которые никак не соотносятся с целями и ценностями менеджмента [4, с. 42].

Органы внутренних дел, имея сходные черты с иными силовыми институтами, в то же время отличаются от них с точки зрения выполняемых социальных функций. Так, если деятельность вооруженных сил направлена в первую очередь на стабилизацию и поддержание взаи-

моотношений вовне, то правоохранительные органы в первую очередь осуществляют реализацию предусмотренных законодательством мер, направленных на защиту личности, общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств внутри его самого. Являясь одним из субъектов правоохранительной системы, в своей деятельности сотрудники органов внутренних дел применяют комплекс юридических и организационных средств, включая меры государственного принуждения. Вместе с тем, наряду с другими институтами правоохранительной системы органы внутренних дел призваны защищать интересы личности, общества и государства от преступных и иных противоправных деяний, охранять общественный порядок, обеспечивать общественную безопасность, выполняя тем самым важную социальную роль [5].

Характерными чертами, позволяющими относить органы внутренних дел к социально-профессиональной группе с особой системой отношений, являются закрытость, административность норм, директивность и консервативность системы.

Закрытость органов правопорядка непосредственно связана с осуществляемыми ими функциями, а также подбором кадрового состава. Так, в Положении о прохождении службы в органах внутренних дел регламентируются условия приема на службу [6]. В частности, в п. 16 гл. 3 отмечается, что в органы внутренних дел принимаются на добровольной основе совершеннолетние граждане, способные по своим личным, моральным и деловым качествам, состоянию здоровья, уровню основного образования выполнять задачи, возложенные на органы внутренних дел. В п. 20 настоящего Положения регламентируются ограничения в приеме на службу в органы внутренних дел.

Система административности норм раскрывается через следующие характеристики:

специфический образ жизни, регламентированы все параметры деятельности и системы, и отдельной личности;

иерархичность отношений, следование приказу без обсуждения целесообразности предписанных действий;

доминирование коллективной задачи над индивидуальной, безопасности окружающих над собственной безопасностью.

Директивность и консервативность системы выражается в приверженности к традиционным принципам организации работы в контексте командно-административных отношений. Речь идет о нерегламентированном рабочем дне, особом стиле общения, определенном давлении со стороны группы с целью формирования групповых характеристик личности, которой свойственны точность, педантичность, терпеливость, испол-

нительность, ответственность, любовь к порядку и дисциплине. Именно эти качества востребованы в правоохранительных органах как необходимое условие поддержания квалифицированных служебных отношений.

Социальная роль сотрудника органов внутренних дел предполагает поведение, основанное на нормах, ценностных установках, предписываемых обществом и ожидаемых населением. По данным социологического исследования, проведенного Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в июне 2018 г., наиболее типичными профессионально значимыми качествами сотрудников органов внутренних дел с точки зрения респондентов являются: вежливость (19,1 %), внимательность (13,5 %), профессионализм (12,2 %), аккуратность и терпение (по 11,5 %), ответственность и отзывчивость (по 10,0 %), коммуникабельность (9,0 %), справедливость (6,6 %) и др. Среди нравственно-негативных качеств личности сотрудника: грубость (8,9 %), равнодушие (7,6 %), бестактность (6,5 %), пассивность (6,1 %) и др. [5].

Роль правоохранительных органов в жизни общества оценивается неодинаково. Часто требования и ожидания общества не всегда согласуются с ожиданиями самих сотрудников, постоянно находящихся в сфере воздействия общества и своей служебной структуры. Власть, данная сотрудникам органов внутренних дел, определяет их повышенную ответственность за последствия принимаемых ими решений и осуществляемых действий.

Таким образом, проведенный анализ позволил сформулировать ряд выводов.

1. В соответствии с признаками, проявляемыми в профессиональной деятельности, сотрудники органов внутренних дел образуют особую закрытую большую социальную группу в профессионально-квалификационной структуре общества, деятельность которой регламентируется правовыми нормами.

2. Размытость в общественном сознании понимания, что представляют собой социальные группы, социальные общности и какую роль они выполняют, связана со снижением общего уровня образованности в обществе, что в свою очередь является следствием сокращения цикла социально-гуманитарных дисциплин в высшем образовании.

3. Прочтение и следование букве закона не всегда позволяет законодателю четко определять и относить представителей той или иной профессии к социальной группе и определять их юридический статус.

4. Разработка мер социально-правового характера по юридическому обоснованию роли и места социальной группы (сотрудники органов внутренних дел) в системе социальной стратификации будет способствовать нейтрализации рисков, вызовов и угроз национальной безопасности

Республики Беларусь в социальной сфере, а также являться основанием для проведения дальнейших исследований в области отечественной юридической социологии. Вопрос остается открытым для дискуссии...

1. Социологи считают, что сотрудники милиции не являются социальной группой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://golosa.info/node/4637>. – Дата доступа: 12.06.2020.

2. Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Верхов. Совета Рос. Федерации, 23 дек. 1992 г., № 4202. – Режим доступа: <https://bazanpa.ru/vs-rf-postanovlenie-n4202-1-ot23121992-h184878/polozhenie>. – Дата доступа: 12.06.2020.

3. Goffman, E. Asylums: essays on the social situation of mental patients other inmates / E. Goffman. – 9th ed. – Harmondsworth : Penguin Books, 1978. – 336 p.

4. Гофман, Э. Об особенностях тотальных институций / Э. Гофман // Личность. Культура. О-во. – 2008. – Т. 10, вып. 3/4. – С. 38–50.

5. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З : в ред. от 31.12.2010 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

6. О вопросах прохождения службы в органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 марта 2012 г., № 133 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

7. Барановский, Н.А. Информационно-аналитическая записка по результатам социологического исследования «Общественное мнение об эффективности работы органов внутренних дел на местном административно-территориальном уровне Республики Беларусь» / Н.А. Барановский ; гос. науч. учреждение «Ин-т социологии Нац. акад. наук Беларуси». – Минск, 2018. – 67 с.

8. Мадьяра, Н.М. Работники органов внутренних дел как социально-профессиональная группа (на материалах Республики Татарстан) : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Н.М. Мадьяра ; ГУО ВПО Казан. гос. энергет. ун-т. – Казань, 2006. – 28 с.

Поступила: 18.06.2020

E.N. Misun, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor (Academy of the MIA of the Republic of Belarus)

EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES AS A SOCIAL GROUP: SOCIOLOGICAL ASPECT

The characteristic features of a social group from the point of view of sociological science are considered. Determined by the specific features of the bodies of internal affairs as a socio-professional group. The article reveals a sociological approach to defining employees of internal affairs bodies as a social group.

Keywords: employees of internal affairs bodies, social community, social group, social and legal measures.

УДК 316.4 + 355.01

*М.Ю. Узгорок, кандидат философских наук,
доцент (Академия МВД Республики Беларусь)*

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ И УГРОЗЫ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Раскрывается роль идеологии в жизни белорусского общества и в органах внутренних дел; актуализируется проблема выявления социально-политических рисков и угроз в идеологической сфере ОВД в контексте развития и функционирования современного общества; предлагаются конкретные практические рекомендации, позволяющие предотвратить возможные социально-политические риски и угрозы в идеологической сфере ОВД, а также способствующие преодолению уже существующих.

Ключевые слова: социально-политические риски и угрозы, идеологическая сфера ОВД, воспитание сотрудников ОВД, имидж сотрудника ОВД, кибертерроризм, транснациональная преступность, социальная зрелость сотрудников ОВД.

В современном обществе все активнее проявляется интерес к проблеме выявления различных социально-политических рисков и оказания противодействия актуальным источникам угроз в идеологической сфере на ранних этапах их возникновения.

Безусловно, данная проблема касается и деятельности органов внутренних дел, непосредственно связанной с защитой прав, свобод и законных интересов граждан.

Правоохранительные органы в целом и ОВД в частности представляют собой многофункциональную, сложную систему, которая эволюционирует вместе с социумом. Сегодня в социальной структуре общества, индивидуальной психологии, ценностных ориентациях различных социальных групп белорусов наблюдаются существенные изменения [1]. Они отличаются не только положительной, но и отрицательной направленностью, что влияет на динамику преступности, отношения граждан и правоохранительных органов, создает благоприятные условия для появления идеологических дисфункций в развитии ОВД и их сотрудников.

В настоящее время анализ общих положений Концепции национальной безопасности Республики Беларусь и сложившейся практики позволяет нам выделить две группы источников угроз в идеологической сфере – внешние и внутренние [2]. И если первая группа источников угроз имеет объективную, в наименьшей степени зависящую от активности идеологических аппаратов ОВД природу, то вторая категория внутренних источников угроз доступна непосредственно прямому противодействию.

Основными источниками внешних социально-политических угроз в идеологической сфере ОВД являются: информационные поводы, тенденции и риски, дискредитирующие деятельность правоохранительных органов Республики Беларусь в целом, а также формирующие негативный имидж их сотрудников; навязывание деструктивными политическими силами международной общественности посредством СМИ образа ОВД, не отвечающего их функциональным задачам, компетенциям и целевому предназначению; вмешательство извне в деятельность ОВД; провоцирование снижения доверия граждан к их сотрудникам; персональное информационное воздействие на личность сотрудников и членов их семей.

Для выявления и предотвращения социально-политических рисков и угроз в идеологической сфере ОВД представляется целесообразным принять необходимые меры, направленные на недопущение подобных явлений.

Предупреждение внешних рисков и угроз зависит от различных факторов. Так как данная проблема в определенной степени касается всех силовых структур нашей страны, необходимо создать условия для их эффективного взаимодействия. В настоящее время каждая силовая структура характеризуется высоким уровнем автономности, и, хотя взаимодействие между ними осуществляется, однако, во-первых, развито на недостаточно высоком уровне, а во-вторых, не регулируется законодательно.

Совершенствование законодательства в данной отрасли и разработка подробных инструкций внутреннего пользования по взаимодействию различных силовых структур Республики Беларусь в значительной степени будут способствовать профилактике возможных социально-политических рисков в идеологической сфере.

Одним из ведущих источников угроз в идеологической сфере является негативный образ сотрудника ОВД среди населения, сложившийся в результате различных факторов, в том числе вследствие недостаточно продуктивного взаимодействия ОВД со средствами массовой информации (СМИ).

Для профилактики подобных рисков как в государственной идеологии в целом, так и в идеологической сфере ОВД, необходимо использовать активное взаимодействие ОВД и СМИ, направленное на формирование положительного имиджа сотрудника ОВД и укрепление авторитета всей правоохранительной системы нашего государства.

В условиях постиндустриального общества СМИ должны выступать в качестве связующего звена между ОВД и населением, являясь дополнительным источником информации для проведения оперативных мероприятий, получения содействия, а также средством формирования установок и стереотипов общества, повышения престижа деятельности

правоохранительных органов. В свою очередь, в ОВД вырос интерес к сведениям, полученным в ходе журналистского расследования, о фактах нарушения закона, о действиях, содержащих признаки преступления, о нарушении прав и свобод граждан, интересов государства.

Индикатором социально-политической ситуации в стране и регионах в определенной степени является характер взаимоотношений между правоохранительными органами и населением. Немаловажным фактором в данном случае является степень доверия к сотруднику ОВД как одного из показателей работы правоохранительной системы в целом. Доверяя сотруднику ОВД как представителю государства, наделенному конкретными властными полномочиями, люди с доверием относятся и к органам государственного управления, что напрямую влияет на стабильность социально-политической ситуации в стране и поддерживает уверенность человека в завтрашнем дне.

В современных условиях все большее влияние на общество оказывают интернет-технологии, которые могут использоваться сотрудниками правоохранительных органов в различных аспектах. Учитывая анонимный характер международной сети и возможность регистрации сайтов в других государствах, а также массовый характер интернет-аудитории, можно утверждать, что сеть является благоприятной средой для использования ее деструктивными силами с целью дестабилизации общественно-политической обстановки в нашей стране.

В этой связи соответствующим службам необходимо контролировать киберпространство, отслеживать и опровергать или блокировать дезориентирующую информацию, вести борьбу с кибертерроризмом. Все большую актуальность приобретает сегодня противодействие транснациональной преступности.

К внутренним источникам социально-политических угроз в идеологической сфере ОВД относится возможная низкая скоординированность действий идеологических аппаратов в информационном обеспечении деятельности ОВД. Неполнота, несвоевременность, взаимная противоречивость предоставляемой информации от разных источников в значительной степени снижают ее ценность для целевой аудитории. С целью совершенствования направлений идеологической работы последовательно оптимизируется применяемый сегодня тип взаимодействия между идеологическими аппаратами и пресс-службами органов и подразделений внутренних дел, достигая желаемого уровня информационного обеспечения своей работы.

Одним из источников внутренних угроз в идеологической сфере ОВД выступает возможная недостаточность масштабов и качества внедрения в практику работы идеологических аппаратов мероприятий

пропагандистского характера и освещения их в СМИ. Информационно-пропагандистская деятельность предполагает системный характер, ее эффективность определяется четкой работой всех звеньев, начиная с центрального аппарата МВД и заканчивая территориальными ОВД. Но все же главными, несущими основную практическую нагрузку, без сомнения, являются региональные подразделения информации и общественных связей ОВД. Именно они призваны формировать у населения объективную оценку деятельности министерства, способствовать повышению уровня взаимного доверия и партнерства между гражданами и сотрудниками ОВД. Следует активнее использовать интернет-технологии для формирования положительного имиджа сотрудников ОВД.

В настоящее время наблюдается снижение укомплектованности ОВД высококвалифицированными кадрами, что также является одним из внутренних социально-политических рисков, в связи с чем необходимо на постоянной основе повышать профессиональный уровень сотрудников на базе ведомственных учреждений образования, а также поощрять и поддерживать самообразование сотрудников ОВД. Примечательно, что включение наиболее перспективных сотрудников ОВД в кадровый резерв является важным стимулом их стремления к повышению своего профессионализма, в том числе и за счет повышения качества своего образования.

Нарушения сотрудниками ОВД служебной и исполнительской дисциплины и иные правонарушения, которые носят общественный резонанс, также являются социально-политическими рисками в идеологической сфере. В работе по укреплению законности и дисциплины среди личного состава основной упор необходимо делать на индивидуальное воспитание подчиненных, обратив особое внимание на лиц, склонных к совершению проступков, а также на молодых сотрудников. Психологической службе следует своевременно выявлять признаки профессиональной деформации личности, а также сотрудников, склонных к деструктивному поведению, включать таких сотрудников в группу риска и своевременно предоставлять им психологическую помощь. Проведение раннепрофилактических мероприятий по предупреждению нарушений служебной дисциплины и законности является более действенной мерой, чем наказание за совершенный проступок.

В служебных коллективах необходимо формировать обстановку нетерпимости к нарушениям служебной дисциплины и законности, общественного осуждения противоправного поведения нарушителей и объективной оценки их действий.

В качестве предупреждения возникновения социально-политических рисков в идеологической сфере следует повышать престиж службы в ОВД. Целесообразно формировать у сотрудников чувство гордости за

свою профессию, стремление соответствовать высокому званию сотрудника ОВД. Для этого считаем необходимым проводить пропаганду социальной значимости службы в ОВД Республики Беларусь, доносить преимущества и трудности данной профессии до населения Республики Беларусь, делая акцент на профориентационную работу с молодежью.

Одним из аспектов выполнения профессиональной деятельности сотрудниками ОВД является организация агитационной работы, проводимой действующими сотрудниками по привлечению на службу в ОВД студентов выпускных курсов гражданских учреждений высшего образования. На современном этапе эта форма профориентационной работы нуждается в серьезной коррекции, поскольку у претендентов пройти службу в правоохранительных органах должно быть сформировано реальное представление о будущей профессиональной деятельности. И эта информация не только об уровне материального дохода сотрудников и объеме властных полномочий, но и о серьезной нагрузке, сложностях и специфике службы, об огромной ответственности, которую несут все сотрудники ОВД, независимо от уровня занимаемой должности. Важно акцентировать внимание на том, что для молодых людей, желающих посвятить свою жизнь службе в ОВД, реализация таких морально-нравственных качеств личности как «долг», «честь», «совесть», «человеческое достоинство» должна осуществляться на уровне внутренней потребности и ассоциироваться с образом сотрудника органов внутренних дел.

Одной из важнейших задач в процессе воспитательной работы среди сотрудников ОВД является формирование патриотической личности в контексте ценностей духовной культуры. В первую очередь это касается молодых сотрудников и учащихся различных учебных заведений системы ОВД. В учебных заведениях дисциплины общегуманитарного цикла следует наполнить патриотической составляющей и при их изучении прививать любовь к Родине на примерах жизни и деятельности известных людей и сотрудников ОВД, поступки которых являются предметом уважения и гордости среди коллег и общества в целом.

Таким образом, проведение постоянной идеологической работы с сотрудниками ОВД с целью формирования социально зрелой, устойчивой личности, обладающей набором профессиональных и личностных качеств также способствует предупреждению и преодолению социально-политических рисков и угроз в идеологической сфере. Социальная зрелость сотрудника правоохранительных органов заключается в его готовности и способности обеспечивать общественную безопасность и правопорядок в государстве, противостоять преступности, коррупции, достойно преодолевать повседневные трудности и негативное воздействие социально-политических рисков и угроз в идеологической сфере.

1. Рафикова, Г.В. Понятие об идеологических угрозах и их конкретные особенности / Г.В. Рафикова // Молодой ученый. – 2016. – № 3. – С. 750–752.

2. Новая Концепция национальной безопасности // Информац. бюл. Администрации Президента Респ. Беларусь. – 2010. – № 12. – 35 с.

Поступила: 18.06.2020

M.Y. Uzgorok, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor (Academy of the MIA of the Republic of Belarus)

SOCIO-POLITICAL RISKS AND THREATS IN THE IDEOLOGICAL SPHERE OF THE INTERIOR AGENCIES AND THE MAIN ASPECTS OF THEIR PREVENTION

The role of ideology in the life of Belarusian society and in the interior agencies is revealed; the problem of identifying socio-political risks and threats in ideological sphere of the interior agencies in the context of development and functioning of modern society is shown; specific practical recommendations are offered to prevent possible socio-political risks and threats in ideological sphere of the interior agencies, as well as to help to overcome the existing ones.

Keywords: socio-political risks and threats, ideological sphere of the interior agencies, education of the interior officers, image of an interior officer, cyber terrorism, transnational crime, social maturity of the interior officers.

УДК 316.334.4

Е.В. Шкурова, кандидат социологических наук, доцент (Институт социологии Национальной академии наук Беларуси)

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ КАТЕГОРИЙ СОЦИОЛОГИИ ПРАВА

Осуществляется концептуализация правовых феноменов посредством теоретико-методологического осмысления основных категорий социологии права; представлены сущностные, структурные и функциональные характеристики таких явлений, как правовая культура, правовое сознание, правовое поведение, правовая социализация и юридическая деятельность.

Ключевые слова: категории социологии права, правовая культура, правовое сознание, правовое поведение, правовая социализация и юридическая деятельность.

Право в социальной системе выступает одним из основных социальных институтов, обеспечивающих удовлетворение социальной потребности в поддержании стабильности и социального порядка. Концептуализация правовых феноменов в социологической науке обусловлена

прежде всего необходимостью поиска основных механизмов включения социально-правовых явлений в систему общественных отношений. Ключевым аспектом теоретико-методологического осмысления этих феноменов является система понятий, отражающих сущность данных явлений. В качестве наиболее заметных категорий, отражающих особенности развития и функционирования права в социальном контексте, выступают правовая культура, правовое сознание, правовое поведение, правовая социализация и юридическая деятельность.

Система категорий социологии права

Многообразие знаний, идей, идеалов, ценностей, социальных ориентиров, норм и образцов поведения, в совокупности формирующих накапливаемый исторически социальный опыт в правовой сфере воспроизводится посредством правовой культуры. В социологии и юриспруденции представлено широкое и узкое понимание сущности понятия «правовая культура». В широком понимании правовая культура характеризует определенный качественный уровень правовой жизни общества. В узком смысле правовая культура определяется как совокупность ценностей и установок общества, отдельных социальных групп и индивидов по отношению к праву.

Можно судить, что правовая культура представляет собой ценностно-нормативную систему, включающую совокупность правовых знаний, убеждений, ценностей, ценностных ориентаций и установок индивидов, социальных общностей и общества в целом, реализуемых в правовой деятельности и поведении.

Важным компонентом культурных универсалий являются нормы, образцы и стандарты поведения, вырабатываемые в процессе развития общества, результатом чего является формирование социального института регулирования общественной жизни – права, элементом и фактором развития которого выступает правовая культура.

Правовая культура тесно связана с культурой политической, поскольку субъектом формирования правовых норм является государство, которое наряду с обществом ориентирует индивидов на формирование и развитие правового сознания и правового поведения. Процесс воздействия на правовое сознание и поведение обеспечивается развитием правовых ценностей, новых взглядов, сменой правовых теоретиков и т. п. и реализуется посредством социализации, установления системы ценностей, формирования образцов поведения, выработки моделей (идеалов), служащих эталоном для оценки явлений и процессов [1, с. 121–125].

Основными компонентами правовой культуры в обществе выступают [1–4]: право как система норм, устанавливаемых и санкционируемых государством; правоотношения как совокупность социальных отношений, регулируемых правом; правовые учреждения как совокупность органов государственного управления, обеспечивающих реализацию права и правоприменение; правосознание как система духовного отражения действительности; правовое поведение как система практической деятельности по применению права.

Связь правовой культуры с правосознанием определяет специфику форм ее проявления, в связи с чем можно выделить три разновидности правовой культуры: правовая культура общества в целом, отражающая баланс интересов личности, общества и государства, уровень развития правовых отношений; правовая культура социальных общностей, традиционно функционирующая в виде правовых субкультур; индивидуальная правовая культура, отражающая совокупность знаний и представлений личности о праве, а также характер осознания ею необходимости исполнения правовых предписаний.

Противоположностью правовой культуры является правовой нигилизм – форма правового сознания и правового поведения, основанная на отрицании права как социального института, системы правил поведения, способной эффективно регулировать поведение людей.

Значимость правовой культуры обеспечивается ее функциональностью, способностью воздействовать на правосознание и правовое поведение путем установления нормативных ориентиров, поскольку она определяет стандарт, которому должно соответствовать правовое поведение, формирования необходимого обществу уровня правосознания посредством воздействия на правовые установки индивидов и социаль-

ных общностей, выработки представлений о необходимости и разумности норм права, детерминации правового поведения через выработку легитимных образцов, правил, норм и ценностей.

В результате в ходе функционирования в системе общественных отношений право по-разному реализуется в различных сферах жизнедеятельности. Индивиды и социальные общности формируют свое собственное отношение к праву и правовым явлениям, интерпретируют свои права, обязанности и законные интересы, а также права и интересы других. Совокупность представлений, сведений и оценок индивидов и социальных общностей о правовой системе, функционировании, применении и значении права находит свое выражение в феномене правового сознания (правосознания), которое представляет собой форму общественного сознания, отражающую правовую действительность в виде совокупности юридических знаний, идей и представлений, а также оценочных отношений индивидов и социальных общностей к праву, механизмам его реализации, правовой системе и ее элементам, на основе которой формируются социально-правовые установки и ценностные ориентации, регулирующие поведение социальных субъектов в юридически значимых ситуациях.

Значимость правосознания как социальной категории обуславливает основные направления его социологического изучения: исследование правосознания социальных общностей: правовое сознание в значительной степени детерминировано особенностями социальной стратификации, в связи с чем социальные общности демонстрируют различный уровень знания права и характер отношения к нему (политические лидеры, предприниматели, руководители, государственные служащие, как правило, имеют более высокий уровень осведомленности о правовых отношениях и явлениях); выявление уровня правового сознания, связанного со способностями восприятия правовой реальности, оценками возможностей влиять на нее, наличием позиции по поводу правовой политики государства, знанием, и выполнением норм права; определение характера осведомленности социальных субъектов о нормах права и особенностей следования данным нормам в социальной жизни; характеристика массовости правосознания, включая выявление его национальных и региональных особенностей, а также опосредующих их факторов; оценка интенсивности правового воспитания, масштабов юридического образования, уровня квалификации юридических кадров; определение особенностей и проблем развития юридической науки.

Будучи включенным в систему социальных отношений и функционируя в поле правовой культуры, правосознание подвержено воздействию как объективных (исторические закономерности общественно-

го развития, противоречия экономической, политической, социальной жизни, социокультурная ситуация), так и субъективных (собственный социально-правовой опыт индивидов, их окружения и социальных общностей) факторов социальной жизни.

Правовое сознание представляет собой сложно структурированный феномен, в связи с чем характеризуется рядом разновидностей. Во-первых, особенности социальных субъектов опосредуют наличие двух форм правосознания: индивидуального, характеризующего уникальную совокупность знаний, представлений и оценок, характерных для отдельной личности, и общественного, представленного совокупностью правовых представлений, теорий, концепций, а также отношением к праву общества в целом и его отдельных социальных слоев. Общественное сознание в свою очередь дифференцируется на групповое, которое характеризует отношение к праву социальных групп и коллективов, корпоративное – представителей социально-профессиональных и политических групп и массовое – широких слоев населения, собственно общественное – общества в целом в ходе его исторического развития.

Во-вторых, общественное сознание может проявлять себя на двух уровнях: в виде правовой идеологии оно отражает систематизированную совокупность представлений о праве и его элементах, в виде правовой психологии – характеризует переживания, чувства и эмоциональные оценки социальных субъектов по отношению к праву.

В-третьих, будучи формой общественного сознания, правовое может функционировать как обыденное (обыденно-практическое) и включать несистематизированные, отрывочные, разрозненные представления о праве, характерные для большинства людей, либо как теоретическое (научно-теоретическое), которое образуется совокупностью научных знаний о праве, его сущности, истоках и генезисе, элементах, правопорядке, законности, принципах права и юридической ответственности. Разновидностью теоретического является профессиональное правосознание, которое характеризует знания и представления индивидов и социальных групп, имеющих специальную юридическую подготовку и профессионально занятых в правовой системе.

Генезис права обусловил формирование в том числе таких правовых систем, которые в настоящее время не функционируют, а сведения о них можно получить только из документальных источников. Это определяет различия между «книжным» и «живым» правом. Аналогичным образом можно выделить два вида правосознания: застывшее, существующее в документах в виде идей, теорий и концепций, и живое, функционирующее в повседневной жизни в виде регулятора правовых взаимодействий социальных субъектов.

В функциональном аспекте правовое сознание способно оказывать воздействие как на субъекты правоотношений, так и элементы правовой системы посредством когнитивной, аксиологической, регулятивной, нормативно-прогностической, идеологической, мировоззренческой функций, а также функции отражения.

В структурном аспекте правосознание выступает как система когнитивных, аффективных и волевых элементов. Когнитивный (познавательный) элемент характеризует конкретный объем правовых знаний – сведений о принципах права, общественном, государственном и правовом устройстве, содержании правовых норм, действии правовых институтов. Он может функционировать как система знаний о праве как социальном институте, регулирующем общественные отношения, либо как совокупность представлений о собственных правах, интересах, свободах, обязанностях и ответственности, а также видах деятельности, регулируемых правом. Аффективный (оценочный) элемент связан с отношением (эмоциональным) к праву, правовым явлениям, правовой действительности. Он реализуется в виде отношения к праву в целом и различным правовым явлениям (нормам права, механизмам правового регулирования, судебным, правоохранительным органам) либо в оценке собственного правового статуса, положения в правовой системе, действующей системы законодательства и возможностей проявления правовой активности. Волевой (поведенческий) элемент определяет проявление правовых знаний и отношений социальных субъектов к правовым явлениям в их реальном поведении.

Несмотря на достаточно длительный опыт изучения, определение феномена правового поведения не завершено в связи с его тесной взаимосвязью с другими нормативными системами (моральной, нравственной, религиозной и т. д.), а также постоянно воспроизводящейся потребностью в выработке норм, регламентирующих социальную активность. В этой связи правовое поведение можно определить как социально значимую сознательную деятельность социальных субъектов, направленную на реализацию своих интересов в системе общественных и правовых отношений, регламентированную правовыми нормами и способную повлечь юридические последствия.

Многообразие форм социальной активности, механизмов ее мотивации и наличие различных субъектов правоотношений проявляется в видовом многообразии правового поведения [1, 2, 5–9]. В зависимости от специфики социальных субъектов можно выделить индивидуальное (поведение отдельного индивида, физического лица) и коллективное (поведение социальных общностей – групп, организаций, юридических лиц) поведение; по характеру внешнего проявления – действие (активное, направленное на достижение определенной цели) и бездействие

(пассивное, связанное с несоблюдением норм или несовершенством необходимых действий); в зависимости от значимости социальных последствий – социально полезное (необходимое обществу и социально одобряемое и поощряемое) и общественно опасное (наносящее ущерб общественным отношениям); по характеру мотивационных механизмов – намеренное (преднамеренное) поведение, которое осуществляется специально, и непреднамеренное поведение, осуществляемое случайно. С точки зрения влияния на общественные отношения наиболее заметным выступает наличие внутреннего убеждения и обусловленность правосознанием, в связи с чем поведение может быть правомерным и неправомерным (противоправным). Данные формы поведения различаются в силу специфики их реализации.

Различия правомерного и противоправного поведения

Критерии	Правомерное поведение	Противоправное поведение
Социальная значимость	Способствует поддержанию и укреплению общественного порядка, выполняет интегративную функцию в обществе	Является общественно опасным, имеет деструктивные последствия и может негативно сказываться на всей системе социальных отношений
Применяемые нормы (юридические характеристики)	Разрешающие или обязывающие нормы	Запрещающие нормы
Социальный контроль и государственное регулирование	Социально одобряемо, поощряется, обеспечивается социальными гарантиями, поддерживается государственными органами	Не одобряемо, вызывает реакцию правоохранительных органов и применение мер юридической ответственности

Сознательная деятельность социальных субъектов, направленная на соблюдение правовых норм, имеет существенное значение для системы правопорядка.

В ходе своей жизнедеятельности индивид постоянно включается в систему общественных отношений и должен усваивать культурные нормы и осваивать социальные роли. Усвоение и воспроизводство индивидом социокультурного опыта, необходимого для полноценного его включения в общественную структуру, происходит на протяжении всей его жизни и осуществляется в процессе социализации. Разновидностью социализации, связанной с усвоением и осознанием правовых норм, выступает правовая социализация как процесс усвоения индивидом правовых знаний,

осознания своего места в системе правовых отношений и приобретения опыта правовой деятельности. Содержанием и целями социализации индивидов являются приобщение их к политическим и правовым нормам и ценностям, осуществление деятельности в рамках права, формирование у них внутренней ценностно-нормативной системы, направленной на использование возможностей права, усвоение правовых норм и формирование отношения к данным нормам, правовым институтам и учреждениям, усвоение правовой идеологии, а также подготовка индивидов к исполнению правовых ролей (например, истец, заявитель и т. п.).

Социализация предполагает преемственность, передачу социокультурного опыта, но не его простое воспроизводство. В процессе усвоения социальными субъектами ценностей и норм происходит их трансформация и адаптация к сложившимся социальным отношениям, потребностям и интересам.

Процесс реализации права определяется действием двух значимых социально-психологических механизмов: механизма правовой социализации и механизма принятия юридически значимого решения. Они являются основой для оценки возможностей реализации применяемых правовых норм. Разграничение данных механизмов связано с длительностью реализации правовой нормы. Механизм правовой социализации характеризует долговременный аспект реализации нормы и является основой правового поведения, обеспечивая усвоение норм и ценностей участниками правоотношений, их перевод во внутренний план. Интернализация норм обеспечивает их функционирование как мотивационного фактора поведения индивидов. В ситуативном аспекте действует механизм принятия юридически значимого решения, связанный с экстернализацией усвоенных правовых знаний, сформированного отношения к правовым явлениям, в соответствии с которыми осуществляется конкретное поведение. Собственная позиция индивида по отношению к правовым нормам, обусловленная его социализацией, в значительной степени предопределяет характер поведения и содержание конкретного решения в юридически значимой ситуации. В совокупности действие указанных механизмов формирует правовое поведение.

Особое значение данные механизмы имеют в профессиональной деятельности. В этой связи в качестве разновидности правовой социализации выделяют юридическую социализацию – процесс усвоения правовых знаний и опыта особой группой лиц с целью их обучения и подготовки к правотворчеству и правоприменению. Это в первую очередь относится к процессу профессиональной подготовки специалистов в области права – юристов. Тогда процесс социализации выглядит следующим образом: первоначально индивид проходит правовую социализацию вследствие

чего формируется его уровень правовой культуры, затем – социализацию юридическую, связанную с получением профессионального образования и формированием юридической культуры правоведа [10, с. 204].

Процесс социализации предполагает усвоение содержания правовых норм, выработку критериев оценки юридически значимых ситуаций и приобретение навыков использования правил в практической деятельности. Это в свою очередь требует выработки соответствующих механизмов передачи социального опыта и знаний. Выделяют три канала правовой социализации, определяющие ее основные формы: научение, передача опыта и символизация. Социализация посредством обучения связана с усвоением содержания норм права и приобретением правовых знаний, которые формируют уважительное отношение к правилам политической и правовой системы и представленным в них ролям. Социализация посредством передачи опыта предполагает исполнение индивидом различных ролей в социально-правовой системе, реализацию социально-политического и правового поведения и оценку опыта собственной правовой активности и деятельности окружающих. Она является результатом собственного правового поведения, которое существенно зависит от имеющихся у индивида знаний и установок. Символическая социализация формирует абстрактные представления индивида о праве на основе его оценок и реакций на явления правовой действительности, которые складываются не в результате их непосредственного восприятия, а на базе известного индивиду отношения к ним значимых для него социальных групп.

Процесс правовой социализации – один из наиболее сложных социальных феноменов, связанных с формированием общественного сознания. Характер правовой социализации социальных субъектов существенно влияет на уровень правовой культуры индивидов, социальных общностей и общества в целом и определяет эффективность правового регулирования.

Любая деятельность представляет собой сознательное и целенаправленное воздействие субъекта на какой-либо объект действительности. Особенности социальной деятельности являются ее преднамеренность, целенаправленность и осозанный характер. Одной из разновидностей социальной активности выступает юридическая деятельность как правомерное воздействие субъектов на правовую систему с целью поддержания или совершенствования механизма правового регулирования.

Юридическая деятельность является разновидностью социальной деятельности, обладает всеми ее характеристиками и включает в себя все формы познавательной (связанной с освоением окружающей действительности) и социально-коммуникативной (связанной с установлением, поддержанием и прекращением социальных взаимодействий) активности.

Особенность юридической деятельности определяется ее ограниченностью в пределах правовых норм и направленностью на поддержание стабильности в обществе, правопорядка и законности. Акты неправомерного поведения к юридической деятельности относиться не могут в силу своей оппозиционности праву и общественно опасного характера. Все формы правонарушений и преступлений формируют особую социально опасную сферу правовой деятельности, выходящую за пределы права.

1. Казимирчук, В.П. Современная социология права / В.П. Казимирчук, В.Н. Кудрявцев. – М. : Юрист, 1995. – 297 с.
2. Кизима, С.А. Социология права / С.А. Кизима, М.А. Кизима. – Минск : Изд-во МИУ, 2003. – 89 с.
3. Степанов, О.В. Социология права / О.В. Степанов, П.С. Самыгин. – Ростов н/Д : Феникс, 2006. – 285 с.
4. Русская философия и социология права / авт.-сост. Ю.А. Агафонов, В.В. Шагин, Н.А. Зимонина. – 2-е изд. – Ростов н/Д : Феникс; Краснодар : Краснодар. Акад. МВД России, 2005. – 400 с.
5. Беспалый, В.О. Социология права / В.О. Беспалый. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2009. – 175 с.
6. Владимиров, В.А. Социология права / В.А. Владимиров. – Минск : Ин-т упр. и предпринимательства, 2003. – 72 с.
7. Касьянов, В.В. Социология права [Электронный ресурс] / В.В. Касьянов, В.Н. Нечипуренко // Библиотека socioline.ru. – Режим доступа: <http://socioline.ru/pages/kasyanov-vv-nechipurenko-vn-sotsiologiya-prava>. – Дата доступа: 20.02.2020.
8. Рубанов, Г.В. Социология права / Г.В. Рубанов. – Минск : МИТСО, 2005. – 116 с.
9. Юридическая социология / В.А. Глазырин [и др.] ; отв. ред. В.А. Глазырин. – М. : НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2000. – 368 с.
10. Варданянц, Г.К. Социологическая теория права / Г.К. Варданянц. – М. : Акад. проект, 2007. – 439 с.

Поступила: 18.06.2020

E.V. Shkurova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor (Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus)

PROBLEMATIZATION OF THE MAIN CATEGORIES IN THE SOCIOLOGY OF LAW

The article carries out the conceptualization of legal phenomena through theoretical and methodological understanding of the main categories of the sociology of law. The essential, structural and functional characteristics of such phenomena as legal culture, legal consciousness, legal behavior, legal socialization and legal activity are presented.

Keywords: categories of sociology of law, legal culture, legal consciousness, legal behavior, legal socialization and legal activity.

Научное издание

**ПСИХОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА
И СОЦИОЛОГИЯ
В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Сборник научных трудов

Основан в 2019 году

ВЫПУСК 2

Подписано в печать 28.12.2020. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 12,09. Уч.-изд. л. 12,43.
Тираж 100 экз. Заказ 296.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск.